

XXI ВЕК

ВОЛГА

3-4 2014

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Демченко – доктор филологических наук, профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
И.В. Пырков – член Союза писателей России (Саратов)
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

3-4
2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Валерий КРЕМЕР. **Мост над бездной** 3

ОТРАЖЕНИЯ

Наталья МОЛОВЦЕВА. **Любовь цвета бабочкиного крыла** 11

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

«Изменить реальность словом» (Беседа Карины Сейдаметовой
с поэтом и прозаиком Мариной Струковой) 34

ПОЭТОГРАД

Елена КРИКЛИВЕЦ. **Когда любовь становится судьбой**..... 40

ОТРАЖЕНИЯ

Я. УДИН. **Вой одинокой собаки** 47

ПОЭТОГРАД

Иван ШУЛЬПИН. **Всё чаще снится родина моя**..... 62
Алексей БОРЫЧЕВ. **Тихий голос окликнул меня**..... 66

ОТРАЖЕНИЯ

Владимир КАНТОР. **Помрачение (Окончание)** 71

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

«Главное в литературе не делать, а доделывать...»
Письма В.П. Астафьева к В.И. Политову 129
Виктор АСТАФЬЕВ. **Яшка-лось** 144

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

«Писатель ты или нет, покажет только время...»
(Беседа с саратовским писателем Иваном Михайловичем Корниловым) . . . 153

В МИРЕ ИСКУССТВА

Анна МОРКОВИНА.
«И здесь кончается искусство, и дышат почва и судьба...» 161

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Гульсара ТУКТАРОВА. **Тонкая материя** 166
Оксана МУХИНА. **Столько жизни в умирающей листве**..... 168
Но светит мне погасшая звезда...
(Стихи участников литературного объединения «Лира») 170

РЕЦЕНЗИИ

Галина ШЕСТОПАЛОВА. **Отблеск божественности** 172
Олег ФЕНЧУК. **«Молитесь лучше, господа, за нашу Русь...»** 176

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Фрид РАШИТОВ. **«Татарский пророк» из Саратова** 180

**Валерий
КРЕМЕР**

МОСТ НАД БЕЗДНОЙ

Кто я? Дождь или птица,
Или знак рубежа?
Я хочу воплотиться,
От озноба дрожа.
До костей пробирает
Ночью звёздный сквозняк.
Если свет умирает,
Воплощается мрак.
Что-то я недослышал
И в себе, и в других,
В этих сгорбленных крышах
И касаньях слепых,
В перекошенных песнях
И надтреснутых снах...
Утром слово воскреснет
И взойдёт на губах.
Воплощением поздним
С высоты ледяной
Свет, ударившись оземь,
Обернётся собой.

-
- Валерий Адольфович Кремер родился в 1954 году в Саратове. Окончил филологический факультет СГУ. Служил в армии, работал учителем в сельской школе, корреспондентом в различных газетах Саратова.

Публикуется в периодической печати с 1973 года. Стихи печатались в саратовской периодике, коллективных сборниках Приволжского книжного издательства, журналах «Волга», «Волга—XXI век», «Московский Парнас» (Москва), в литературно-художественных альманахах «Саратов литературный», «Зелёный остров», «Сюжет», «Моргенштерн» (Союз российских немецких писателей), «Тритон» (г. Москва), «Трёхцветная кошка» и «Сквозь тишину» (г. Санкт-Петербург).

Лауреат фестивалей поэзии в Волгограде и Сызрани. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей России.

Какой ещё ты ищешь воли?
Ведь в мире, где добро и зло
Срослись, как тело и крыло,
Её не может быть без боли.
Ты пролетаешь наугад
Сквозь чей-то удивлённый взгляд,
Летишь сквозь тело и сквозь душу,
В который раз даря и руша.
Там всё сомкнётся, всё срастётся,
Переиначится потом.
Улыбка криком обернётся,
А горечь прорастёт цветком.
Вглядись: на небе нет созвездий,
Что ты прошёл, прожёл насквозь.
Опомнись! Ухватись за ось,
Как колесо, что с пользой едит.
...И сделал он кругов без счёта:
И униженья, и почёта,
Тоски и радости земной,
Дрожь крыльев пряча за спиной.
И жил одним: лишь взмах – и мимо
Застывших дней, домов, дорог...
Как сладко, как непоправимо
Земля уходит из-под ног...

Если встретишь, то не узнавай:
Слишком кончилось всё несчастливо.
Слишком медленно едет трамвай.
Слишком быстро кончается пиво.
Слишком мало осталось монет
Драгоценных в душевной записке.
Слишком многое сходит на нет,
Не сливаясь с ответом задачки.
А задачка на диво проста:
Умноженье, деленье, сложенье.
Только зеркала плоскость пуста,
Где должно быть твоё отраженье...

Что тебе подарить в ответ
На любви лепет?
У меня ничего нет.
Только слов трепет.
Будет день до конца спет,
Надо лишь посметь.
Ведь у нас ничего нет.
Только жизнь и смерть.

Всё, что мы говорим, – это лишь арифметика,
А миры открывают другие ключи.
У тебя на плече золотая отметинка,
Словно звёздочка близкая в смуглой ночи.
Я целую её, и приходит в движение
То, что звёзды рождает и тайно ведёт.
Небо в небе другом пьёт своё отражение,
И твоя арифметика алгебру бьёт.

Жизнь прекрасна, а ночь коротка.
Дай мне руку, любимая.
Видишь, вспыхнула в небе строка –
Лучезарная, зримая.
Разлучимся, но так далеко
Это страшное таинство.
Так прозрачно, волшебю, легко
Всё, чего мы касаемся.
Не забудь, только ты не забудь
Ничего из прошедшего.
Только путь. Только пройденный путь.
И блаженство нашедшего.

Прижми меня к груди,
Ведь время тает.
Что будет впереди,
Никто не знает.
И что там, впереди,
Ответ попробуй.
Прижми меня к груди –
Спасёмся оба.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

Тянулись прощанья и вязкие споры.
 Минуты слипались в одну.
 И в поисках света и точки опоры
 Он в душу свою заглянул.
 Там было темно. И, отбросив уловки,
 На риск небывалый идя,
 Он стал опускаться в неё по верёвке,
 Фонариком детским светя.
 Пространство её расширялось и длилось.
 В нём луч прорезал, как ножом,
 Лишь щели. В нём что-то враждебно таилось,
 Как в доме уснувшем чужом.
 Безрадостны поиска были итоги:
 Высвечивал луч по щелям
 Вчерашних обид запылённые клоки
 И прочий нестоящий хлам.
 Ладони слабели. Верёвка качалась,
 И начал фонарик мигать.
 Душа пустотелая всё не кончалась,
 А стоило ль дальше искать?
 Секунды звенели вверху как подковки,
 И мысли хлестали как жгут:
 «Замешкайся, только и ждут,
 Возьмут – и ножом по верёвке...»
 Добычей имея узор паутины,
 Он вылез, замёрзший, без сил.
 Куда-то блестящие мчались машины.
 «Такси! – закричал он. – Такси!»
 Запела резина, не чувствуя фальши.
 Он дверцу поспешно рванул.
 «Куда вам?» – «Подальше. Как можно подальше».
 И галстук, как шов, затянул.

Как вдохновенно, как упруго
 Несётся звонких слов поток.
 Слова легко плодят друг друга,
 Чтоб заглушить души зевок.
 Они играют так искусно
 Поступка, мысли, чувства роль.
 А вздох правдивей слова «грустно».
 А стон правдивей слова «боль».

Открой окно. Вдохни сто граммов пыли.
Ведь всё равно мы жили, но не были.
И не узнать нам, сколько до конца:
До тонны пыли иль куска свинца.
Мы жгли мосты и корабли топили.
Куда ж нам плыть, когда уже приплыли?
Когда известны роль, король, пароль.
И путь кремнист. Но парус съела моль.

Никому никуда никогда не дано возвратиться.
Ты глядишь мне в глаза, только кто я – никак не поймёшь.
Ты меня ещё помнишь камнем, а я уже птица.
Ты меня уже видишь свечой, а я ещё дождь.

Вселенная объята тьмой.
В ней всё иначе.
И блудный сын идёт домой
И горько плачет.
С лица стирает соль и гной
И, коченея,
Он лишь твердит: «Домой, домой,
Домой скорее...»
И видит, что не перейти
Сквозь ночь итога.
И шепчет, падая: «Прости»,
Как имя Бога.

MAME

Помолись за меня, дорогая.
Жизнь не злая, а просто другая.
Не моя. Толкотня, круговерть.
Суета не на жизнь, а на смерть.
Что поделать, я – певчая птица.
Не случилось мне ловчим родиться.
Я рождён, чтобы петь и любить.
А за окнами – время ловить.
В жизни ложной и стинуть несложно
Среди битв, что гремят ради битвы.
Помолись за меня. И, возможно,
Удержусь я на лезвии бритвы.

ПЛАСТИНКА БАХА

Пускай остановить прощанье
И этой музыке невмочь,
Нас напоследок сблизит тайна,
Что окунает пальцы в ночь.
Поставь ещё... Она ответа
Не даст на поиски вины,
Она споёт о гранях света,
О переливах тишины.
Закружится перед глазами,
На вечность забежав вперёд,
И то, что не случится с нами,
В ней всё-таки произойдёт...

Я – узник своего лица.
Я – узник голоса и тела.
Но свету взгляда нет предела,
И зову света нет конца.

Дороги и слова провисли,
Но всё хранит душа твоя
Путь смертной оболочки мысли,
Летающей к тайне бытия...

Ну что ещё просить, скажи?
Чего вымалывать у Бога?
Когда дарованная жизнь
Так милостива, хоть убога?
Известно небу наперёд,
Кто взмоет вновь, кто рухнет оземь,
А кто полжизни проведёт
В подобострастно-лживой позе.
По вере, а не по уму
Воздастся, грянет, отзовется.
Но даже Богу Самому
Не ясно, кто С собой проснётся...

К себе по звёздам путь торим
В десятый раз и в сотый,
Но запах лжи неистребим.
Неистребим – и всё тут.
И каждый уходящий век
Темнеет как надгробие.
И лепит Бога человек –
Свой образ и подобие.

ПОКОЛЕНИЕ НОЛЬ

Поколение ноль
Приближается к смерти,
Возлюбив свою боль,
Словно деньги в конверте.
Выпив столько вины
Под раздачу Отчизны,
Что уже не нужны
Плачи и укоризны.
Нас сломали два раза,
Мы дважды нули.
Наши мёртвые фразы
Надгробьем легли.
На губах пыль и соль,
Ветер носит враньё.
Поколение ноль
Отыграло своё.

Ночь вдруг коснётся откровенья,
И ты поймёшь, что мир незряч.
И недостаточно горенья,
Чтоб разбудить полёт и плач.
И будет утро. Просто утро.
И день раскроется цветком.
Что было глупо или мудро,
Узнаешь только лишь потом,
Когда мы станем бестелесны
И в свет иль мрак взлетим без виз.
А жизнь всё та же – мост над бездной.
И мы идём, не глядя вниз.

Душа воспрянет, вновь почуя,
Как сладок воздух бытия.
Пропитывая и врачуя,
Он знает, что такое я.
А я не знаю. Только мучась,
Бегу сквозь время напрямик.
Таков удел. Такая участь.
Слепой, неумный ученик.
Но сила есть в пространстве взгляда
И в нежном шорохе травы.
Непобедимая прохлада
Необъяснимой синевы.

Играл мелодию, а думал о другом:
О светлом, праздничном, о самом дорогом.
О том, что вечно не даётся в руки,
О суете, о бренности, о скуке.
И думал: Господи, спасись бы от тоски,
От вечной непонятности значенья.
И понял вдруг, смущаясь от прозренья:
Мы сами музыка и вечности ростки.

И белый день раскроет крылья,
И отворится синева,
И ты узнаешь без усилья,
Что жизнь права, права, права.
И в чистом небе растворится
Всё то, что мучило и жгло.
И ничего не повторится.
И ты поймёшь, что не могло.
Есть только путь вперёд и выше,
А оглянуться – значит пасть.
Вглядись, как голуби на крыше
Друг с другом милуются всласть.
Права на свете только нежность,
И нас целует небосвод.
А утренняя белоснежность
Сияет так, что сердце жжёт.

*Поздравляем нашего постоянного автора,
замечательного поэта
Валерия Адольфовича Кремера с юбилеем!*

**Наталья
МОЛОВЦЕВА**

ЛЮБОВЬ ЦВЕТА БАБОЧКИНОГО КРЫЛА

АЛЛО, ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ?

...Откуда, почему появился вдруг этот голос? Чуть глуховатый, бархатного тембра, а главное – такой родной, словно слышала его с самого детства, с той самой поры, когда мир постигался без помощи всякого рода посредников в виде книг или телеэкрана, то есть напрямую, через звук, запах и цвет. По радио звучало, оставляя её равнодушной, множество голосов, а этот проникал не только в сознание, но в самое, кажется, сердце, отчего сердцу становилось в грудной клетке теплее и мягче. И хотелось жить дальше.

«Но, может быть, он лжёт? – думалось Зиночке. – Лжёт, как лгут сейчас многие. Может, его, этот бархатный тембр, оплачивают звонкой монетой (сейчас все торгуют, вся Россия превратилась в один большой базар), и только ради этой монеты... Какой, впрочем, монеты? Эквивалентом всему давно стал зелёный божок – доллар, так вот, возможно, только ради него задушевность да бархатистость и существуют?! А вовсе не ради неё и всех, кому адресована передача.

-
- Наталья Николаевна Моловцева – прозаик, журналист. Родилась в с. Константиновка Ромодановского района Мордовской АССР. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала в районных газетах Магаданской области и Якутской АССР, областной газете на Сахалине. Как прозаик публиковалась в «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Кольцовский сквер», «Странник», «Ковчег», «Север», «Молоко», сборниках прозы «Женская логика» и «Чистенькая жизнь». Автор книг «Меня оклики» и «Тонкий серпик Луны». Живёт в г. Новохопёрск Воронежской области.

Мысль эта была сколь логичной, столь и уязвимой: ложь может заключаться в словах, а в интонации? Разве такое возможно? Нет, такого не может, не должно быть! Иначе как тогда Зиночке ориентироваться в этом мире?!

Зиночка давно уже воспринимала (снова как в детстве) мир через звук. Глаза, и в молодые годы служившие ей не особенно верно, в последнее время откровенно начали подводить её, не желая выполнять отведённого им природой предназначения. Врачи только руками разводили: всё, что можно, мы уже сделали, большее нам не под силу.

И это значило, что надо привыкать к новой реальности.

Ох, уж эта новая реальность! Отовсюду только и слышно это словосочетание, его не раз произносил и её любимый радиоголос; она, эта реальность, стала проявляться, проступать решительно во всём, что всегда было привычным, хорошо знакомым, утверждённым, казались, раз и навсегда: в жизненном укладе их маленького городка и устройстве целого государства, в цвете флага над государством и их городком, в ценах на промтовары и продукты питания...

Слава Богу, что хоть в содержании миров, заключённых между двумя корками книг, всё остаётся без перемен, хотя что Зиночке в этом, если она давно потеряла доступ к этим желанным мирам? Её личная новая реальность – это мир без чётких линий и цвета, это светлые пятна окон и чёрное пятно полированного стола, это любимые цветы – розы, узнаваемые по запаху да шипам...

Единственное, что с течением времени не перестаёт ей изменять, – это звук. Утро для неё начинается с приветствия, произносимого по радио – нет, пока ещё не её любимым голосом (любимый – тот появится во второй половине дня). Позволив себе немного понежиться в постели, Зиночка встаёт, идёт к умывальнику (по дому она могла бы передвигаться хоть и с закрытыми глазами – целая жизнь здесь прошла, и за целую жизнь мало что изменилось: те же книжные полки, тот же платяной шкаф, та же металлическая кровать с панцирной сеткой. Тот же круглый стол, на котором стоит электрическая плита, что очень удобно: и вскипятить чайник, и попить чаю можно, не отходя от стола, даже не вставая со стула. К газовой плите Зиночка подходит, только когда готовит обед. Нельзя сказать, что это желание появляется у неё особенно часто – гораздо чаще она обходится чаем с бутербродами...

Вот и сегодня, попив чаю с кусочком сыра, она, как и все нормальные современные люди, включает телевизор. Правда, в отличие от всех, она видит на экране только пятна – продолговатые пятна человеческих фигур. И всё-таки без телевизора Зиночка бы не смогла – он дарит ей много, гораздо больше, чем радио, голосов и звуков. Утром она смотрит-слушает «Дикую Розу», вечером – «Санта-Барбару».

Зиночка всю жизнь проработала учительницей и, пока позволяло зрение, много читала, вот почему ей понятно, что ни «Розу», ни «Барбару» к шедеврам киноискусства отнести никак нельзя, но вся беда в том, что в новой реальности, окружающей её со всех сторон, совсем не осталось фильмов с нормальным звуком: в них кричат, виз-

жат, стонут, стреляют, взрывают... Нет, не с её, Зиначкиными, нервами выслушивать такие фильмы! В «Дикой Розе» и «Санта-Барбаре» говорят нормальными человеческими голосами – за одно это можно многое им простить.

В последнее время Зиначка ловит себя на том, что даже собственное прошлое она вспоминает чаще всего именно в звуке. Например, голос – он помнится дольше всего. Достаточно ей подумать о матери, умершей давно, ещё до войны, как в памяти тут же всплывает: «Зиначка, что бы ни случилось, как бы ни сложилась твоя жизнь – постарайся закончить институт».

Эти слова были советом, просьбой, мольбой, маминым завещанием – всё, что она могла оставить дочери, покидая этот мир, уместилось в одну фразу, и разве забыть Зиначке, КАКИМ голосом она была произнесена!

До чего же быстро течёт земное время! Мамы нет, а её дочь давно уже называют «ветераном». Приходившая к ней недавно девчонка из местной газеты так и сказала: «Мне поручили написать материал о ветеране, давайте вспомним ваши военные годы...» Разумеется, Зиначка к этому уже привыкла – не впервые её так называли, и всё-таки сердце в очередной раз дрогнуло: ветеран – она? «Ты, ты, – укорила она саму себя. – И пора бы уж перестать по этому поводу вздрагивать – в твои-то семьдесят с хвостиком...»

Голосок юной корреспондентки Зиначке чрезвычайно понравился, и она с удовольствием поговорила с ней об учёбе на журфаке, где Марина (девочку звали Мариной) училась заочно, и ещё о школе, которую Марина окончила и куда Зиначку в своё время звали работать, но она не пошла, привыкнув к своему интернату для глухонемых детей: Зиначка знала, что далеко не каждый учитель способен этих детей любить, так зачем же освобождать место для такого?

Словом, пообщались с гостьей они славно. Не совсем только получился разговор на основную тему. Журналистка хотела услышать от неё «что-нибудь героическое», а она, как ни старалась, ничего героического припомнить не могла. Ну где, где было взять Зиначке «героического», если служила она санинструктором в эпидемотряде, а это значит хоть и в неглубоком, но тылу? И раненых с поля боя на своей спине она не выносила. И перевязок под свистом пуль не делала. Зиначка выполняла нудную, рядовую, абсолютно гражданскую работу: заботилась о чистоте солдатского белья. Перебирая пропитанные густым мужским потом и запёкшейся кровью гимнастёрки, она проникалась священным ужасом: вот кто герои, вот где кошмар, боль, нечеловеческое напряжение сил – на передовой!..

Передовой Зиначка просто-напросто боялась, но не признаваться же в этом девчонке-корреспондентке! Что она в этом поймёт, что после этого о ней будет думать?

Хотя... Намного ли взрослее была тогда она сама? Да ничутьки! Ей было всего семнадцать, когда предстала она перед строгим особистом, металлически-бесчувственным голосом задававшим ей и такие, и этикие вопросы, испытывающим её на предмет политической благонадёжности и профессиональной пригодности: учительница по обра-

зованию (выполнила-таки мамин наказ!), следовательно, интеллигентка – сможет ли она бороться с грязью и вшами? Зиночка отвечала на вопросы и недоумевала: зря, что ли, она отзанималась три месяца на курсах медсестёр в своём родном городке, а потом ещё столько же отработала в госпитале, размещённом в её родной школе? И чего только юным медсёстрам в том госпитале делать не приходилось: уколы и перевязки – это само собой, а ещё как раз бесконечная стирка белья и бинтов, с которой прачки и санитарки не управлялись. И неизвестно, что было тяжелее – вместе с бинтами стирать кожу на пальцах или перевязывать пробитые черепа, култышки рук и ног.

Однажды Зиночке пришлось даже ассистировать хирургу (хирургическая сестра получила похоронку на мужа, и работник из неё в этот день был никакой). У раненого ампутировали ногу. Зиночка, преодолевая ужас (у неё ещё не было привычки к каждодневной жёсткости войны), подавала хирургу инструмент, а потом, выполняя его распоряжение, в металлическом тазу понесла ТО, ЧТО ОТРЕЗАЛИ, в котельную. Таз был прикрыт старой газетой, и всё равно Зиночка с трудом сдерживала тошноту и чувствовала, как её собственные ноги становятся слабыми, ватными...

Когда она плюхнула принесённый таз на пол, истопник выпучил на неё стеклянные глаза:

– А где спирт?

– Какой спирт? – не поняла Зиночка вопроса.

– Ты что – не знаешь, для чего ЭТО принесла?

Решив, что объяснил всё, истопник («Дядя Федя», – вспомнила Зиночка его имя) с сердцем прибавил:

– Думаешь, я железный? У тебя душа, а у меня балалайка?..

Рассказывать про этот эпизод особисту Зиночка, конечно, не стала. А про всё остальное рассказала. В конце концов тот удовлетворённо заключил: «Ну что ж, думаю – справишься». Это сейчас по тону и вибрациям, исходящим от голоса, она способна ставить диагноз человеческой душе, а тогда... тогда этой способностью она не обладала. И потому ни голос, ни даже последовавшая в заключение фраза: «А главное, тебе надо уяснить, что армия – это место, где выполняют приказы» – её не насторожили. Озадачило разве что замечание по поводу её внешности. «Фигурка хорошенькая» – это или что-то в этом роде сказал строгий собеседник, и она ушла, недоумевая: при чём здесь фигурка?

Разъяснилось всё довольно скоро. Вечером того же дня суровый особист, уже не чинясь и не хмурясь, предложил ей прогуляться до близлежащего леса. Зиночка согласилась. А когда поняла, какого рода испытаниям будет подвергать её на этот раз потерявший важность начальник, ответила решительным отказом.

На другой день в сенцах штаба – крепенького домика в середине села – увидела она приказ о её отправке на передовые позиции. И вот тут Зиночка самым настоящим образом струсила. В голове мгновенно всплыла фраза, произнесённая одним из раненых в госпитале её родного городка, когда она поделилась с ним намерением проситься на фронт: «Без вас, медработников, на войне невозможно, но...

Всеми силами сопротивляйся отправке на передовую! Вы ещё не приехали, а мы уже делим вас...»

В панике Зиночка побежала к политруку, всё как на духу рассказала. И произошло чудо: её оставили в эпидемотряде.

...Ну, и как рассказать об этом девчонке, едва окончившей школу? Она-то ждала – героического...

Впрочем, впрочем...

Они, нынешние девчонки, кажется, многое понимают. Зиночка судит об этом по своей внучке Маше.

До восьмого класса Машу привозили к бабушке родители. А после восьмого девчонка заявила, что она вполне взрослый человек, способный самостоятельно преодолеть расстояние от родного сибирского города до среднерусского бабушкиного. И вот уже два года Маша приезжает к Зиночке одна.

Замечательные диалоги возникали у них временами!

– Машенька, расскажи, как вы там, в своём далеке, живёте?

– Нормально, бабушка. Папа работает, мама... живёт на уровне.

– «На уровне» – это как?

– А чтобы всё у нас было классно: от унитаза до манеры встречать гостей!

Умудрённой жизнью Зиночке потребовались годы, чтобы разобраться в отношениях сына и невестки, а Маша, пигалица, выдала характеристику внутрисемейной жизни в «восьмиклассном» возрасте. Точность внучкиных формулировок Зиночку просто поражает. Например, столичного двоюродного брата, то есть её, Зиночкиного, внука, она обозвала однажды «пирожком без начинки». Зиночка поначалу обиделась: разве можно так – о близком родственнике? Потом же (про себя, конечно, не вслух) согласилась: Димка и впрямь вырос созданием на редкость анемичным. Сказали родители (Зиночкины дочь и зять): «Хватит учиться» – он с радостью оставил школу; сунули парня в медучилище, на зубопротезное отделение, – он и туда без звука пошёл...

Впрочем, послушный сын – находка для родителей, и Зиночка, конечно, занимает странную для бабушки позицию, бывая внутренне недовольна внуком. Хотя, разумеется, ни дочь с зятем, ни сам Димка в известность об этом не ставятся. Эти свои соображения Зиночка держит при себе, а Маше нередко даже ставит Димку в пример:

– С ним никаких хлопот!

На что Маша презрительно фыркает:

– Зато потом заплачутся!

«То – потом, – думает опять же про себя Зиночка, а с тобой, дорогая Машенька, переживаний хватает уже сейчас. Вспомнить хотя бы твои постоянные влюблённости. Бедные родители... Миша (её, Зиночкин, сын) пытается реагировать на увлечения дочери с юмором («Скатертью дорожка; если без приданого – с радостью отдам»), зато его супруга доходит каждый раз до предельного гнева и пафоса: «Никогда! Ни за что! Пока не встретится серьёзный, солидный, обеспеченный...»

Что родители! Зиночка сама прошлым летом едва не сошла с ума, когда соседка доверительным шёпотом сообщила ей, что видела Машу

на пляже с молодым человеком, только что вернувшимся из мест заключения. «Помяни моё слово: закружит ей голову, кобель...»

В тот же вечер Зиночка без обиняков и предисловий спросила:

– Это правда, что ты встречаешься с бывшим зэком?

Маша и секунды не дала себе на размышление:

– Ну и что, что сидел? Ты послушай, какие стихи он пишет! Мандельштам, между прочим, тоже сидел.

– Так тот – за политику!

– А этот – за чужую подлость!

– А что я твоим родителям скажу?

– Бабушка, вспомни себя!

Вспомни себя... Что ж, Маша имеет право на такую фразу. История её любви внучке хорошо известна – с её же, Зиночкиных, слов.

Влюбилась Зиночка на фронте (от особиста убежать удалось, от любви – нет), и предметом её сердечной привязанности стал не танкист и не пулемётчик, и даже не пехотинец, а простой полковой писарь. Сколько книг написано о войне после войны, сколько фильмов снято, но нигде – никогда – героиня не влюблялась в писаря. Потому как это очень негероическая фронтовая специальность.

Её Сеня был (а вот это уже случалось часто) ещё и женатым. Ах, каким каллиграфически-чётким почерком вёл он фронтовую канцелярию! Точно таким же почерком он писал и письма домой. Прежде чем свернуть письмо треугольником, протягивал его ей. Она махала руками: не буду, не буду читать! Зиночка и без того знала, что письма были сдержанными как с той, так и с другой стороны. А когда мать написала сыну, что «Надюха спуталась с завпекарней», Сеня и вовсе стал отвечать одной только матери.

Всё это Зиночка рассказывала любопытной Маше. Чего-чего, а выпытывать та умела: «Ой, бабушка! Расскажи, бабушка!» А кроме того, Зиночка и сама считала, что лучшим способом подготовить Машу к близкой уже взрослой жизни будет вот это: говорить об этой жизни правду.

Вот почему известно Маше и о том, что, когда Зиночка забеременела, Сеня сказал: «Смотри, не сделай чего с собой. Тогда потеряешь не только ребёнка, но и меня».

Зиночка не послушалась. В августе сорок пятого (девушки-фронтовички подлежали мобилизации первыми, а Сеня должен был задержаться в полковом штабе до полного его расформирования) Сеня провожал её из города Берлина домой. Поезд стоял под парами, Сеня держал её за руку, а девчонки, фронтовые подруги, фельдшерницы Валя и Таня (они уезжали чуть позже) под тёплые слова прощания и напутствий насовали ей целый чемодан пелёнок и распашонок чудного заграничного покроя. И когда поезд тронулся, Зиночка чувствовала себя вполне счастливой: ни о чём, ни о чём ей думать теперь не надо, всё у неё есть. Остатся одна забота – ждать Сеню.

Попутчицей её оказалась генеральша. Цепко оглядев Зиночку с головы до ног и задержавшись взглядом на круглом, просторном животе, она строго поджала губы и разжимала их потом только в случае крайней необходимости. Зиночке было не до пустяков:

перебирая содержимое своих узлов и чемоданов, она не переставала радоваться обилию детского белья. С Сеней у неё уговор был такой: после демобилизации он заедет домой, повидается с матерью и детьми и сразу потом – к ней...

До советской границы добирались больше недели, потом ещё столько же – до Москвы. Ночью перед прибытием в столицу у Зиночки начались схватки. На верхних полках, над Зиночкой и генеральшей, спали офицеры, и, когда Зиночку скрутила предродовая боль, она сунула в рот конец полотенца и сжала его зубами. Генеральша сбегала за проводницей, вдвоём они приняли у Зиночки сына (причём роженица, как медроботник, ещё и руководила их действиями). Генеральша, проявив в такой необычной ситуации сноровку и навыки проворной русской бабы, завернула мальчика в мягкую немецкую пелёнку со словами: «Ну вот, пошла на войну одна, а вернётся вдвоём». На что Зиночка, в очередной раз разжав зубы и освободив на время полотенце, неожиданно, в том числе и для себя самой, заявила: «Кажется, втроём даже...»

Вслед за сыном на свет появилась дочь...

Утром генеральша впервые поглядела на Зиночку с уважением, помогла собраться и, передавая два аккуратных свёртка с рук на руки прибывшим к поезду санитарам, опять же по-бабы просто сказала: «Ох, и не завидую я тебе!»

Зиночка генеральшу не поняла.

Зиночка была оглушительно счастлива.

Это счастье не покидало её и в столичном роддоме, и потом, пока добиралась из столицы домой, и когда обживалась заново в родном, оставленном на целых четыре года доме.

Ждала письма от Сени. Вскоре оно и пришло: «Милая, хорошая, родная! Прости, но я не нахожу в себе сил уехать от семьи, от детей...»

...Ну где, где взять Зиночке героического прошлого? Ни на войне его не было, ни потом, в мирной жизни. Разве это героизм – стирать детскую одежку, вытирать сопливые носы да провожать ребят в школу?

Было, конечно, шипенье вслед: «Другие ордена да медали с войны привезли, а эта...» Было, когда единственное выходное платье (заграничные фронтовые запасы истощились быстро) перекроила на платьице для Любаши. Много чего было, да... прошло ведь! И в конце концов всё образовалось, всё получилось как у всех людей: дети закончили школу, потом – институты, и вот теперь Люба в Москве, сын – в Томске. Люба преподаёт в школе для глухонемых детей (по материнским стопам пошла), а Миша работает в аэропорту радиоинженером.

Двое внуков растут – Маша и Димка.

Зиночка всегда сердилась, если Капа звонила ей перед самой радиопередачей. Обычно сдержанная и корректная, тут она не могла сдержаться и говорила резкости вроде: «Что – другого времени не нашла?» Капа, зажав трубку между плечом и ухом, махала руками

(это было легко представить, зная заполошный Капитолинин характер) и кричала в ответ: «Всё-всё, молчу, слушай своего любимого...»

Подруга Капа тоже жила одна: мужа схоронила, дети жили по большим городам. Её жизнь в общем-то очень похожа на Зиночкину. С большим, правда, перед ней преимуществом: хлопотушка Капа (пирог и сейчас печёт каждый выходной и частенько приносит их Зиночке, и тогда они пьют чай, наслаждаясь каждая своим: Зиночка – пирогами, а Капитолина – возможностью болтать сколько душе угодно), так вот, хлопотушка Капа в любую минуту может взять письмо от дочери или сына и хоть в десятый, хоть в сотый раз перечитать каждую его строку. Зиночке же приходится полагаться только на память. Конечно, Капитолина читает письма и от её, Зиночкиных, детей, но только – один раз, редко – два. Больше – Зиночка не велит. И не от гордости, а из какого-то суеверного, глупого чувства: чем чаще она будет читать старые письма, тем реже будут приходиться новые.

Вот и перебирает она – только в памяти – строчки писем дочери и сына (впрочем, тут больше пишет Маша), примеривается к ним так и эдак, стараясь угадать за явным ещё и тайный, напказ не выставляемый смысл. Любаша, зная, что читать письмо будут не мамыны, а Капины глаза, пишет скупое, самое, на её взгляд, необходимое. А на Зиночкин взгляд, без этого необходимого (например, вопросов о её, Зиночкином, здоровье) вполне можно было бы обойтись. Лучше бы о своём самочувствии написала. Но... тогда бы пришлось говорить о муже, который в последние годы пьёт всё больше и больше, и писать об этом Любаша, конечно, не будет. И не потому, опять же, чтобы мамина подружка не знала, а потому, чтобы не знала об этом прежде всего она, Зиночка. Не знала и не расстраивалась зря, потому что – что тут сделаешь? Всё, что можно, Любаша уже сделала, только вот толку нет как нет...

В каждом письме зовёт её дочь к себе. Зиночка однажды сделала такую попытку, поехала. Бр-р-р... Больше подобной глупости она не совершит. Вообще, Любаша правильно сделала, что постаралась дать Димке профессию в руки как можно раньше...

Не поедет она и к сыну. Во-первых, потому, что квартира там двухкомнатная (в одной комнате – Миша с женой, в другой – Маша, а её куда?), а во-вторых... Нет, эту причину, наверное, следует отнести к «во-первых»: не сможет она вписаться в быт Мишиной семьи, будь у него даже и трёх-, и четырёхкомнатная квартира. Маша сказала об этом быте чрезвычайно верно. В каком месте квартиры, где всё должно быть «классно», найдётся место для полуслепой старухи? Такой член семьи способен испортить любой интерьер.

Нет-нет, к Мишеньке она не поедет!

– Алло, Зиночка!

– О Боже, Капитолина...

– Не злись, не злись! Слушай, что я тебе скажу! Хочешь бесплатно поговорить с Любашей? Или с Мишей?

– Это ещё как?

– А очень просто! Моя племянница устроилась работать телеграфисткой. Представляешь? Теперь мы будем разговаривать с нашими детьми сколько нашей душеньке угодно. Представляешь? Она сегодня первый раз дежурит и поэтому хочет сделать нам шикарный подарок – по бесплатному звонку. Так кого тебе заказать – Любу, Мишу?

– Господи, дай соображу... Люба сейчас на работе. Разве Мишу? Подожди, а у них сейчас не ночь?

– Не ночь, не ночь – вечер ещё. Так что жди давай. И слушай пока своего любимого...

Да, попробуй слушай теперь! Всё спутала сумасшедшая Капитолина... А впрочем, нет – Капа поступила правильно. Как ни по душе ей радиоголос, а всё-таки Мишин или Любашин – дороже.

Да и какую чепуху он несёт сегодня, столичный диктор! «Не ешьте много мяса...» Совершенно никчемный совет, поскольку с этим у Зиночки полный порядок: много мяса ей покупать просто не на что. «Больше гуляйте...» Премного благодарю – к ней это пожелание никакого отношения не имеет. Однажды пошла и угодила в коммунальный колодец, сломала, естественно, ногу и еле дождалась, пока старческие кости срастутся. «Не общайтесь со злыми людьми...» А вот это, пожалуй, здорово... Вообще, Зиночка сегодня к НЕМУ явно несправедлива: разве не давал ОН много дельных советов, которые приходились ей весьма кстати? Вспомнить хотя бы совет поинтересоваться в беседе, сделали ли ей перерасчёт пенсии (ориентироваться в новой реальности при божиных скачках цен и витках инфляции не так-то просто, если ты как клуша сидишь дома). Так что Зиночка просто благодарить должна ЕГО, знающего все её проблемы. Знающего самую главную из этих проблем – долгие дни и ещё более долгие вечера.

Вот и сейчас... Разве не от понимания этой главной проблемы ОН советует: «Находите для общения людей добрых, старайтесь больше времени проводить в их обществе...» Ах, как хотелось бы ей сегодня осуществить именно этот совет!

Разволновавшейся Зиночке пришла в голову отчаянная мысль: вот сейчас она будет говорить с Мишей, а может, и с внучкой; что если взять, да и пригласить Машу к себе? Насовсем? Что она – школу здесь не окончит? Что они – не сумеют вместе жить?!

Звонок прозвучал резко, словно хотел Зиночку отрезвить. Но она намёка не поняла; выдернув из розетки штепсель, чтобы радио не мешало ей говорить и слушать, схватила телефонную трубку и суматошно закрычала:

– Алло, алло, вы меня слышите?

В трубке хрипело и щёлкало, потом неожиданно близкий и чёткий Машин голос произнёс:

– Я слышу, бабушка, слышу! Ты почему звонишь? У тебя что-нибудь случилось?

– Нет, Машенька, у меня всё в порядке. А вы, вы как живёте?

Прежде чем ответить, внучка запнулась всего на секунду, но Зиночке и этого оказалось достаточно, чтобы понять: что-то произошло.

– Маша, что там у вас?

– Ничего страшного, бабушка. Маму... положили в больницу. Папа сейчас у неё. Но ты не волнуйся, ничего страшного нет – она всего-навсего сильно простыла.

Теперь замешкалась Зиночка. Отчего-то вдруг вспомнились распахнутые в ожидании «героического» глаза юной корреспондентки...

Отстранённо, словно о ком-то другом, а не о самой себе, Зиночка подумала: что война – на войне она была с целым народом. Что послевоенные трудности? Маленькие дети дарили больше, чем брали. Похоже, подвиг её начинается только сейчас...

– Маша, что говорят врачи? – неожиданно ровным, спокойным голосом спросила она у внучки.

– Говорят, воспаление лёгких. Ты не волнуйся, бабушка.

– Я... постараюсь.

Видно, постаралась она всё же неважно, потому что Маша тотчас отозвалась:

– Бабушка, что-то мне не нравится твой голос. Хочешь, я приеду к тебе? Вот мама выпишется из больницы, и...

– Нет-нет, Машенька, не выдумывай. Ни в коем случае! Я подожду до лета. И вообще...

Прежде чем сказать последнюю фразу, Зиночка перевела дыхание. И только потом решительно закончила:

– Это ведь неважно, что мы далеко друг от друга. Мы ведь всё равно вместе, правда?

ДРАМ-СТЕП

Уговор с мужем был железный: всё, никаких внуков на лето! Хватит! Сколько внучке – тринадцать? Значит, уже тринадцать лет мы не видим лета. Их привозят – и мы встаём к плите, возим их на речку, убираем, стираем, моем...

Лета мы не видим, видим только их, своих внуков. Они потом уезжают – посвежевшие, отдохнувшие, а мы остаёмся измочаленные, с обострившимися болезнями, с расшатанными нервами...

За внуков мы рады. Но пора подумать и о себе. Если мы свалимся – кто подаст нам стакан воды? Увы, им будет не до нас. Значит, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Но солнышко светило так ласково, зелень лезла из земли так дружно, воздух так благоухал запахами начавшегося лета...

– Привозите, чего им задыхаться в большом городе...

И вот наше первое самостоятельное утро. Что приготовить на завтрак? Там, в мегаполисе, в дефиците не только свежий воздух. Дети там не видят и натурального коровьего молока. Не видят и не едят. Сварю-ка я им молочную кашу. Или молочный суп. Нет, сначала надо умыться. Чем занят мой четырёхлетний внук? Наверняка сидит у телевизора или компьютера – нынешние дети включают их, едва открыв глаза...

– Владик, пошли умываться!

– Я уже слезами умылся...

О, Боже! Почему, отчего?..

Увидев моё лицо, внук спешит исправить ситуацию:

– Я пошутил, бабушка.

Ох, уж эти московские внуки, словечка в простоте не скажут...

Ладно, будем варить молочный суп. Ставлю на плиту кастрюльку с молоком. Умывшийся внук (что молодец, то молодец – умывается без посторонней помощи) садится за стол и внимательно следит за моими действиями. Я говорю о пользе натурального молока. Внимательно слушает. Потом говорит:

– Я люблю смотреть, как варят вермишель с молоком, но кушать не заставляют.

– А зачем же тогда варить? – недоумеваю я.

– Для культуры.

Че-го?.. Для какой такой культуры? Почему для культуры, а не для еды? Нет, хватит их слушать! Всё не переслушаешь. Надо варить и ставить на стол.

– Иди за Миланой, будем завтракать.

Оторвать внучку от телевизора оказалось ещё сложнее. Она смотрит фэнтези – и это сплошные приключения, трюки, спецэффекты. А по эту сторону экрана – что тут интересного? «Сейчас приду», – прозвучало и через пять, и через десять, и через пятнадцать минут...

Но вот наконец мы все за столом. Берёмся за ложки. Внук развлекает бабушку и сестру беседой:

– У Паши есть дедушка Петя. У него оторвало пальцы косилкой, целых четыре пальца. Сосуды лопнули, и он умер.

Мы с Миланой недоумённо переглядываемся: это тема для завтрака? Но внук упорно продолжает:

– Сейчас дед в могиле. Если к ней подойти, он встанет.

Мы кладём ложки.

– Только это будет уже не он, а зомби.

– Почему зомби? – дрожащим голосом спрашиваю я.

– И кто же его там зазомбирова? – голосом строгой учительницы спрашивает сестра.

– Не знаю, – вздыхает внук и некоторое время, к моей радости, ест молча.

Слава Богу, лапша, сделанная «для культуры», всё-таки оказывается в желудках...

И потекли дни. Завтраки, обеды, ужины. Речка. Речка – это то, что всё-таки перетягивает (пока?) фэнтези со всеми их спецэффектами. Внуки заходят, точнее, забегают со всего маха в воду, и – попробуй их вытащить оттуда! Визг, крики восторга, ныряния. Внучка утверждает, что вода – её родная стихия. В начале лета она провела две недели на море с папой (отпуска у мамы с папой не совпали, и они отдыхают по очереди), но приехала к нам абсолютно белая. «Почему?» – недоумевала я. «Так я же всегда в воде сидела».

Если бы только в воде! А то ведь чаще всего – под водой. Начнёшь что-нибудь говорить ей, оглянешься – а тебя никто не слышит. Потому что опять нырнула.

Нынешним летом решил следовать примеру сестры и малыш. К непрекращающимся ныряниям внучки я уже привыкла, а тут – сердце обмирает...

С речки возвращаюсь уморённая от переживаний. А надо уже налаживать ужин. А ещё мама наказывала с малышом читать и писать. В свои четыре внук знает уже все буквы, складывает их в слоги и даже слова, но писать решительно отказывается:

- Нет, писать здесь я не смогу.
- Почему?
- Потому что у вас всё другое: стены, мебель, игрушки...
- А как же в школе? Когда ты пойдёшь в школу, там тоже будет всё другое.

– Не знаю, – опять простодушно и честно вздыхает маленький хитрец.

Вечером я иногда не нахожу в себе сил рассказать ему сказку. Он и не настаивает:

- Давай лучше поговорим.
- О чём?
- Вот я не знаю, почему Милана выросла раньше меня.
- Ну, это понять легко: просто она раньше родилась.
- А где же тогда был я? У мамы в животике?
- Нет, даже в животике ещё не был.
- Значит, я был в космосе. Или у мамы в груди?..

Сон пропадает. До приезда внуков, когда у меня было время читать, я успела ознакомиться с теорией о том, что дети, оказываются, сами выбирают своих родителей. Они, дети то есть, существуют где-то там, в параллельных мирах (получается, как раз в бесконечном космосе!) в виде духовных субстанций, а потом воплощаются с помощью выбранных – по своему желанию! – родителей в физические тела. И появляются таким образом на земле. Но внук-то этих книг ещё не читал. Откуда же...

- Всё, давай спать. Ложись на бочок, ручку под голову...

Ну, какой теперь сон!

Кажется, ещё недавно, ещё совсем недавно я говорила не внукам, а своей маленькой дочке: «Ложись на бочок, ручку под голову...» О, блаженное время! Время, когда я была для своего ребёнка всем: Вселенной, в которой она жила, защитницей от всех бед и напастей, мудрецом, знающим ответ на любой вопрос. Она действительно жила у меня в груди, черпала из меня всё, что ей требовалось для жизни: любовь, защиту, тепло.

Но потом дочь выросла и сказала: хватит.

Теперь она хочет быть сама по себе. Она не терпит вмешательства в свою жизнь.

Если у них с мужем внезапно кончились деньги – им можно подбросить их.

Если им некуда деть на лето детей – они позволят пожить им у бабушки с дедом. На это они не рассердятся.

Но если полезть к ним с советом – это будет расценено как вмешательство во внутренние дела семьи, будет пресечено и отвергнуто самым решительным образом. Да вспомнить хотя бы историю с кроватью. Когда Владик вырос из своей самой первой, маленькой кровати, они приняли решение купить другую – двухъярусную. Узнали мы об этом от внучки (в то время она звонила часто): «Бабушка, мама с папой везут двухъярусную кровать». – «Какую-какую?» – «Двухъярусную. Владик будет спать внизу, а я наверху». Я тут же взялась названивать на мобильный: «Вы что, с ума сошли?» В ответ раздалось вежливо-холодное: «Ты что там делаешь сейчас? Пьёшь чай? Вот и пей спокойно. Не нервничай. И не лезь в наши дела...» Я опешила.

Не лезь в наши дела? Значит, пока внучка жила у нас (а она жила до пяти лет, пока они обустроивались там, в Москве), наши дела были общими. Внучка часто болела, и мы постоянно перезванивались по поводу её здоровья – нашего главного общего дела. Хотя иногда приходилось принимать решения самостоятельно, как, например, в случае с аппендицитом.

...Тем утром внучка поднималась особенно неохотно, была задумчивой и вялой и на вопрос: «Что с тобой, Миланочка?» – так же неохотно ответила: «Животик болит». Помчались в больницу. Доктор пощупал внучкин живот, потом у неё взяли кровь из пальчика (хорошо сказать – взяли: пока брали, всё хирургическое отделение от крика моей горластой внучки стояло на ушах!), после чего тот же доктор сказал: «Немедленно на операционный стол». Когда тут было советоваться, если доктор говорит «немедленно»? Немедленно и повезли.

Пока шла операция, я была, как говорится, в себе – видимо, просто толком не успела испугаться. Но когда операция закончилась, а она всё не просыпалась и не просыпалась... Через час ожидания под дверью операционной от страха я опустилась по стене на пол. Вышел доктор. «Да не переживайте вы так. Это же ребёнок. Спит и спит. Проснётся, спросит: «Бабушка здесь?» – и опять спит». Я верила и не верила. Сознание прошивала мысль: «А что скажут родители? Что они сделают теперь со мной?..»

Внучка очнулась через полтора часа. И тогда я перевела дух и тоже вернулась в себя – в своё тело, свои мысли и чувства. (Наверное, именно тогда я впервые поняла, что значит быть не в себе и в себя вернуться.) Бросилась звонить родителям. «Как? Ах! Ох!..»

Тогда нам не говорили: «Не лезьте в наши дела». А теперь... Теперь к ним нельзя лезть даже с нежностью и любовью – им в своих семьях этого добра хватает, зачем ещё что-то сверх? Сверх – это уже не нужно, излишества тоже вредны, они это знают, поскольку полезной информацией напичканы по уши. А если нужда в совете всё-таки возникает – на это есть психолог, который в курсе последних достижений и веяний во всех сферах человеческой жизни. Так зачем им устаревшие советы устаревших родителей?

Бо-о-льно... Почему они не понимают, как это больно?.. И куда нам девать теперь нашу родительскую любовь, ставшую им ненужной?!

Теперь на море уехал внук – с мамой. Остаёмся с почти взрослой (она уверяет, что не почти, а совсем взрослой) внучкой. Вдыхаю с облегчением: ну, теперь будет легче – если ребёнок совсем взрослый...

Утром она спит долго – хорошо. Можно и самой благодаря этому обстоятельству проснуться не торопясь, полежать в тишине и покое, а потом так же не спеша попить чаю. Послушать тишину. Подумать о спящей внучке.

Этим летом она приехала другая. В конце прошлого мы проводили в Москву худенькую (рёбра можно было пересчитать) девочку-подростка, а в начале нынешнего в наш с дедом дом вошла девица, ростом выше бабушки, с крутыми бёдрами и непонятными глазами. Мы опешили.

Вечером внучка вышла из ванной, обёрнутая полотенцем. Высокие ноги, длинные руки, покатые и оттого очень женственные плечи... Афродита! И нет больше прежней девочки...

Как строить отношения с девочкой – было понятно. А что делать с Афродитой?!

Сейчас, наверно, всё-таки пора её будить...

Спит прямо в наушниках. И компьютер не выключен... До каких пор общалась с одноклассниками – до двух, до трёх?

– Милана, пора вставать...

– Не хочу-у-у. Ле-е-то же...

– Лето – значит полное безделье?

– Ну, ба-а-бушка...

Наедине с дедом решаем, что надо «совсем взрослого» ребёнка как-то отвлекать от этих современных игрушек – мобильного телефона, музыки через наушники, компьютера. Вот: он возьмёт её на рыбалку с ночёвкой!

...И опять мне рай – они там рыбачат, а я тут приберусь, перестиранию, переваю посуду... И так далее...

Можно, конечно, привлекать ко всем этим делам и внуку. Даже – нужно привлекать. Но... Наш огород ей интересен только с одной точки зрения: там растут клубника и малина, которые можно есть. Что же касается домашних дел...

Внучка – человек творческий. Утром она должна послушать музыку. После завтрака садится рисовать. Художник она на зависть плодовитый – полотна (внучка рисует на листах белой писчей бумаги карандашом или фломастером) вылетают из-под её руки со скоростью три штуки в полчаса. Если её не оторвать ради презренных домашних дел – к вечеру дом будет завален произведениями изобразительного искусства. И не столько из-за необходимости приобщить внучку к ведению хозяйства, сколько именно из страха быть погребённой под «шедеврами» прошу её иногда сделать что-нибудь по дому. Например, помыть посуду. Надо отдать внучке должное – она никогда не отказывается. Вот только... тарелки после неё приходится перемывать. Сказать, что она для этого дела ещё мала? Но ведь ей тринадцать! Наверное, она, как все творческие люди, просто презирает столь прозаическое занятие. Но что делать мне, если я от всех этих

кастрюль и сковородок начинаю звереть? Я в некотором роде тоже человек творческий, почему же я...

Потому что ты бабушка! И этим сказано всё. Успокойся и берись за тряпку.

...Да, дочь выросла и перестала в нас нуждаться. Нас понимать. Взять хотя бы эту кровать...

Четыре года внучка жила у нас. Четыре года (с года до пяти) я читала ей на ночь сказки. Без сказки на ночь – какое же это детство? Мы ложились с ней на широкую двуспальную кровать, открывали книжку, и... Золушку сменяла Крошечка-Хаврошечка, поросят Нуф-Нуфа и Наф-Нафа – Серый Волк, хитровку Лису – простодушный Заяц... По вечерам мы обе жили там, в сказках. Нам обеим это было интересно. Изредка я поворачивалась к внучке лицом и видела её распахнутые глаза, в которых радость сменялась удивлением, удивление – изумлением, изумление – опять радостью... В эти минуты мы были абсолютно счастливы. Но чтобы ТАК было – надо было лежать рядом, голова к голове. Чтобы в любой момент можно было посмотреть в глаза, погладить руку, прижаться щекой к щеке...

И вдруг – эта кровать. Двухъярусная. Тогда внучка ещё не была СОВСЕМ взрослой и на ночь ей, как и маленькому брату, нужна была сказка. А кто из взрослых полезет туда, наверх, на второй этаж двухуровневой кровати?

Вот почему мы тогда возмутились. Почему принялись названивать. Неужели нас трудно было понять?!

Ну вот и вернулись мои рыбаки... Уморённая обилием свежего воздуха и впечатлений, внучка ходит по дому как сомнамбула. Полежала сначала на моей, потом на дедовой кровати и успокоилась в конце концов в зале на диване. Как в сказке о трёх медведях... Спит – усталая, счастливая, в этот вот момент – беззаботная...

Да ну её, эту посуду! Что мне, трудно её помыть? Пусть ребёнок подольше побудет в детстве!

– Бабушка, я сегодня пойду на речку одна!

– Одна? Ну, нет...

Я говорю «ну, нет» и уже понимаю, что – пойдёт, и мне её не остановить. У фразы, произнесённой в начале лета: «Я теперь совсем взрослая», было продолжение: «...И буду всё делать так, как считаю нужным». Она сочла нужным пойти на речку одна...

Что я должна сказать?

– Иди, Милан. Только скажи, когда ты вернёшься.

– Ну, бабушка... Я поеду на велосипеде. Может, потом ещё покажусь.

Что мне остаётся делать?

Ждать.

Как быстро... Как быстро проходит время жизни! Кажется, только вчера я шла по улице и какой-то парень спросил: «Девушка, а как пройти...» «Девушка» – сладко обрадовалось сердце. Не в тот ли день я услышала ещё и такое: «А коленочки-то ничего – славненькие...»?

И вот у меня уже взрослая дочь, уже внуки. И я бабушка, в сотый раз за лето перебивающая посуду. Сказать честно, я уже исчерпала запас убеждений («Я помою, помою, но тебе-то этому тоже надо учиться!») и запас сил на безрезультатные увещания. Я уже немолодая – сил у меня не так уж много. Память тут же подсовывает слова хитрого внука: «Бабушка, а ты совсем не старая. У тебя ручки молодые, ножки молодые». Ага. Они такими кажутся. Они могут казаться такими ещё какое-то время – если я буду давать им отдых, когда они устают. Но вместо этого я...

И почему они ничего не чувствуют?! Мне что – начинать ныть, ругаться или разбить об пол тарелку, в конце концов? Но я ничего этого не хочу! Я не хочу быть занудной, не хочу быть злой! Я хочу... Да вот хотя бы спокойно сходить в туалет.

Не исключено, однако, что и тут меня ждёт какой-нибудь «сюрприз». Журналы мод, например, «прописались» здесь прочно, но это ещё можно понять. Гораздо больше меня удивили обнаруженные в туалете тетрадь и ручка – что, на горшке тоже можно творить?

Ну, а на этот раз?..

Чайная чашка! В уголке туалета на полу стоит чайная чашка. Она что – устраивала здесь чаепитие?!

Прошёл час. Прошёл второй. Через полчаса будет уже темно, и тогда в сердце начнёт закрадываться страх.

Надо идти на речку. Ну, не дура, что отпустила её одну? Знала же, знала – пропадёт. Как пропала совсем недавно...

Буквально два дня назад внучка тоже ушла в город одна. Начинало темнеть, и я принялась обзванивать всех её подруг. «Нет, не видели, не знаем...» Уже начинала думать о милиции, когда девчонка возникла на пороге. «Милан, ты что, не видишь, что уже темнеет? Что я начинаю сходить с ума?»

– Бабушка, ну что ты волнуешься? Со мной никогда ничего не случится!

– Да, конечно. Тогда почему газеты полны сообщениями о... даже страшно сказать... Это в нашем детстве не страшно было уходить из дома хоть дотемна, хоть вовсе на всю ночь. Дома знали: значит, ночует у подружки. А вы живёте совсем в другое время! Постарайся меня понять!

Молчит. Но, кажется, заметила, что бабушка дошла до ручки. Поэ-тому взялась объяснять:

– Понимаешь, я шла из города через овраг. Помнишь – там лежит упавшее дерево? Я села на него и стала слушать музыку.

Она слушала музыку! А бабушка хоть помирай от своих «необоснованных» переживаний... Вот так же мы ждали когда-то с дискотеки свою дочку, Миланину маму: пока та появится на пороге – сто страхов переживут. Она же: «Ну что вы волнуетесь, со мной никогда ничего...» Да ещё и про родительский диктат добавит, про свободу, которой лишена...

Какие же они бесчувственные, нынешние дети! Наденут свои наушники, отгородятся от мира – и ничего-то для них не существует,

кроме них самих. Между прочим, буквально вчера (вчера они ходили на речку вместе, но возвращались разными дорогами – внучка предпочла более короткий путь, а я пошла как раз через овраг – здесь подъём не такой крутой) я пошла через овраг, и как раз напротив того поваленного ветром старого дерева ей вышли навстречу два парня – пьяные, неопрятно одетые и, разумеется, матерящиеся – бр-р-р... Она, бабуля, была им, конечно, неинтересна, а если бы шла внучка? Да ещё одна?!

Боже, а на улице-то уже почти стемнело! Надо бежать на речку. Скорее, скорее. Только бы она была там. Только бы она была там!..

Внучка стояла на берегу. Вернее, она танцевала. Собственно, об этом могла догадаться только я, но никак не её окружение.

Окружением были два парня и женщина с ребёнком, которая подошла к реке как раз в те минуты, когда на высокий берег пришла и я. Сверху мне всё хорошо было видно: и парни, и женщина (ребёнку, совсем малышу, было всё равно) взглядывали на девчонку с недоумением: чего она так непонятно дёргается? То ли подпрыгивает, то ли какие-то странные упражнения выполняет. Недоумение их легко объяснимо: музыка звучит только в наушниках внучки, окружающим она не слышна. И они не могут понять природы её телодвижений...

Волосы у моей Миланы распущены по плечам, велосипед и пляжная сумка лежат у ног, а ноги выделяют странные па...

Уже несколько дней она твердила мне про танец, называющийся «драм-степ», и порывалась его исполнить, но дела, дела... эта самая грязная посуда... И вот теперь я вижу этот танец при странных, как говорится, обстоятельствах. Господи, но как она сейчас хороша – с распущенными волосами, стройной фигуркой, руками, брошенными в пространство. В голову приходит то ли здравая, то ли отчаянная мысль: в конце концов, должна же она когда-то в первый раз пойти на речку одна! Ребёнок вырос, ребёнок жаждет самостоятельности. Так почему не сегодня?!

Почему, почему... Да потому что эти парни, кажется, уже начинают о чём-то совещаться. Кажется, они уже направляются к ней...

– Милана! Ми-ла-на!

Невероятно и необъяснимо – она не могла меня услышать: уши законопачены музыкой и наушниками, – но она в ту же секунду обернулась. И в ту же секунду взяла сумку, села на велосипед и поехала ко мне.

Слава Богу...

От волнения ноги мои ослабли, и я, как когда-то возле операционной, опускаюсь на землю там, где стою. Однако злость заставляет встать и идти: хорошо, что я подошла вовремя, а если бы не подошла? Ведь они уже явно направлялись к ней, эти два парня, и кто знает, что было у них на уме?

Ноги предательски дрожат, и я опять сажусь на землю. Господи, почему её так долго нет? Конечно, сейчас она поднимается в гору, на этот высокий берег, но всё равно уже пора...

Вот, появилась. Появилась и... слезает с велосипеда, оставляет его и сумку на круче и опять исчезает из глаз. Нет, вы подумайте, она ещё и нервы треплет! Она хочет несчастную бабушку добить! Чтобы я ещё раз отпустила её одну – дудки! Не дожждётся!

Не дожждётся.

Потому что... не будет ждать. Разве ты не чувствуешь, что она уже ушла из твоей власти, из-под твоего влияния? Она осуществила своё намерение: делать то, что считает нужным.

Милая моя, маленькая моя, дорогая моя девочка! Я так боюсь за тебя. Постарайся меня понять и догадаться, что мои опасения и тревоги – от любви, а не от желания навязать тебе свою волю. Догадалась же ты каким-то непостижимым образом, что я появилась на круче...

Ух-х-х, появилась. Опять садится на велик и едет домой – минуя меня, другой дорогой.

Ах, другой... Ну и я останусь сидеть там, где сижу. Вот не встану и не пойду...

– Бабушка!

Ах, всё-таки «бабушка»! Всё-таки чувствует, что поступила неправильно.

– Бабушка!

Машу рукой: мол, поезжай. Не захотела подъехать ко мне и не надо. Кати одна...

Но и я сижу на тёплой летней земле одна-одиошенька...

Может быть, я опять чего-то не понимаю? Как не понимала в ситуации с кроваткой. Прошло время, и мне в голову пришла очевидная мысль: а ведь они, родители моих внуков, поступили разумно. Они поступили, исходя из обстоятельств: квартира небольшая, в ней тесно, и покупка двухуровневой кровати в какой-то мере решит вопрос жизненного пространства. В конце концов, внучка сможет слушать сказку со второго своего этажа...

Дочка сказала мне тогда жёсткие, пожалуй, даже жестокие слова, но что же делать, если я продемонстрировала полную невменяемость? Может быть, наша родительская любовь иногда и впрямь похожа на диктатуру? Вспомни: ты даже не удосужилась задать естественный вопрос: «Почему?» Ты сразу пустила в ход тяжёлую артиллерию: «Вы что, с ума сошли?»

Но сейчас-то, сейчас разве я не права, причём на все сто процентов?!

Конечно, она смотрит телевизор – что же ещё?

Я тоже сажусь смотреть телевизор. И – ничего не вижу...

Молчим...

– Скажи, а этот твой танец.. Это тот самый «драм-степ»?

– Да.

– И что – в нём участвуют только ноги?

– А что должно ещё?

– Ну, наверное, голова.

– А что может голова без ног? Если только это не голова профессора Доуэля.

Вот и поговори с ними...

Лето кончилось. Ещё вчера я страстно мечтала освободиться от всех-всех бабушкиных обязанностей, освободиться и зажечь наконец собственной жизнью. Заняться осуществлением собственных творческих планов. А сегодня...

Посуда давно перемыта, и мне никто и ничто не мешает заняться тем, чем хочу. Чего же я хочу? Вот, загляну-ка в Интернет: что это всё-таки за танец – «драм-степ»? По поводу «степ» я и сама, кажется, уже догадалась: это давно известная чечётка. А что значит приставка «драм»?

Приставка, – объясняет электронный всезнайка, – возникла недавно и означает вот что: «новая разновидность старого танца, которая строится под ломаные ритмы».

Под ломаные ритмы... Ну, а какие же ещё ритмы могут быть у нынешнего времени?!

Ещё одна любопытная деталь: техника танца, оказывается, зависит от того, «насколько хорошо человек владеет своим телом, может выполнять элементы кручения, поворотов и разворотов».

Ну, прямо не танец, а аллегория жизни...

А что за тетрадь лежит на тумбочке возле кровати, на которой после блужданий по дому чаще всего спала внучка? Стихи... Если количество создаваемых внучкой живописных полотен способно утратить, то со стихами дело обстоит гораздо спокойней: она их пишет мало. И на мои просьбы дать почитать всё лето отвечала: ой, нет, пока не надо. Но однажды оставила тетрадку на видном месте, и я поняла, что теперь можно в неё заглянуть. Прочитала, удивилась, сделала какие-то пометки на полях. Там были, например, две поразившие меня строчки:

*Ни на что не трачу веры –
Ни на зло, ни на добро...*

Я долго размышляла над ними. И, не придя к окончательному выводу, поставила на полях вопросительный знак. Я надеялась получить ответ на него в течение лета, но... И что вижу теперь? Вопросительный знак зачёркнут. И рядом внучкиной рукой написано: «Бабушка, ты прямо как учительница по литературе. Это моя коронная фраза!»

Коронная фраза?.. О, нет!..

Надо выйти на улицу, на свежий воздух. Проветрить мозги.

Пройду-ка я по той дорожке, по которой тем летним вечером мы возвращались с речки.

Почему я не отозвалась тогда, почему не обернулась, когда она кричала мне: «Бабушка, бабушка!» Ох, уж эта дурацкая обидчивость! Да пусть я хоть сто раз была права – всё равно надо было отозваться!

Ей ведь тоже нелегко взрослеть. Я просто забыла, как это бывает. Я забыла, что наступает возраст, когда пришла пора увидеть – своими глазами! – мир, в который пришла. Увидеть, понять и оценить его –

самой, без посторонней помощи, без всяких указчиков и подсказчиков. Разве со мной было не так? Разве со всеми бывает не так?!

И это её исчезновение из дома, когда она сидела на поваленном дереве в овраге и слушала музыку... Нетрудно представить эту ситуацию, эту минуту: над ней – высокое, с белыми облаками небо. Вокруг – тишина. По большому счёту, это время можно считать благословенным. Тишина и одиночество – это то, без чего человеку творческого склада невозможно существовать. Тишина и одиночество – питательная среда, в которой зреют мысли и чувства...

А те два нетрезвых парня? Ведь они шли как раз мимо...

Господи, как нелегко быть взрослеющим человеком!

Но я никогда не думала, что и бабушкой быть не легче.

Вот хотя бы теперь... Что я могу теперь? Только попытаться найти дорожку, по которой она ещё недавно шла с речки. И попытаться попасть в её след, который, возможно, ещё помнит дорога. И тогда какое-то время мы словно побудем вместе.

Вообще же...

Вообще же я – здесь. А она – там. А потом будет: она – ЗДЕСЬ, а я – ТАМ.

Мы будем помнить друг друга?..

ЛЮБОВЬ ЦВЕТА БАБОЧКИНОГО КРЫЛА

Взрослые живут неправильно. Эта простая мысль пришла внучке в голову, когда она слушала, как ссорятся мама с бабушкой. Наверное, это была не совсем ссора: мама отчитывала бабушку, как строгая учительница двоечницу, а бабушка стояла и молчала, опустив голову и глаза.

«Мы с бабушкой в одинаковом положении, – думала внучка. – Утром мама отчитывала меня, а теперь – её. Но разве можно отчитывать старших? Именно она, мама, говорила сегодня утром, что старших надо слушаться. А сама?! И что же получается: когда она, Инга, вырастет, у неё тоже появится это право – отчитывать свою маму?»

Как трудно понять этих взрослых!

А главное, она, Инга, вовсе не хочет маму отчитывать – она хочет её любить!

Лучше мамы никого на свете не было!

Мама жила в другом – большом – городе и училась на художницу. И рисовала цветы. Цветы на её картинах были как люди: они улыбались, грустили, разговаривали друг с другом, шептали друг другу на ухо всякие тайны... Мама оставляла эти картины в бабушкином доме, когда приезжала ненадолго. Всё остальное время они с бабушкой маму ждали. Когда ожидание становилось нестерпимым, Инга начинала канючить и хныкать: когда, когда...

– Скоро, – говорила бабушка и для того, чтобы ожидание сделать ещё более лёгким, добавляла что-нибудь ещё, какую-нибудь приятность, например: – Знаешь, мама привезёт тебе такое красивое платье! Как у Золушки на балу!

– И я буду совсем как Золушка? И когда побегу к карете, тоже потеряю хрустальную туфельку?

– Конечно. Ведь в сказке было именно так. Пусть будет как в сказке...

Со сказки начинался обычно каждый их день. У Инги был плохой аппетит, и бабушка придумала вот что: рассказывала ей какую-нибудь историю, например, про то, как ночью в дом заползла черепаха и что она вытворяла, пока они, обитатели дома, спали. Или про то, как лягушка-путешественница упала однажды в их двор, прямо на клумбу с цветами, а кот Василий, оказавшийся рядом, сначала страшно испугался, а потом решил завести с пучеглазой гостьей знакомство. Внучка слушала, в буквальном смысле разинув рот, в который очень удобно было совать ложку с кашей. Что бабушка успешно и делала.

В обед опять была сказка. И в ужин – тоже. А перед сном...

Перед сном было самое интересное. Потому что они, уже вместе, сочиняли сказки про маму. И тут им здорово помогали мамины картины. Они разглядывали нарисованные ею цветы и фантазировали, фантазировали... Вот, например: однажды один цветок – пион (мама рисовала его особенно часто, и всегда он получался у неё ярким и пышным, как сказочный герцог) стал вдруг расти, расти и превратился в галантного кавалера. И сделал маме предложение. И мама стала жить в большом городе не одна...

В один прекрасный день сказка стала явью: мама действительно приехала из города не одна. И заявила, что они с Артуром (пиона звали Артур) забирают её с собой.

Артур оказался совсем не таким, каким они с бабушкой его насочиняли: ни гордой осанки, ни стати. Длинный и тощий. Не пион, а какой-то фасолевый стручок...

Фасолевый стручок повёз их с мамой на море. Море Инга видела в своей маленькой пока жизни в первый раз. Всё было так замечательно! Море – до неба, неба – рук не хватает обхватить, и мама с Артуром плавают наперегонки. Она пытается их догнать, и несколько раз ей это удаётся...

Она подозревала, правда, что взрослые пловцы сдавались специально, ну и пусть! Им приятно сделать приятное ей, а она просто счастлива оттого, что они с мамой наконец вместе, и Артур такой же молодой и сильный, как мама. Конечно, ей хотелось бы, чтобы на месте Артура был её настоящий отец, но мама сказала твёрдо: «Никогда не спрашивай про него! Когда вырастешь – я всё тебе расскажу сама».

И они опять бежали в море... Солнце, брызги, волна... С бабушкой не очень-то поплаваешь, она больше на бережку предпочитает сидеть.

Хотя, если честно, по бабушке Инга тосковала тоже. Раньше – по маме, теперь – по бабушке... Почему мама так странно смотрела на них – бабушку и деда – там, на вокзале?

Бабушка с дедом отвезли их на станцию. Отъезжающие сели в вагон, провожающие стояли на перроне. И друг на друга смотрели. Бабушка с дедом – с грустью, а мама... Мама – как-то странно. Так смотрят на старую обувь: носить нельзя, а выбрасывать жалко...

Когда поезд тронулся, Инге захотелось плакать. Но мама почему-то вдруг засмеялась, затормошила её, и она, желая отозваться на этот призыв, засмеялась тоже...

А осенью началась школа. И Инга никак не могла заставить себя учиться хорошо. Особенно трудно давалась ей математика: ну, не могла она постигнуть, почему три умножить на три – будет девять. Или четыре на четыре – шестнадцать. Какое это имеет значение – сколько будет? А если это не имеет значения и смысла – зачем это знать? Значение имеют совсем другие вещи... Но мама кипятилась:

– Говорила же: занимайтесь с ребёнком, готовьте его к школе! Нет, они сочиняли сказки!

Неожиданно подал реплику сидящий за компьютером Артур:

– Ну, вообще-то главная задача бабушек и дедушек – любить.

Мама посмотрела на мужа удивлённо. А она, Инга, вдруг подумала: и никакой он не стручок – он волевой, умный и очень интеллигентный мужчина! Да-да, она уже знает, что означает это слово – интеллигентный. Это значит, у человека умная не только голова, но и сердце. Чтобы умной была голова – надо много читать. А вот как сделать умным сердце?.. Нет, этого она пока не знает.

Приезжать к бабушке они стали, как когда-то мама, только в отпуск. И поначалу всё было замечательно. Но к концу отпуска – чувствовала Инга – в доме возникало напряжение. Мама словно уставала жить тихо и мирно, ей хотелось всё вокруг себя взбудоражить. Вот и этим летом...

– Ты неправильно воспитала дочь! Она несобранна, неорганизована...

Бабушка что-то лопотала в ответ; кажется, она повторила Артуровы слова, что, мол, она и не воспитывала вовсе, она просто любила, на что мама обрушилась с пущим пылом:

– Ребёнка надо не просто любить – к нему надо предъявлять требования!

Ах, как жалко, что рядом не было Артура! Он бы напомнил маме...

Инга переводила глаза с одной на другую, потом решила попросить:

– Мамочка, не надо!

– Замолчи! Тебя не спрашивают!

И она, Инга, убежала на крыльцо. Смотрела сквозь слёзы на бабушкин огород и думала: ну почему, почему так: цветочный язык мама понимает, а бабушкин – нет?! Она догадывается, когда мама его поймёт: когда будет уже поздно. А понять надо сейчас, пока все на одной земле...

Рассерженная, мама ушла к подруге, а бабушка вышла к ней на крыльцо. Теперь они сидели уже вдвоём. Инга знала, что думают они об одном и том же, и ничуть не удивилась бабушкиному вопросу:

– Ты думаешь, во всём виновата мама?

– А кто же?

– Я.

– То есть как – ты? Она же так себя вела...
– Вот как раз в этом и виновата... А кто же ещё? Она же моя дочка. И всё дело в том, что она ещё маленькая.
– Маленькая? Родила меня, вышла замуж за Артура, и – маленькая?
– Понимаешь, возраст определяется совсем другим. Боюсь, что ты этого пока не поймёшь. Хотя (бабушка улыбнулась) для своих лет ты удивительно умна.

Помолчали. Потом Инга спросила:

– Так что же теперь делать?

– Ждать. Ничего другого не остаётся.

– А... если ждать придётся долго? Ты... не разлюбишь её?

– Что ты! Этого никогда не случится! Тем более что...

Теперь замолчала бабушка, но внучка поторопила её:

– Что – тем более?

Вместо ответа бабушка взяла её за руку и повела в дом. Здесь она вынула из шкапа очередную мамину картину и, поставив её на стул, сказала:

– Смотри.

Инга смотрела. На картине был изображён целый букет самых разных цветов. Что удивительно, некоторые из них были вовсе даже не цветами. Нет, в центре картины красовался, конечно, любимый мамин цветок – пион, и бабушка сказала по этому поводу:

– Правильно, он и должен быть в центре, поскольку самый пышный и самый основательный...

А вот вокруг пиона хороводились цветы, напоминающие... птиц, рыбок, зверей. В бутоне одного цветка спала Дюймовочка... На стебле другого дрожала крыльями стрекоза... А белый (сахарно-белый!) цветок, расположенный мамой чуть на отшибе, напоминал танцующую балерину. К нему – белому – летела бабочка яркого жёлто-оранжевого, солнечного цвета.

– Тебе не кажется, что эта балеринка похожа на тебя? – спросила бабушка.

– Кажется! – восхищённо вздохнула внучка. И, ещё раз вздохнув, добавила: – Теперь я знаю, какого цвета бывает любовь.

«ИЗМЕНИТЬ РЕАЛЬНОСТЬ СЛОВОМ»

Беседа Карины Сейдаметовой
с поэтом и прозаиком Мариной Струковой

*Мы пытаем судьбу, и пытается
нас на прочность загадочный Бог.
За кого он живущих считает,
повышая небесный порог?
От исканий, сомнений, метаний
не уйти с безмятежной душой,
но сложнее любых испытаний
испытание правдой чужой.*

М. Струкова

Карина Сейдаметова

Марина Струкова

Испытание чужой правдой... При прочтении этого стихотворения невольно подумала: действительно, всяк прав по-своему. А поверять ли гармонию алгеброй или поэзию фантазией – в каждом культурно-социальном слое своя поэзия и фантазия тоже своя. И они могут в корне разниться-отличаться друг от друга. Что неплохо бы осознавать любой из оппонирующих сторон.

Безусловно, писателю дано влиять на окружающую действительность посредством слова. Зачастую даже изменять реальность во имя убеждений в своей правоте. А правота – дело такое, что о ней нелегко судить однозначно, а потому никогда нельзя быть в ней, правоте, уверенным... Отсюда разное толкование слова «правда», отсюда все эти разночинные утверждения «в ком добра нет, в том и правды мало», «дорога у правды широка», поскольку в слово «правда» каждый вкладывает своё понятие. Но это уже другой разговор.

– Марина, давайте вспомним, с чего начиналось ваше становление как личности и как писателя. В те времена на дворе вовсю бушевали 90-е. Вы – подросток, приехавший в Москву эпохи перемен. На вас и ваше творчество это сильно повлияло?

– Не совсем так. Я приехала в столицу не подростком – в двадцать два года, и мои взгляды давно определились, в том числе под влиянием «Нашего современника», который я читала с двенадцати лет. Тогда ведь в каждой сельской библиотеке был большой набор изданий: и «Огонёк» – рупор демократической интеллигенции с разоблачениями советского прошлого и критикой националистов, и подшивки центральных газет, толстые литературные журналы, где был представлен весь спектр современных идей.

Я интересовалась литературной и политической жизнью Москвы, считала, что должна участвовать в мероприятиях. Но на моё творчество повлияла не обстановка в столице, а общение с двумя-тремя интересными людьми. Я ищу необычных друзей, как золотоискатель ищет и оставляет себе крупницы золота, перебрав массу пустой породы. Как правило, это люди крайностей, обладающие большими знаниями. Важен их опыт – жизненный и философский. Общение с такими индивидуумами помогает увидеть новые грани мира.

– В одном интервью вы обмолвились о «талисмане, найденном вами в поле». Верите ли вы в предопределённость, судьбу?

– Талисман – старинный медальон с изображением птицы, сплав серебра с каким-то металлом. Эту вещицу я нашла в детстве. Но я не принимаю всерьёз мистику, в отличие от религии, хотя порой и гороскоп могу просмотреть. У Юрия Никитина сказано: «Сильные сами двигают звёзды».

– Существует ли память предков и насколько явны проявления этой памяти в вашей жизни и творчестве?

– Скорее, есть наследственность, гены, которыми обусловлены наши стартовые возможности и отчасти характер. Но судьба наполовину зависит от условий, которые влияют на развитие и формирование личности. Например, в нашей семье многие занимались или занимаются творчеством. Есть предрасположенность к этому, но если бы дедушка когда-то не научил рисовать мою маму, а мама меня – рисовать и рифмовать, то, возможно, я занималась бы чем-то другим.

Если говорить о мировоззрении, то, пожалуй, единственное, что передалось от предков спонтанно, это ощущение близости к казачеству. Всегда любила повести и фильмы о нём, героев, вроде Разина, Пугачёва, Ермака. Казачьи песни. И только через много лет, заинтересовавшись генеалогией семьи, нашла в архиве сведения о предках – донских казаках, датированные 1719 годом.

– Однажды подметила: почти всегда любимый в детстве персонаж совпадает с внутренней сутью взрослого человека. Видимо, от того, что «все мы родом из детства». А кто ваш любимый сказочный герой?

– Я научилась читать до школы, и первыми любимыми книгами стали произведения о войне. Потом читала классику. Так что увлечение народными сказками не было. Скорее их экранизациями.

Не любимыми, но самыми интересными сказочными героями для меня были ведьмы, волшебницы, колдуны. Собственно, весь антураж, их окружающий, инструменты влияния на реальность: говорящие звери, чудесные вещи, тайные знания. Для меня и литература – это способ изменить реальность словом. Конечно, я симпатизировала сказочным и былинным воинам, богатырям, но то был поиск идеального мужского образа.

А любимое мифологическое животное – грифон.

– Как обычно к вам приходят идеи и образы будущих стихов и необходимо ли «одинокство героя» для творчества?

– Если бы я жила в былые времена, то ушла бы в какой-нибудь скит в глухом лесу, скрылась от мира. Когда я пишу, то окружающие становятся помехой. Хотя идеи стихов приходят чаще всего из жизни, из событий, которые нашли отклик в душе, но ведь сейчас о них можно узнать из Интернета. Я не общественный деятель, который постоянно в гуще событий, а скорее философ, наблюдающий со стороны. Наверное, потому, что сейчас нет круга, который я сочла бы своим.

– Вы пишете и стихи, и прозу. В каком настроении обычно находитесь за работой? Разнятся побудительные мотивы к написанию в зависимости от жанра (проза – разум; поэзия – импульс, чувство)?

– Поэзия – основное для меня. Это и убеждения, и эмоции, и «дуновение вдохновения» – редкие моменты прорыва в тонкий мир, когда потом сама удивляешься своим строчкам. А прозу я стала писать – что-то из прагматических соображений, что-то для развлечения, и отношение к ней не столь серьёзно.

– Можете назвать стихотворение, которым гордитесь, и самую провальную свою вещь?

– Мне дороги «Юкио Мисима», «Сокол знает», «Князь Святослав», «Василий Буслаев», цикл «Казачеству посвящается». Во многом полагаюсь на вкусы читателей. Они часто цитируют «Русский, в русского не стреляй», «Анафема», «Спите, трусы, вас спасут герои». Станислав Куняев оценил «Антоновскую» – о тамбовских повстанцах, и «Наша классика – Пушкин и АКМ». А Кирилл Анкудинов – «Мы ногами вышибли дверь твою», о последнем русском жителе чеченского посёлка.

Мне не по душе, что в блогах постоянно «постят» моё давнее стихотворение «Спор», но что поделаешь?..

– При всех спорных моментах и издержках советского режима в то время существовала мощная идеология. Пусть люди во многом заблуждались, тем не менее верили, что их есть кому защитить.

Отличительный признак нынешнего времени – отсутствие идеи как таковой. Народ оказался бесправен и беззащитен. Выходит, некого стало воспевать в военно-победных песнях? Старое разрушили, равноценного нового взамен не предложили. Кто бы сегодня, на ваш взгляд, смог выступать в качестве реального защитника интересов народа или нет таковых?

– Хищник не уступает свою добычу другому хищнику, не потому, что желает ей добра, а потому, что сам намерен лакомиться ею. Присутствие идеологии не означает, что люди защищены. При всём уважении к подвигу советских солдат (потому что подвиг во имя идеалов достоин уважения), я уважаю и россиян, не обманутых советской пропагандой. Мои предки прошли ГУЛАГ, и меня сталинизмом не зомбировать.

Сейчас реальные защитники интересов народа могли бы действовать только нелегально, партизанскими методами. Потому что во власть их не допустят всё равно. Ни единого влиятельного защитника у русских, будьте уверены, нет! Это и видно по положению народа.

– В литературной среде многие недоумевали по поводу восхищения «националистки Струковой» Израилем, увлечения ивритом. Это желание постичь многогранность мира или – выскажу предположение – для того, чтобы по-настоящему оценить своё, нужно пристально изучить чужеродное?

– Что значит «своё»? Невозможно узнать у человека, где он хотел бы родиться, крестят нас тоже в детстве и обязывают чтить и любить то, что ты не выбрал, а получил. Я пишу о проблемах рос-

сийского населения и русской нации, потому что сама являюсь их частью и делю с ними беды.

– Зачастую, когда увлекаешься чем-то или кем-то, начинает интересоваться всё, что связано с предметом уважения (обожания). Можно немного наивно рассматривать украинский народ сквозь призму «романтических книг» Гоголя и нежно лелеять идею «славянского братства», но, согласитесь, Украина Гоголя и Украина нынешняя – бездна разности. Писатель живёт зачастую в мире фантазий. Удастся когда-либо совместить всё воедино или совсем не нужно этого делать? По Гессе, человек и многоличен и в то же время целостен. Марина Цветаева писала о себе: «Я – это много поэтов». Какого мнения придерживаетесь вы?

– Каждый новый этап своих исканий я считаю логическим следствием предыдущего – это не перебегание с одной дороги на другую, а одна и та же дорога, которая ведёт по меняющемуся ландшафту. А по обочинам – то Украина, то Израиль, то костёл, то синагога. Во всём этом, конечно, присутствует романтика; любимое и любимых я не то чтобы идеализирую, но закрываю глаза на их недостатки, вижу лучшее, что в них есть. Это касается и народов.

Но у меня не цветаевский тип характера – она была человеком мятущимся, мечущимся бесцельно, раздаривая себя – фейерверк чувств. А мой – как баллистическая ракета, которая в полёте намеренно отклоняется от прямой траектории, но помнит свою изначальную цель и стремится к ней.

– **Воинские касты существуют среди многих народов мира: в Индии – кшатрии, в Японии – самураи, в России – такой кастой могли бы стать казаки. Главная задача воинов – защита государства и его народа. Воинская каста в арийском обществе была становым хребтом социальной организации, выдвигала из своей среды людей для занятия всех ключевых социальных постов. Изменилось бы что-то, пойдя наша страна по такому пути?**

– Я всегда симпатизировала казачеству, однако, почитав информацию на казачьих форумах в Инете, была разочарована стилем общения пользователей. Но полгода назад я познакомилась с человеком из старинного казачьего рода. Он пояснил, что у нас просто не осталось настоящих казаков, а те, кто ругается на форумах, по крови казаками не являются, они потомки крестьян из соседних областей, переселившихся в опустошённые большевиками станицы.

К тому же власть старается использовать казаков в своих интересах, ссоря, деля на реестровых и нереестровых. Нам веками внушали, что казаки – это сословие, сторожевые псы границ, а не нация со своим менталитетом, культурой и экономическими интересами, которая Москве ничем не обязана. На самом деле это Москва многим обязана казакам, которые «в благодарность» получили репрессии. Я заметила, что все войны, которые теперь в учебниках истории называют крестьянскими восстаниями, начинали казаки, затем к ним сбегались русские крестьяне. Зато сейчас, когда российское общество лишилось своих кшатриев, народ терпит, как при крепостном праве.

Только раньше холопа сёк барин, а теперь бьёт полиция. Конечно, если бы казаки были элитой нашей армии, всё было бы иначе.

Но в некоторых краях настоящее казачество, решительное и волевое, всё же уцелело. Это заметно в Воронежской области, где казаки уже два года ведут борьбу против произвола олигархов, которые рвутся начать там никелевые разработки, губительные для экологии Черноземья.

– **Согласны ли вы со знаменитым некрасовским определением характера русской женщины: «коня на скаку... в горящую избу...» или вам ближе другое?**

– Русская женщина и милосердна, и мудра, и готова на подвиг ради того, кто ею любим. В то же время она недостаточно ценит себя. Сколько случаев в провинции наблюдала, когда умная, образованная жена терпит от мужа издевательства. В России много подобных семей. Почему? Общество требует от женщины соответствия патриархальным традициям: выйди замуж, а вышла – терпи; рожай, а родила – детям нужен отец, даже если он хам и пьянь.

Русским женщинам нужно учиться защищать свои интересы и независимость.

Из женщин, вошедших в историю, мне нравится царица Софья, та, что не отдавала власть Петру Первому. Она была старшим ребёнком, но престол должна была уступить сначала одному младшему брату, потом другому всего лишь потому, что она женщина. И сейчас в коллективе на более высокую должность назначат скорее мужчину, чем женщину, даже если она умнее. В сфере политики к женщинам тоже относятся с предубеждением.

– **Перечисляя свои литературные пристрастия, вы обозначаете довольно широкий круг авторов. Причем авторов разных. Здесь и харизматичный Цой, и сдержанный Блок... Александр Блок в своей статье «Ирония» вывел некую квинтэссенцию: «в отречении от себя для себя же самого» – в этой формуле он видел спасение от «болезни иронии», весьма распространённой в наше время. Вы считаете оправданным подобный постулат?**

– Ирония и цинизм – показатель слабости людей, которые несерьёзным или мизантропическим отношением к реальности защищают свой внутренний мир. Хрупкий панцирь улитки, куда она ныряет, не понимая, что это плохая защита от танковой гусеницы или ботинка полицейского. Сейчас почти каждый объявляет себя циником. Это уже не оригинально, но убого. На улицах толпы «циников», а на деле пешек, от которых ничего в истории не зависит. И только однажды за всю жизнь услышала от мужчины: «Я – романтик». Вот это и ново, и смело в наше тусклое время.

**Елена
КРИКЛИВЕЦ**

КОГДА ЛЮБОВЬ СТАНОВИТСЯ СУДЬБОЙ...

В лицо швыряла вьюга хлопья снега.
На сотню километров – ни души.
Он об одном просил сейчас у неба:
чтоб память, будто свечку, затушить,
чтобы стряхнуть все мысли так же просто,
как снег с пальто –

движением одним:

о детях,
 что свои свивают гнёзда,
о друге
 и о той, что рядом с ним.

-
- Елена Владимировна Крикливец родилась в 1983 году в Витебске. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, член Союза писателей Беларуси и Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России. Автор сборника стихов «На грани света».

Победитель Международного конкурса «Литературная Вена-2013» (Австрия) в жанре поэзии. Лауреат VII Международного Пушкинского конкурса для учителей русского языка и литературы стран СНГ и Балтии (Москва, 2007), Международных литературных конкурсов «Северная Аврора» (Санкт-Петербург, 2012), «Мир без войны и насилия» (Польша, Кжежицы, 2013), Всероссийского конкурса исторической поэзии «Словенское поле» (Псков, 2013). Финалист Международного литературного конкурса имени Сильвы Капутикян (Армения, Ереван, 2013).

Публиковалась в «Литературной газете», антологии «Современная русская поэзия Беларуси», журналах «Новая Немига литературная», «Неман», «Парадный подъезд», «Второй Петербург», «Северная Аврора», «Русский писатель», «Подъём»; «Новый Енисейский литератор»; «Бийский вестник», «Русское поле», «Западная Двина», альманахах «Литературная Вена», «Москва поэтическая», газетах «Московский литератор», «Общеписательская Литературная газета» и других изданиях. Живёт в Витебске.

Свершилось.
Только белая дорога,
и ветер,
и бесчинства февраля...
Унять озноб. Освоиться немного –
и можно этот путь начать с нуля.

Он был один.
Душе обындевелой
любая боль, пожалуй, не страшна.

Хотелось бы сказать, что вьюга пела...
Да вот не пела – плакала она.

Между тучами – краюшки неба синего,
окна в истину – прозрачны и чисты.
Словно в зеркало глядится Ефросиния
в неразбуженные воды Полоты.

Ночь хоронится в трепещущем осиннике,
много тёмного выдавшем на веку.
И в зарю идут былинные дружинники
из мифического «Слова о полку...»

Ни вернуться в эти дали, ни покаяться,
ни откликнуться на этот вечный зов...
Только стрелы Перуновы отражаются
в спелых луковицах здешних куполов.

Оттого, видать, в Христово Воскресение,
находясь от просветленья в двух шагах,
вдруг душа рванётся следом за Есениным
Русь оплакивать в московских кабаках.

В этом доме не спали, боясь немоты,
те, кого всё равно не слышали...
И один, постигая закон высоты,
сизый голубь взмывал над крышами.

И свисти не свисти, и зови не зови –
в синеве растворялся точкою...
Бесприютное слово летело за ним,
словно дым папиросы в форточку.

Прозвенело. Застыло. Оттаявший март
приподнял воротник, поёжился.
Собирая колоду рассыпанных карт,
время строки свои итожило...

За стеклом, как минувшего века штрихи,
притаились тома и сборники.
Но на кухнях всё реже читают стихи
и дворы метут просто дворники.

*На земле была одна столица,
всё другое – просто города.*

Г. Адамович

Здесь не «бьётся Нева о холодный гранит»,
не поёт под ладонью ограда литая...
Этот город свои кружева мастерит,
настоящее с прошлым упрямо сплетая.

Здесь над старою ратушей кружит листва
и взлетает Шагал над шуршащей аллеей.
Здесь поэт подбирает такие слова,
от которых осеннее небо теплеет.

Мелкий дождик дорожки к утру навощит,
пробежит по мостам, не жалея сандалий.
И согнётся под лампой седой часовщик,
починяющий время в еврейском квартале...

Чтобы призрачных лет удержать череду,
чтобы терпкой истории вдоволь напиться,
я по древнему городу тихо пройду,
как по дремлющей в золоте лучшей столице.

*Когда погребают эпоху,
надгробный псалом не звучит...*

А. Ахматова

Ни стоны, ни горького вздоха –
кладбищенский строгий уют.
Здесь снова хоронят эпоху
и снова вороны снуют.

Процессия курит в сторонке.
От заступов комья летят.
«Об этом расскажут потомки», —
могильщики пьяно твердят...

И ты, безусловно, намерен
исполнить отцовский завет.
И прошлое загнанным зверем
рванётся из чащи на свет,

в убийственной жажде спасенья
помчится быстрее и быстрее
туда, где в угожьях осенних
плывут голоса егерей.

Заболает душа и внезапно сорвётся к истокам
за такую строкой,
чтобы истина в ней ужилась.
Ты отыщешь её на скрипящем крылечке высоком,
с постоянной лачугой почувствовав странную связь.

Засыпает листва эту землю и эту обитель.
Вечереет уже, и давно отправляться пора,
но склонит виновато седую макушку смотритель:
«Так ведь нет лошадей...»

И приходится ждать до утра.

А когда поутру упакуешь бельишко и снеди,
и, как бедная Дуня, помедлишь у старых ворот,
и потом напрямки по разбитой дороге поедешь,
там, в осеннем тумане, шальная Тамань промелькнёт.

Поистлеют слова, как привычные телу обноски,
и не встретится тот, кому жить на Руси хорошо.
Ты напьёшься беды и пойдёшь босиком по-толстовски..
Он ведь тоже искал,
да, признаться, навряд ли нашёл.

Качался август в паутинках тонких.
В рассветном небе таяла звезда.
Поблёскивала лужа у колонки.
Обычный день. Тяжёлая страда.

Он объезжал привычно, деловито
(комбайнером – который год подряд)
крошащиеся каменные плиты
с неясными отметинами дат.

...Стирало время надписи и знаки.
Лишь на груди измученной земли
сочились полыхающие маки
и зёрна по щекам её текли.

Давным-давно должны перемолотья...
Но свежий хлеб по-прежнему горчит.
Дрожит звезда в зияющем колодце,
и кладбище еврейское молчит.

Малыш отпускает воздушный шарик
и, жмурясь, с улыбкой глядит на солнце.
Он словно задачку в уме решает:
когда это чудо к нему вернётся?

Так я отпускаю твои ладони,
скрывая тоску, как письмо в комод.
Смотрю, опираясь на подоконник,
как ты через двор в тополя уходишь.

Так мать отпускает дитя в дорогу,
и крестит, глаза утерев украдкой,
и в церковь идёт помолиться Богу,
надежду согреть огоньком лампадки.

...Защиплет глаза от стального света,
и хлынут слезинки, как дождик в мае.
И вместо заветной упругой ленты
он пустоту в кулачке сжимает.

Тургеневский кружился листопад,
глубокий пруд без меры осыпая.
Сюда пришла я просто наугад,
доверчиво,
за солнцем,

как слепая.

И был каким-то вяжущим покой,

и мысли без конца и без начала.
Над этой неподвижной водой
я очень долго, помнится, стояла,
в руках кленовый листик теребя,
как барышня из N-ского уезда...

...Вдруг заглянула,
 может быть, в себя,
а может быть, в чернеющую бездну –
и отшатнулась.
 Только горький крик
застрял в груди
 и небо потемнело.
О том, что мне открылось в этот миг,
я никому поведать не посмела.

...Блестит на окнах тонкая слюда –
мороза филигранная работа.
Но вновь и вновь мне хочется туда,
где чёрный пруд и листьев позолота.

*А тут всё гораздо сложнее.
Тут уже не любовь, а судьба...*

С. Довлатов

Хочу все наши дни как чётки перебрать,
чтобы найти ответ на то, что душу гложет.
Как за последний шанс, хватаюсь за тетрадь,
хоть знаю:
 всё равно бумага не поможет.

Уже и не пойму –
 ну что поделать тут? –
(неловкая строфа застыла на пороге)
его или свои –
 да после разберут! –
я на измятый лист записываю строки.

А за окном дожди –
 примета ноября,
и, кажется, тепла сама природа просит.
Но солнца больше нет.
 Лишь свет от фонаря
на мокрые зонты рассеивает осень.

И горько я прошу:
 «Признайся мне, душа, –
мы по душам давно не говорим с тобою –
зачем,
 в какой ночи
 ты тихо перешла
ту грань,
 когда любовь становится судьбою?..»

Случилось всё не вовремя и странно,
и месяц гнул серебряную бровь,
мигал фонарь, чернел фундамент храма,
и были звёзды, и была любовь.

И был январь не по-январски тёплым,
с не вовремя пролившимся дождём,
и плыл рассвет по запотевшим стёклам –
случайный – тот, в котором мы вдвоём...

Забить его, как сумку на вокзале,
как вещь в шкафу, когда давно мала.
И встретить удивлёнными глазами
и новый взгляд, и свет, и купола...

Когда нельзя от прошлого укрыться
и строгий месяц снова хмурит бровь,
так горько перелистывать страницу...
Но храм стоит, а значит, есть Любовь.

Я. УДИН

ВОЙ ОДИНОКОЙ СОБАКИ

Тубуш разлёгся в густой тени раскидистого каштана и, кося коричневым глазом, казалось, с умилением наблюдал за двумя пятнами солнца, что жёлтыми блинчиками трепетали поблизости. Тубуш – старый пёс, много повидал на своём собачьем веку, много пережил, но за последние годы претерпел, пожалуй, слишком нелепые мытарства: хозяева, оставив его одного во всей усадьбе, всем скопом куда-то отбыли, и он всё ждал их возвращения, терпеливо перенося бесконечные житейские тяготы и лишения. Правда, в то погожее осеннее утро, едва проснувшись на рассвете, он выполз из своей ещё при хозяевах обжитой, уютной ямки под крыльцом и, перемахнув через плетень, первым, задолго до соседских поросят, оказался под огромным ореховым деревом, частично облетевшим. Под лапами шуршала тускло горящая желтизной палая листва, и время от времени, сухо перестукиваясь, задевая ветки, падал сорвавшийся с высоты орех. Тубуш подбегал, с треском щёлкал и торопливо хрумкал – и без особых хлопот скоро набил себе желудок.

Послышались глухие шаги и смутный говорок, наверное, какие-то люди шли по тропинке. Тубуш вскинул голову, с интересом поглядел в ту сторону. Вскоре показался Васил с тяжёлой вязанкой дров за спиной. Согнувшись почти вдвое, он шагал себе в одиночестве и кого-то походя материл, отводя душу. А сбоку кралась его горбатая тень. Васил был невелик ростом, невзрачен, и походка его, когда он без этих дров, смешная, не поймёшь, то ли петух у него перенял важную, дутую осанку и поступь, то ли он у пету-

-
- Я. Удин (Манджиян Яша Геранович) родился в 1951 году в селе Нидж Азербайджанской ССР. По национальности удин. Учился в Саратовском государственном университете. Автор четырёх книг прозы, выходивших в Москве и Саратове. Публиковался в журналах «Волга», «Подъём», «Волга–XXI век», «Сура», «Аргамак», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратов литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Литературный Саратов» и других периодических изданиях. С 1989 года – член Союза писателей СССР и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

ха. Ещё он очень ловко и пронзительно умел свистеть в два пальца, распугивая собак. Но Тубуш давно привык и не боялся.

– Гав! – теперь как бы нарочно подал он голос. – Гав-гав!

Васил остановился, с грохотом сбросил вязанку и, засунув пальцы в рот, лихо засвистал...

Где-то вдалеке залаяли собаки. Тубуш даже не шелохнулся. Только шумно, с подвывом, зевнул.

– Эй, молодец среди овец, ты, что ль? – весело спросил Васил. – Ну, где ты там, покажись?

– Гав, – лениво отозвался пёс из-под дерева. – Гав-гав.

– Гляди-ка, и собака не считается со мной! – возмутился Васил, и на его заросшем дикой щетиной лице застыло удивлённое выражение. – Клянусь этим небом: сейчас разделаюсь с тобой! Бродяга ты этакий!..

Он нагнулся, подобрал подвернувшийся гибкий прут, и Тубуш вскочил, загодя отбежал в сторону. Какое-то мгновение они стояли с глазу на глаз, человек и собака, но человек неожиданно скорчил гримасу и, показав собаке язык, засмеялся. Странно так засмеялся, потом развернулся и со всего маху полоснул свою тень прутом, немножко потоптался и ещё сильнее стеганул. После, отбросив прут, поплевал в ладоши и, раскорячив ноги, взвалил вязанку на спину, переломился в пояснице и пошёл своей дорогой, по-прежнему сквернословя.

Тубуш встряхнулся всем телом и, точно вспомнив что-то неотложное, сорвался с места и привычной, знакомой до мелочей тропкой зашпешил куда-то. Крепкий, матерый пёс грязно-рыжего окраса, ростом с хорошую овчарку, с большой лобастой головой, он с каких-то пор двигался так бесшумно, словно стал бесплотным. Теперь он бежал стремительной рысью, и на краешке его старой памяти то вспыхивали, то гасли, мерцали какие-то давно позабытые, яркие, красочные картинки, и робкая, пугливая радость прыгала в груди. Вдруг он резко сбавил шаг и остановился, вывалив язык. Перед ним исходила паром свежая коровья лепёха. Он деловито обошёл, обнюхал её и устремился дальше.

Он долго так бежал и наконец выметнулся на шоссе, или, как называли сельчане по старинке, на почтовый тракт, с обеих сторон обсаженный вековыми ореховыми деревьями. Конечно, не за орехами он сюда спешил, да и не было уже никаких орехов: все деревья вчистую обобрали, обтрясли ветка за веткой и всё унесли люди. Не останавливаясь, Тубуш пустился по тракту, стукоча когтями по твёрдому асфальту, и, пробежав ещё с километр, пёс стал, вконец усталый: он запыхался, с губ капала слюна. Он каждое утро выбегал на это шоссе, памятуя, что по нему уехали хозяева: выйдет, пробежится, как бы норовя догнать прошлое, стоит, уставится вдаль и смотрит, смотрит...

– Кар-р! – крикнула ворона, и Тубуш вздрогнул. – Кар-р!

На дороге валялась убитая ворона – видно, сшибла машина, – а вторая всё крутилась около: то на неё, на мёртвую, становилась, то спрыгивала, носилась вокруг. И всё кричала:

– Кар-р! Кар-р! Кар-р!..

Тубуш недолго и как бы с удивлением поглядел на ворон, сошёл с тракта, облюбовал лохматые заросли ежевики, лишь самую малость побитые осенней пежиной, забился в их сумеречное укромье и вытянулся в сладостной полудрёме...

Ему шёл тогда всего шестой месяц. Стояло ясное, солнечное лето. Во дворе кудахтали куры, чирикали воробьи, курлыкали индюшки. Хозяева хлопотали в огороде. Всё кругом текло спокойно, но что-то тревожное таилось в воздухе. И он маялся, не находя себе места, носился по двору, ожидая какой-то каверзы от беспечного дня.

И вот внезапно яркий день померк, угрожающе мрачней с каждой минутой. Стало душно, почти нечем дышать. И вдруг блеснула молния, зарокотал гром, вслед за тем над головой страшно треснуло, казалось, небо разлетелось на куски, огненный свет больно ударил по глазам – и на землю обрушился град с ветром, расшугав всё живое: домашняя птица, хлопая крыльями, разметалась по своим укрытиям; люди с криком-смехом забежали под кровлю летней кухни. А у него от испуга подсеклись ноги, он на мгновение замешкался, ошалев от безумья, осел под розовым кустом, потом опомнился и, суматошно взлаивая, заскочил к людям.

– Ой-ой-ой! – визгливо закричала хозяйка. – Все побьёт в огороде, всё! Пропали наши труды! Ну-ка, подай сюда одну! – велела она сыну. – Живо!..

Мальчик протянул руку, подобрал крупную, с добрую орешину, градину, поднёс матери, и та, шустро, с весёлой ловкостью установив ледышку на стол, сжала её двумя пальцами и рассекла ножом.

– Сейчас перестанет! – сказала громко, перекрикивая обвальным шум стихии. – Ещё бабка моя так делала: разрежет пополам – и всё!..

Град и вправду скоро прекратился, и сразу выглянуло солнце – и всё вокруг заблестело, засверкало. Град начал быстро таять, журчащими потоками стекая в речку за домом. Фруктовые деревья стояли побитые, сильно растрёпанные. И отовсюду чмокали тяжёлые капли...

По шоссе с гулом проехал грузовик. Тубуш открыл глаза, сквозь сплетение колючек глянул в небо. Солнечный луч щекотнул ноздрю – и он чихнул, вспугнув ящерицу, шмыгнувшую по сухолистью. Он встал, с шорохом выбрался из зарослей и крепко потянулся. Рядом покоился громоздкий камень, наполовину обросший мхом, Тубуш подошёл, обнюхал его со всех сторон и, задрав ногу, окропил.

Надо было возвращаться в село, но его мучила жажда, и он чуток постоял, свесив голову, и его скукоженная тень замерла подле. Он решил в конце концов и помчался к лесному родничку. Однако по пути встретил единственную во всей округе соловую лошадь с золотистыми хвостом и гривой и с любопытством застыл на месте. Сдвуноженная лошадь паслась на маленькой поляне, и при каждом скаке железная цепь на передних ногах звонко гремела.

– Хруп-хруп-хруп, – щипала она позднюю жестковатую отаву. – Хруп-хруп-хруп.

Изредка лошадь поднимала голову, стояла и чутко двигала ушами, прислушиваясь к окружающей тишине. И это походило на то, как если бы ей грозила опасность и она хотела определить, откуда. Собаку лошадь видела и не боялась её, поскольку знакомы они давно и у них сложились вполне доверчивые отношения.

Лесной родничок точно уснул под плотным слоем жёлто-багряной палой листвы. Тубуш воровато поозирался, остерегаясь, как бы не увидели люди, раскидал лапой листья и, опустив морду, начал спешно и шумно лакать. Сзади хрустнула ветка, он стремглав кинулся прочь, затаился.

Из чащобы выбрел старый охотник дядюшка Тумас и, подойдя к родничку, снял с плеча ружьё, бережно прислонил к деревцу и долго нагибался, с трудом, постанывая, складываясь худощавым телом, устраивал поудобнее острые колени, руками ухватился за края бочажины и припал лицом к воде. Потом он так же долго и трудно поднимался и, утерев лицо рукавом, перекрестился, вслух вызвав своё наслаждение:

– Ох-ха-ай!..

Тубуш лежал среди безмолвия усадьбы и лениво водил головой по сторонам. То ли он, старея, постепенно утрачивал нюх и слух, то ли ещё что, но многие прежние ощущения нынче казались не такими, как раньше. Вон там, к примеру, в той угловой комнате на первом этаже хозяева каждое лето выращивали шелковичных червей. Как много ели эти черви, с каким беспрестанным шорохом днём и ночью поглощали тутовые листья, и как густо, как невыносимо, как затхло пахло оттуда. А то случалось по весне: лежа под кустом розы, Тубуш слышал, как с глухим шумом вверх по колючим суставчатым стебелькам подымаются соки и как наливаются, набухают, всё твердея, тугие бутоны и на рассвете, с хрустом лопаясь, распускаются, с еле уловимым шелестом раскрывают лепестки первым лучам солнца.

А с каким тихим потрескиваньем остывали оседающие угли в печитарыне, когда хозяйка пекла лепёшки, а заодно и тяжёлые, увесистые ломти постной свинины приплёпывала к раскалённой стенке тарына. А рядышком, на длинном дощатом столе, солёная брынза на тарелочке, графин мутно-жёлтого вина, пара стаканов и тут же молодые хозяева в весёлом, шумливом ожидании. Сам хозяин трудится у верстака, не отвлекаясь, орудует рубанком, выгоняя золотистую кудрявую стружку: у него срочный заказ, он ведь плотник, он кому-то вяжет окна и двери, он с детства только и делал, что махал топором, водил рубанком, пилой, фуганком, и кисть его правой руки намного больше кисти левой. Случается, конечно, хозяин закуривает сигарету и, присев на корточки, негнушимися, грубыми пальцами треплет Тубуша по ушам, и тот млеет от удовольствия, жмуря глаза, молотит хвостом...

Соседи подтащили стол к грушевому дереву. На стол установили табурет. Сосед взобрался, взгромоздился на него и длинным шестом с полой лёгкой тыковкой на конце начал срывать груши с отдалён-

ных веток. И всё это неторопливо, бережно, по одной груше, а иная из них весит с полкило и, если сорвётся, разлетится на мелкие кусочки, и это надолго, наверное, не скоро сядут обедать, и прокормиться изо дня в день всё труднее и труднее. Из девяти ближайших домов – лишь в одном жили люди, остальные пустовали. Впрочем, ещё в один – поселились чужаки. Тяжёлая, постылая настала жизнь, порой невыносимая, и, может статься, он жив-то пока только потому, что у него есть прошлое.

Тубуш встал и понуро поплёлся к чужакам. Но у речки за домом наострил уши. На мостике крутился подросток из пришлой семьи. Он так ловко запускал плоские камушки, что те дважды, трижды подпрыгивали на поверхности воды. Но он мог и в него запустить. Тубуш не доверял подросткам, тем более малознакомым, никогда не знаешь, чего от них ждать. Он свернул с тропинки, перешёл мелкую и тихую речку вброд, приблизился к дому. Посреди двора на бельевой верёвке проветривался цветастый матрас, и по всей округе разносился застарелый запах ночной слабости подростка. По веранде молочный телёночек стукотил мягкими ещё копытцами. У крыльца глупо и одиноко суетилась лысая цесарка. Мать подростка сидела на ступеньке лестницы, неспешно лущила фасоль. Тубуш коротко взвыл. Женщина подняла голову.

– А ит, гет бурдан! – сказала, как всегда, на чужом наречье. – Собака, иди отсюда!

Тубуш смотрел прямо ей в глаза. Издали, от собачьей конуры, жалобно заскулила бело-пегая сучка. Тубуш едва взглянул на неё, и на миг вспыхнуло и погасло какое-то прозрение.

– Сэнэ демирэм – гет бурдан! – строже сказала женщина. – Не тебе говорю: иди отсюда!

Тубуш терпеливо ждал.

– Рэд ол бурдан – сэнэ деиллэр! – прикрикнула женщина. – Мотай отсюда – тебе говорят!

Тубуш её не боялся, он не ожидал от неё зла – и, однако, ошибся: женщина встала, подхватила очажные щипцы и швырнула в него. Щипцы пролетели мимо, и он попятился к калитке. А женщина, точно забыв про него, вытянула из плетня сухую хворостину для затопки: она собиралась развести огонь меж двумя закопченными камнями. Она тайком от мужа разоряла плетень, но муж всё же услышал характерный треск, вышел из комнаты с недопитым чаем в руке, и у них завязалась перебранка.

От конуры вновь заскулила сучка. Она томилась на цепи, и... пришёл-то он, оказывается, только к ней. Он знал её с весны... – цвела белая акация, одуряюще-сладким духом заглушая все остальные запахи, и вся гудела от пчёл, и он видел её глаза, полные влаги, её нежные ноздри, трепетавшие в волненье, её слегка раскрытую пасть и розовый язык промеж жёлтых клыков...

– Нэ япышмысан?.. – Женщина изловчилась и достала его хворостиной. – Чего ты повадился?..

Тубуш отскочил в сторонку и только раз гавкнул, но делать нечего – угрюмо заковылял обратно. Подросток ушёл с мостика,

но рядом, над речкой, росла небольшая округлая ива, сплошь облитая всё ещё зелёными сочными лохмами. И там кто-то скрывался.

– Гав! – как бы требовательно подал голос Тубуш. – Гав-гав!..

Подросток высунулся из укрытия и, глядя на пса, приложил палец к губам – дескать, молчи. Его с телячьей поволокой большие глаза сияли какой-то шкодливой тайной. Тубуш перешёл мостик, не выпуская его из поля зрения.

Тубуш пришёл к себе во двор и увидел, что сосед по-прежнему торчит на табурете. Жена его стояла возле стола – принимала и складывала груши в плетёную корзину. Их юная дочь в кургузом платице, скорее всего и воспалившем воображении подростка, сидя на корточках, с рук кормила поздний выводок индюшат размоченным хлебом.

Всё шло своим чередом. Сосед целился шестом в одинокую грушу на кончике ветки. Жена следила за его движениями. Ивовые космы шевелились – подросток следил за девушкой. Тубуш в свою очередь следил за подростком. А девушка поминутно вставала с корточек и следила за дорогой. Индюшата в это время следили за её руками и беспрерывно пищали.

По дороге неспешно, взявшись за руки, шли парень с девушкой.

– Кто это там? – спросил муж с табурета. – Вроде как чужие...

– Да какие чужие? – возразила жена. – Дядюшки Тумаса внук с женой. После такой-то страшной беды...

– Они ведь давно женаты – чего это как голубки разгуливают?

– А-а, всё же заметил, муженёк, как люди к жёнам относятся?

– Чем же ты недовольна? У тебя нет причин недовольство выражать – так я понимаю.

– Мам, а ты по любви выходила замуж? – ввернула дочь, оборвав пресноту пустячной перепалки. – Папа долго ухаживал за тобой?

– Да какое там!.. – усмехнулась мать. – Его родители пришли сватать – мои согласились. Вот и вся любовь. Неужто этого увальня на табурете можно было любить? Куда мои глаза глядели – не знаю. Он тогда только вернулся из армии и привёз огромное, прямо сказочное приданое: две наколки на тыльных сторонах ладоней – на одной СЫН КАВКАЗА, на другой ЭХ, ЖИЗН, – без мягкого знака, заметь! У русских в этом слове мягкий знак бывает. Вон они, шрамы от них до сих пор красуются.

– Видали, какая грамотная – по-русски заговорила! – с насмешкой вставил муж. – Ничего не скажешь, готовая учительница, как и братец её. Но он больше на крестьянина смахивает.

– Да, мой брат – учитель, и если в нём больше крестьянского – значит, он хороший учитель. Вот что я тебе скажу, муж.

С шестом в руках он замер в недолгом раздумье.

– А я так понимаю, – сказал, – пора тебе захлопнуть хлебoreзку.

– Правильно, затыкай мне рот! – взвилась жена. – Тебе всю жизнь нашёптывали про меня: она и такая, она и сякая, и ты верил, и житья мне не давал. Что ж, мне не привыкать, давай поноси, как и вся твоя родня поносила. Известно, впрочем, какие они сами. Не слепые – всё видим.

– Не вымещай на других своё дурное настроение. Имей совесть.

И она примолкла, держа руки под ярким цветастым передником, вся такая крутобёдрая, крутогрудая и крутоскулая. С чёрными завитками волос на висках.

– Эй, муж! – очень скоро встрепенулась она. – Не знаешь, кто айву запекает? А? Печёной айвой пахнет.

– Да откуда мне знать?! – возмутился он. – Айву какую-то выдумала. Кругом сплошные пустые дома – какая ещё тебе печёная айва? Лучше б обедом занялась...

Они всё говорили, а Тубуш, разлѣгшись под межевými пряслами, подрѣмывал, изредка открывая глаза и подмечая, что делается на соседской веранде: там девушка гремела посудой и пахло съестным. Девушка небольшого росточка, плотного, крепенького сложения. Она частенько заскакивала в комнату – то ли в зеркало гляделась, то ли на часы взглядывала – не поймѣшь, и всё улыбалась, вся сияла, то и дело постреливая глазками на дорогу, и мать украдкой наблюдала за ней, и подросток в своём укрытии томился в горячечном волнении, и во всѣм этом крылась какая-то тайна.

– Кыш-кыш! Ты что это вздумала?.. – закричала мать, затопав ногами. – Раз курица закукарекала – жди несчастья.

По грунтовой дороге, вздымая жидкую осеннюю пыль, проехала легковая машина, и мать тотчас же, почти без паузы, сменила тему:

– Совсем недавно в развалюхе ютились – теперь шагу пешком не ступят. Гляди-ка, какими важными заделались – на автомобиле с тѣмными стѣклами разъезжают!

– Значит, сумел человек – вырвался из грязи, – рассудил муж. – Голова на плечах, значит, имеется – так я понимаю.

– Как же – вырвался! Говорят, по уши в долгах сидит. Да и что он за мужик – приличную уборную не сколотит в своём дворе, жена его, выйдя по нужде, на всё село сверкает...

– Зря ты так. Он бедный, но честный парень. Ничем таким не запятнал себя.

Женщина подумала и выложила готовенькое: мол, бедные дорожат честью так щепетильно потому, что, кроме чести, им терять-то больше нечего. И сказала ещё, задрав голову кверху:

– Муж, ответь мне на такой вопрос: у тебя есть большая, очень большая... ну, такая неисполнимая мечта?

Он долго не отвечал – похоже, силился и не мог вникнуть в суть сказанного женой. Он метнул на неё растерянный взгляд, и сросшиеся брови его, там, где они срастаются, на переносье, встопорщились жѣстким, колючим пучком.

– Большая мечта? – переспросил он. – Да это... так я думаю...

– Так ты думаешь – да! – передразнила жена. – Что дальше? Тебе что в лоб, что по лбу – всё одно: «так я думаю». Разве это муж?..

– Попридержи язык! – осерчал он, и табурет под его ногами сыграл, взмахнув руками, он выронил шест, но чудом устоял, не полетел вниз и выговорил с укором: – Вечно-то всех осуждаешь! Не по-людски это. Так мы скоро в этих... в новых наших соседях превратимся.

Да, она такая: ни себе, ни другим поблажки не даёт. Что же касается новых соседей – они-то своё дело хорошо знают: скоро всё село к рукам приберут.

Девушка сошла по ступенькам лестницы, неся громадную сковородку шваркающей на свином сале яичницы. Тубуш внутренне встрепенулся, но не сдвинулся с места.

– И этому бедолаге киньте чего-нибудь, – сказал муж, спрыгнув со стола и отряхиваясь. – Тубуш, поди-ка сюда. Ну!.. Смотри, стал и стоит. Не шелохнётся. Вот характерец!

– Он же боится тебя, папа, – сказала девушка. – Разве подойдёт?

– Чего это боится? Что я – изверг какой? Чего меня бояться-то?..

– А помнишь, как ты его пнул ногой?.. Целую неделю хромал.

– А нечего лезть куда не следует. Нашкодил – и получил своё.

– Дочка, и кислого молока из подвала принеси, – попросила мать. – Как назло, и корова яловая бегаёт, чем будем кормиться весной?

– До весны ещё дожить надо, – сказал муж. – Так я понимаю. Эй, девка, и арбуз прихвати! – крикнул он дочери. – Во рту горечь одна.

Женщина застыла на месте, глядя на розвесь ивы над речкой, и вдруг сорвалась и побежала, и груди её под кофтой точно сбесились, так запрыгали, и Тубуш с весёлым лаем припустил следом.

– Куда это ты? – успел лишь сказать муж. – Что с тобой?

– Ах ты сукин сын! Ах ты тварь, гадина! – бежала жена и кричала: – Чтоб ты провалился сквозь землю со всем своим семейством!..

– Что это? – поспешая за ней, вопрошал муж. – Кто это, а?..

– Ты ещё спрашиваешь? – женщина обернулась. – Стоит, паршивец, в кустах – подглядывает! Я давно заметила: что-то шевелится там. Целыми днями, значит, стоит и подглядывает! Мы к ним – как к людям, а их щенок – дрянь, оказывается, сучье отродье!..

– Ладно, успокойся. Чего ты от них хочешь?

– Чего хочу? Чтоб прибрали к рукам щенка своего! Больше ничего! Сходи и поговори с его отцом. У нас во дворе девица на выданье. Я не позволю!.. Пусть накажет ублюдка своего!..

– Только-то? – усмехнулся муж. – Разве они люди? То скулят, то нос задирают. С ними не столкнешься.

Тубуш снова залился лаем, в полный голос, захлёбисто, и оба они, муж и жена, как один, затихли.

По дороге шёл путник. Издали было видно, что не свой, не сельчанин.

– Кто бы это мог быть?.. – в задумчивости промолвила жена. – Вроде, к нам идёт. Нет, к соседской калитке подошёл. Ну-ка, поди встреть.

Муж прикрикнул на пса, тяжело нагнувшись, пролез под пряслон, двинулся к калитке. Тубуш примолк и поодаль уселся на задние лапы, не спуская глаз с пришельца. Долгий путь, видимо, прошёл незнакомец: чёрные ботинки стали матово-белыми от мучнистой пыли. Он что-то сказал соседу. Тот что-то ответил. Так они стояли и долго о чём-то спорили.

– Что? – с тревогой спросила жена, когда муж вернулся к столу. – А? Ищет кого?..

Муж молча сел, подкатил к себе арбуз и, одним касанием ножа развалив его, объяснил, что незнакомец просто поведал историю своих мытарств, мол, долго, слишком долго он с семьёй мается без крыши над головой и потому намерен заселиться в этот пустующий дом.

– А ты? Ты-то что?

– Что – я? Наплёл, что люди на заработки уехали, скоро приедут. И нам велели за домом присмотреть.

– А он? Он-то что?

– Он сказал, что не верит мне, что всё равно вселится. И – всё.

– Ах ты боже мой! Беда-то какая! Что же теперь делать? Господи, трижды церковь твою на коленях... ползком обойду – только избавь!..

– Вот это я везунчик! – совсем близко раздался бодренький голосок. – Опять к обеду подоспел.

Девушка за столом вспыхнула: он всегда появлялся неслышно, даже пёс не облаивал его – давно привык.

– Ну, раз подоспел, – сказал отец, – стало быть, присаживайся.

Парень достал из кармана горсть жареных каштанов – ссыпал на стол перед девушкой. Губы той дёрнулись в улыбке, ресницы затрепетали, и она как-то особенно посмотрела на него, одетого во всё броское, модное.

– Как жизнь-то? – весело спросил парень. – А?

– Какая, к дьяволу, жизнь. Муки одни... – сказал отец.

Парень стоял и улыбался. У него были сияющие, слишком светлые глаза на смуглом, как бы обветренном лице. И маленькие, без мочек, суховатые уши. Ещё он любил часто стричься, благо отец работал парикмахером, и всегда ходил с аккуратной причёской. А на груди крестик с распятием красовался, даже не крестик – увесистый крест с очень выразительным, выпуклым распятием. Отец полюбопытствовал:

– Слушай, он у тебя что – золотой?

– Конечно... – рассмеялся парень. – Чего бы мне жестянку носить?

– Тяга к дорогим безделушкам и уменье одеваться – разные вещи, – неизвестно с чего заметила мать. – Надо знать место и время.

– То есть как это? – удивился парень и как бы оглядел себя со стороны. – Я что – плохо одет?

– Одни понимают жизнь как сплошные удовольствия, – вовсе с туманцем произнёс отец, – другие – как повседневные заботы...

– Не врублюсь никак, – пожал плечами парень и, сев за стол, утвердился локтями. – Крест как крест – сейчас многие носят.

– Что тут... врубаться? Ты выучился на учителя, а работаешь кем? Что ты там, в клубе своём, делаешь? Я слышал, к примеру, похабные фильмы крутишь...

– Кто это сказал? – взволновался парень. – Кто, а?

– Кто бы ни сказал, мне это не нравится. Понятно?

Парень лишь на секунду смешался – и тут же задиристо улыбнулся:

– То есть вы отсылаете меня куда подальше?

– То есть говорим, – в тон и весомо ответил отец, – что близок локоток, да не укусишь!

– Ладно, прекратите! – встряла мать. – Без вашей перепалки тошно.

Парень помолчал и как ни в чём не бывало предложил девушке:
– Пойдём сегодня в клуб – хороший концерт намечается? Пойдёшь?

– Нет, – сказала та, но глаза её обещающе блеснули. – Давай поднимемся наверх – что тебе покажу.

Отец тяжело вздохнул, встал из-за стола и увидел, что дядюшка Тумас возвращается с охоты. Ружьё закинул за спину, убитого зайца приторочил сбоку к поясу. Подойдя вплотную к ограде, тот хрипло окликнул:

– Эй, милый человек! Ты дашь мне попить или дальше пройти?

– Сейчас, дядюшка Тумас! – отозвался сосед. – Налью только.

И вскоре поднёс старику красного вина в высоком тонком стакане.

– Нынешнее? – спросил тот, приблизив посуду к глазам. – Или..

– Нет, летошнее. С соседской веранды. Литров двести отжал.

Оба посмотрели на дом, с размахом построенный, просторный, двухэтажный, с широкой верандой, обвитой виноградом. Кое-где среди пегой осенней листвы уцелели мелкие тугие грозди. Они одновременно, словно сговорившись, вздохнули: грустную, тягостную картину представлял собой вид покинутого дома.

Старик молодецково, хоть и с трудом, в три приёма опорожнил стакан.

– Может, ещё налить? Иль к столу пройдем?..

– К столу – если зажарим зайца...

– Нет, спасибо, – спешно отказался сосед. – Оставьте его себе.

Он только однажды слышал, как кричит, ревет, что малое дитя, заяц-подранок, и не ел зайчатину, не мог.

Старик пытливо поглядел на пса.

– Всё удивляюсь – какая хорошая собака! – восхитился. – Смотришь и диву даёшься: откуда всё это в такой твари? Она ведь часто без цели бегаёт по тем тропам, по которым в своё время хозяин ходил. Умница такая.

– Тубуш всем нравится. Где свадьба, где поминки – он там, и все его привечают, кормят...

– Молодец! – подмигнул старик собаке. – Держи голову выше, парень, ты это заслужил!.. И не бойся никого...

– Он даже знаменитого свиста Василя не боится, – войдя во вкус, отметил сосед. – Все собаки врассыпную, а этому хоть бы что.

– Васил... да, совсем от рук отбился. Пьёт страшно. Распоясался – со всеми подряд схватывается. Как бы ни свихнулся. Ладно, пойду помаленьку. А то старуха беспокоиться начнёт.

Сосед в задумчивости поглядел старику вслед и вернулся к столу.

– Ну, что он? О чём говорил? – пристала жена с расспросами. – Узнал, как обстоят их дела?..

– Нет, не узнал. Видно, уладили всё. Шутка ли, всем селом деньги собирали...

– Меня что поражает: всё ходит по лесам, по полям, всё кружится, не боится. Могут ведь подстеречь – и отомстить. Станный он какой-то.

– Что ты хочешь – изъеденный временем старик.

Немного помолчали. Потом жена встала, навалилась грудью на стол и что-то шёпотом растолковала мужу.

– Это правда? – у него отвисла губа. – Точно знаешь?

– Да, к сожалению...

– Хочешь сказать...

– Да, муж. Да!

– Нет, не может быть!

– Может. Мать же я, всё подмечаю.

– Да сейчас я его!..

Жена торопливо обошла стол и положила руки на его плечи.

– Наплюй. Держи себя в руках.

– Как это – наплюй. Как теперь людям в глаза глядеть?

– Ничего. Всего лишь нашкодили до свадьбы. Потерпим...

– А как давеча со мной говорил. У самого рыльце в пушку...

– Тихо-тихо... Тсс! Идут.

Те спустились по лестнице. Дочь переделась. В лёгком голубеньком сарафане на тоненьких бретельках она вышла на солнце, и сарафан её непристойно засквозил.

– А это зачем нацепила на себя? – раздражённо спросил отец. – Сбрось и эту тряпку – ступай нагишом. Чего теперь стесняться?

Руки дочери буквально рухнули вдоль тела.

– Что случилось, папа? – помолчав, сказала она притворно-наивным тоном. – Ты не раз видел этот сарафан – и ничего не говорил.

Он молча смотрел на неё. Она тоже замолчала. Глаза её светились влажным блеском, и в форме её пухлых губ, в том, как она часто открывала рот и водила языком по губам, отец углядел что-то неприятное. Очень неприятное и постыдное. Он слотнул ком.

– Иди давай, бесстыжая, в дом – переоденься, – сказала мать. – Отец так хочет. Да и прохладно вечером будет. Не лето.

Та с ленцой стронулась и нехотя поднялась наверх.

– Гав, – вяло подал голос Тубуш. – Гав-гав.

У калитки стояла старуха – дальняя соседка, просила зарезать курицу. Парень враскачку, заложив руки в карманы брюк, подошёл, принял у неё птицу, но от ножа отказался: просто оторвал курице голову и отшвырнул прочь. Дочь вышла из комнаты всё в том же сарафане.

– Не буду переодеваться! – сказала. – В чём хочу, в том и хожу, я не малый ребёнок!

Мать с яростью подбежала к веранде и прямо зашипела:

– Покарай меня Бог, если не покалечу тебя! Будешь мне!..

Дочь в сердцах хлопнула дверь. А парень шагнул к груде дров, взял колун и с показной лихостью, с одного маху развалив дубовый чурбак, откинул колун в сторонку.

– Коль уж вылуцилась правда, – сказал, – то честно признаюсь: если настаиваете, могу уйти, конечно...

– На-ка, выкуси! – оборвала его мать, не по-женски грубо сложив три пальца, и, подойдя к столу, взяла ломоть хлеба и сказала как отрезала: – Клянусь вот этим божьим даром: я уничтожу тебя, если осмелишься насмеяться!..

Тубуш с беспокойством заметил, что тени стали перемещаться, неумолимо удлиняться. Скоро сумерки совьют хрупкую, тревожную тишину над селом. Он плохо переносил эту пору суток и обычно по вечерам бродил от дома к дому. Соседи тоже убрались со двора. Женщина без дела ходила по веранде и всё не могла успокоиться.

– Если б хоть была помолвлена, связана надёжным словом, – изливала она душу. – Сучка – в кого такая уродилась? Он-то, он! По пояс в грязи сидит, подлец, а кричит – не брызжи. Хвастает. Будь ты самым-рассамым, но, если начал жизнь со срама, не видать тебе счастья. Твой парикмахер отец разве для того выбривал с каждого лица по рублю – складывал рубль к рублю, чтобы выучить тебя, вывести в люди, разве для того?..

– Э-э, да перестань ты, хватит! – донёсся из подвала недовольный голос мужа. Он там аккуратно укладывал груши на полки, каждую отдельно обкладывая золотистой шуршащей соломой. – Без твоих слов всё ясно. Вовек не отмыться нам.

Делать нечего – Тубуш пустился в глубь села. Пробежал ближайšie пустующие дома, равнодушной торопцой проскочил мимо галдящих у родника женщин, нырнул по отлогому склону в овражек и, резво, не сбавляя хода, взойдя наверх, оцепенел у окрашенных в синий цвет ворот. Там стояла красная машина, тщательно отмытая, блестела влажным глянецом. Хозяин поднял капот и задумчиво склонился над мотором, ни к чему не притрагиваясь.

Раньше он числился в больших начальниках, теперь нигде не работал, хотя по-прежнему рядился в костюм и галстук, выезжал на своём автомобиле в центр, на сельскую площадь, стоял среди людей и молчал, всё время молчал с таким видом, словно знал нечто важное о жизни и таил ото всех. А на самом деле жил себе замкнуто, мрачно изнемогая от благополучия – громадный дом, что полная чаша, и дети все пристроены по разным городам, и двор обнесён высокой оградой из речного булыжника, и железные ворота всегда на запоре – не сунешься.

А в другом дворе весьма и весьма довольный, счастливый до одури человек развалился в гамаке, подвешенном меж двумя яблонями, раскачивается потихоньку, явно наслаждаясь тем, как молодая женщина, вся такая ладная, мягкая, располневшая в замужестве, хлопчет по хозяйству. Подол её зелёного платья тяжело намок от плеснувшей из ведра воды, и это очень волнует его, и время от времени он бормочет себе под нос:

– Что может быть лучше, а? Что может быть лучше!..

Тубуш пустился дальше, проскочил ещё несколько пустующих домов и остановился возле двора, где яблоки зимних сортов, как исстари заведено в селе, целой горкой складывали на высокую тахту под открытым небом и укрывали плотным слоем папоротника – так они хранятся долго, вплоть до следующей весны.

А за тем дощатым забором с завистью в тоне рассуждали:

– Они живут-то исключительно для того, чтобы жрать. Видел бы ты, за какой богатый стол садятся. Рассказать – не поверишь. Может, поедем? Этого попросу...

– Как же, жди – он тебя отвезёт! Он у родной матери всю жизнь денежки брал, подвозя в райцентр.

– Брось ты, он ещё малой капелькой висел на кончике отца, я уже на машинах разъезжал – неужели откажет?..

А дядюшка Тумас возился в коровнике и шепелявил со своей старухой – верно, вынул изо рта протезы – и губы запали.

И ещё в одном подворье:

– Кто ж виноват – что у тебя детей целая куча? После твоей свадьбы ещё собаки не успели все тарелки облизать – у тебя уже трое было. На что надеялся?..

И ещё в одном:

– Люди, приезжавшие из города работать на завод или в школу, люди чужой национальности, как правило, оставались навсегда. Вот какое было село!..

Правда, совсем недавно хорошее было село. Старое, древнее и большое: тут тебе и юг, и север, и восток, и запад. На юге, скажем, свой говор, свои шутки-подначки, на севере – свои. Бывало, на западе шёл дождь, а на востоке солнце светило как новенькое. Огромное было село, и стояло оно в долине среди гор, тысячи лет стояло на этом месте, в этой котловине. Для сравнения: вообрази маленький родничок на дне оврага, что не однажды разлетался под копытом коня неприятеля, потом долго и трудно, капля по капле, стекался обратно.

А этот безмолвный, заброшенный, мёртвый дом раньше был многосемейным, раньше от детского гомона он гудел как улей, и, как матка в улье, всегда сидела среди детей их бабушка, девяностолетняя, но бодрая ещё старуха. Где-то они сейчас?..

А Васил опять вернулся домой пьяным. Шатаясь, поднялся на веранду, включил электричество и, отшвырнув ногой кошку, своей неизменно важной, дутой походкой подошёл к зеркалу и, проведя ладонью по недельной щетине, вдруг всей пятернёй ударил себя по щеке и сказал:

– Суки!.. – Постоял, раскачиваясь, и снова ударил, всё глядясь в зеркало, затем снова и снова, и всё повторял: – Суки!.. Суки!.. Суки!..

Тубуш вывернулся из-за угла и – глядь: дверца освещённой изнутри машины раскрыта настежь. Льётся негромкая музыка. Совсем зелёная девчонка стоит, взявшись рукой за дверцу, тесно сдвинула стройные ножки, вся напряжённая, стоит и кокетничает, и немножко стесняется своего кокетства, и этот боров с пустым, жирным, раздутым лицом, этот ошмётко когда-то бедной, донельзя бедной, почти нищей семьи, отхвативший себе неприметное, но хлебное местечко, этот первейший в селе самец, свесив толстую длинную ногу, сидит за рулём и что-то нашёптывает ей. Тубуш подкрался ближе.

– Гав! Гав-гав-гав! – залаял злобно, словно предупреждая девчонку о подстерегающей её опасности. – Гав-гав-гав!..

И та мигом вильнула юбочкой, растворилась в темноте. Её уха-жёр презрительно посмотрел на кобеля, смачно сплюнул и, убрав ногу в салон, замахнулся кулаком.

– Какая гадкая собака! – сказал досадливо.

Потом то же самое почему-то повторил по-русски. Потом – по-азербайджански. Потом – по-армянски. Попытался и по-английски, но вышло коряво, смешно, и он ещё раз сказал по-удински:

– Какая гадкая собака!..

Прошлым летом было. Чужая корова перемахнула через плетень и паслась себе в заброшенном огороде. Тубуш слишком поздно вернулся домой и сразу кинулся на неё, на корову, и, озверев от ярости, стал гонять вдоль оградки. А на другое утро оказалось, что как следует искусал её, и этот боров, хозяин коровы, подстерёг его и, загнав в угол, так жестоко, люто отделал лопатой, что от боли и ужаса он обмочился. Тогда целую неделю провалялся в своей ямке под крыльцом. Лежал и стонал, зализывая раны. Соседи приносили кормёжку. Он при них к пище не притрагивался, словно обиделся на весь род людской. Соседи оставляли миску и уходили. Он в одиночестве ел и поправлялся...

По дороге шли двое мужчин. Шли неторопливо, попыхивали сигаретами.

– Слушай, кто же всё-таки прикончил чужака? – спросил один. – Дядюшка Тумас или внук его?

– Какая разница? – ответил другой. – Главное – сумели. Он или внук – всё равно. Старик всё взял на себя – и ладно.

– А я думаю: ерунда это. Ничто нам не поможет – все разъедутся. Вот и хоронят уже без креста – кто тут останется?

– Чего? Как хоронят?

– Без креста. Так вот.

– Откуда знаешь?

– Как откуда – сам видел: вчера на годовщину ходил в нижнюю часть села. Там объявился этот... наш главный туз с наказом: памятник должен быть без креста. Люди стали возмущаться – скандал разразился на кладбище.

– Это что же – сам он надумал? Или кому-то в угоду?

– Его разве поймёшь? И так всё ясно: выживают всех...

– Так и не поставили памятник?

– Как поставишь, если он над душой стоял, кричал, стращал?

– Вот сволочь. Сегодня это, завтра кому-то в угоду заставят обречься. Да... все разбегутся, рассеются по всему свету...

Тубуш возвращался домой. Над головой нависла огромная луна. Село понемногу засыпало, гасли окна, выключались телевизоры. Во многих домах спали, кто-то, может, и не спал, лежал в своей постели в горьком и тяжком бдении. Но всё кругом затихло. Лишь где-то вдалеке, точно пробуя голосок, тьякала собачка. Вдруг совсем близко откашлялся мужчина.

– Какая подходящая для воровства ночь, – произнёс негромко. – Луна светит. Сухо.

Тубуш задержал шаг.

– Ладно, быстрее! – грубо и насмешливо возразила женщина. – Помочиться без меня выйти боишься – в разбойники записался. Живей давай, прохладно всё ж!..

Тубуш затрусил дальше. Соседи тоже легли. Погасили свет в спальнях комнатах. А родной двор, заглохший в заброшенности, казался средоточием запустения. Тубуш обходил дом, с тоской взглядывая на мутные бельма окон. Он как бы нехотя, лениво брёл, а рядышком неслышно плыла его куцая тень. Пёс и его тень – вот всё, что осталось от былой жизни. Обойдя дом, он стал посреди двора и, задрав голову, завыл:

– У-у-у-у!..

Протяжно завыл, с печалью. В ответ – молчание. Только в высоком небе роились звёзды и, казалось, зябко потрескивали. Он ещё раз завыл:

– У-у-у-у!..

Потом заполз под крыльцо, лёг в свою ямку и скоро заснул. Спал он беспокойно, тревожно вскидывая голову на всякий шальной звук, на случайный шорох. Изредка он слегка поскуливал во сне – кто знает, может, ему снились хозяева или, может, бело-пегая товарка мерещилась под буйно цветущей белой акацией. Просыпаясь, он краем уха слышал, как струится и шуршит по черепичной кровле роса, замечая тишину поздней ночи редкими сонными каплями с карниза.

**Иван
ШУЛЬПИН**

ВСЁ ЧАЩЕ СНИТСЯ РОДИНА МОЯ...

ПИСЬМО

Напиши мне письмо. По старинке,
На тетрадном листке.
Сквозь линейку косую увижу,
Как сквозь дождик косою,
Я наш дом и тебя на пороге.
Ты в проёме дверном,
Темноликая, как на иконе,
Смотришь в дождик косою.
Напиши мне письмо. Как бывало,
Острым школьным пером,
Чтоб чернила фуксинно горели,
Согревая меня.
Напиши мне письмо. Адрес тот же:
Прямо в детство моё.
Напиши мне письмо. Адресатом
Будет сердце моё.

Ау, весна! Как не было...
И не вернёшь, не жди.
Ушли снега на небо,
И выпали дожди.

-
- Иван Васильевич Шульпин родился в 1945 году в селе Бакуры, Екатеринбургского района Саратовской области. Окончил филологический факультет Балашовского педагогического института. Работал учителем, корреспондентом, литературным консультантом в Саратовской писательской организации. Публиковался в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Волга», «Созвездия», «Новая Волга», «Волга—XXI век», в газетах «Литературная Россия», «Российский писатель». Автор нескольких стихотворных и прозаических сборников. Написал два литературных сценария, по которым были сняты документальные фильмы. С 1999 года по 2005 год редактировал альманах «Саратов литературный». Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени М. Алексеева. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Ну что же, эка невидаль –
Ещё одна весна!
Но тянет, тянет неба даль
И ночью не до сна.

И оттого всё горше мне,
Что ведаю, в чём суть:
Ещё пью жизнь пригоршнями,
А надо б по чуть-чуть.

Пестрит берёзовый колок
На обогретом солнцем взгорке.
Там пахнет терпко полынок
Бальзамом сладостным и горьким.

Две белых колеи ведут
Туда, виляя влево, вправо,
То появляясь на виду,
То пропадая в травах.

И лучше в мире не найти
Нигде
 дороги белой этой,
Чтоб, взявшись за руки, уйти
На целый день в берёзы, в лето.

АВГУСТ

Ещё и лету нет конца,
Но, словно грусти лёгкий след
В чертах родимого лица,
Я вижу множество примет:

Густеет ряска на прудах,
Склоняется подсолнух ниц,
Распяты стареньких рубах
Сбивают в стаи первых птиц.

Я.Г. Манджари

Всё реже тянет в дальние края,
К красотам моря, гор ли,
Всё чаще снится родина моя,
И слёзы – комом в горле.

Но там уже давно другая жизнь,
И радости, и беды.
Чтоб не почувствовать себя чужим,
Я и туда не еду.

Вот почему я плачу по ночам,
Скую в свою подушку:
В Бакурах, слышу, петухи кричат...
И надрываю душу.

НА ЗАКАТЕ

Как художника дерзкого изыск
Или детской руки произвол –
Десять солнц голубых лёгким снизком
Удаляются за горизонт.

Рдеют окна начищенной медью,
Куст калиновый неопалим.
Бродят длинные тени соседей
По садовым дорожкам моим...

ТИШИНА

Вот какая в жизни полоса:
Ни души кругом, кругом затишье.
Долетают птичьи голоса
Из укромных зарослей камышных.

Сам вдруг замираешь, чуть дыша,
Даже замиранье сердца слышно.
Видно, так устроена душа –
Тихо... Страшно, чтоб чего не вышло.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Звёзд немного, но луна! –
Вобрала в себя их, что ли, –
Светит остро, как игла,
Аж до слёз, до боли.
Спрятать некуда глаза:
Снег горит, искрится иней,
На ресницах вдруг слеза
Вспыхнет алым, синим...
Было днём белым-бело,

Будто краски к лету копят,
А теперь вот расцвело,
Как в калейдоскопе.
Словно видишь в яви сны,
В тех огнях живых сгорая,
Как в преддверии весны
Или даже рая.

СТИХИ О ТАЛАНТЕ

Не жаль упавшую звезду –
На небе звёзд не ubyло.
Жаль, ветер свечечку задул
С какой-то глупой удалью.

А кто-то нёс, едва дыша,
Её в ладонях лодочкой.
И млела нежная душа,
Как над малюткой-дочкою.

Не усмирить в ладонях дрожь,
Не скрыть тоску по пламени...
Всё каплет, каплет звёздный дождь,
Но звёзд не меньше на небе.

**Алексей
БОРЬЧЕВ**

ТИХИЙ ГОЛОС ОКЛИКНУЛ МЕНЯ...

СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ

Стекает утро вязким солнцем
С покатых крыш,
И день стоит над горизонтом,
Кудряв и рыж.

Осенней солнечной слезою
Позолочён,
Он ловит блик под бирюзой,
Хрустит лучом.

Зерном печали кормит небо,
Молчит оно,
Глотая, словно крошки хлеба,
Её зерно.

-
- Алексей Леонтьевич Борьчев родился в 1973 году в Москве. Автор восьми книг стихотворений. Публиковался в журналах: «Юность», «Нева», «Нива», «Аврора», «Сура», «Время и место», «Южная звезда», «Невский альманах», «Второй Петербург», «Наш современник», «Журнал Поэтов», «Московский вестник», «Вестник российской литературы», «Аргатак», «Наше поколение», «Вокзал», «Окна», «EDITA», «Семь искусств», «Лава», «Литературный меридиан», «Русский свет», «Интеллигент. Избранное», часть 2-я; в газетах: «Российский писатель», «Московский литератор», «День литературы», «Литературная газета».

Автор многочисленных сетевых публикаций в журналах «Кольцо А», «Лексикон», «Вечерний гондольер», «МЕГАЛИТ», «Поэзия. ру», «45 Параллель», «Новая литература», «Подлинник», «Точка Зрения», «Гостиная», «Зарубежные задворки», «Кругозор» и многих других.

Награждён литературной «Медалью А. С. Грибоедова». Финалист различных сетевых конкурсов.

И пусть сентябрь горчит повсюду
Сырой строкой,
Но этот день подобен чуду,
Живой такой!

И льются тихие просторы
Струёй времён
На бесконечные повторы
Иных имён.

И что ему угрюмый невод
Земной тоски,
Когда задумчивое небо
Кормил с руки!

СТАНЦИЯ «ОСЕНЬ»

Апрель покупает билет для меня
На поезд до станции «Осень»,
Куда отправляюсь, мечты разменяв
На воздух и дым на морозе.

Бегут полустанки мерцающих дней
Быстрее, быстрее, быстрее;
И солнце в оконцах уже холодней,
И прошлое даже не греет...

И нет остановок, а старый вагон
Несётся, несётся, несётся
И делает новый и новый разгон
Вдогонку закатному солнцу.

Уже не приносят ни чай, ни коньяк —
Уволены все проводницы.
Но знаю: на станции «Осень» не так —
Там есть ещё чем насладиться!

ТИХИЙ ГОЛОС ОКЛИКНУЛ МЕНЯ...

Тихий голос окликнул меня
В молчаливой октябрьской чаще.
Задрожало пространство, звеня
Тишиной, к небесам восходящей.

То ли филин о том прокричал,
Что я предал кого-то когда-то,
То ли шедшая в душу печаль
Разрыдалась, тревогой объята.

Может, ты – о которой забыл –
Этим звуком к себе призываешь?
Но – ни воли не чую, ни сил...
И душа моя – как неживая!

...Я стою, надо мной небеса
Моросят непростительным прошлым,
И слышны в темноте голоса,
Только слышать и слушать их тошно!

Я застыл в этой чаще навек
Посреди тёмных гатей и топей,
Беспольный, пустой человек,
Проживающий на автостопе.

И к чему призываешь меня
Ты, ночная зловещая птица?
Это сон!
А в чужих временах
Так тревожно и тягостно спится!..

ОЧНУТЬСЯ ДАЛЁКОЙ ПЛАНЕТОЙ

Очнуться далёкой планетой,
Забытой своею звездой,
Летающей куда-то и где-то
Над тёмной вселенской грядой.

И видеть квадраты и кольца
Тебе неизвестных времён,
Звенящие как колокольцы
Забытых, но звонких имён.

Встречая вторичные дали,
Забыть о первичных навек,
О том, что тебя называли:
«Любимый ты мой человек».

И знать, что какого-то завтра
Не будет уже никогда.
Сомкнётся кромешная правда:
Я – глина, песок и вода...

ТЕМНОТА

У темноты особый блеск,
Особая звезда.
Мерцает странный арабеск
В лучах её всегда.

За каждой новой темнотой –
Иная темнота
Скрывает белый свет густой
И все его цвета.

И в каждой то, что может быть,
А может и не быть –
И горний мир, и смрадный быт,
И бабочка судьбы...

В густой блестящей темноте
Огнями сны цветут
И украшают на холсте
Событий – наш уют.

Над городами, над землёй,
Где не был человек,
Витает тьма липучей мглой,
Туманом чёрных рек.

У темноты особый вкус,
Особый аромат.
Я ими от себя лечусь.
Они слегка пьянят,

Легонько давят на виски.
И я во тьму иду,
Времени потерянных куски
Сбирая на ходу.

У темноты особый блеск,
Особая звезда.
Мерцает странный арабеск
В лучах её всегда.

ВЕСНЫ СКВОЗНАЯ СИНЬ...

Весны сквозная синь.
Светящаяся истина.
Застенчивость осин,
Прозрачная, лучистая.

Кораблики тепла
По морю стыни плавают,
И тёплых дней расплав
Стекает с неба лавою.

Весны блестящий диск
Вокруг меня вращается,
И мир, суров и льдист,
На части разрезается –

На щебетанье мглы,
На пенье ручейковое,
На воды, что светлы,
А были стужей скованы...

И солнечным стеклом
Леса переливаются,
Как память о былом,
Всегдашняя, живая вся!

И солнце – просто дым
Оранжевый, берёзовый –
Над мартом молодым,
Над снегом бледно-розовым.

**Владимир
Кантор**

Окончание.
Начало в номере 1–2 2014

ПОМРАЧЕНИЕ

Глава 4

ЧТО-ТО ВРОДЕ ПОМИНОК

Он лёг в постель, думая об Алёнке. Не мечтая о сексе, просто думая, что ему с ней было удивительно хорошо. И незаметно заснул. Проснулся с улыбкой. Ему приснилось давнее письмо Алёнки: «Милый мой, высылаю цитаты, которые ты просил. Видишь, какая я прилежная? Всё, побежала на лекцию. Целую тебя, счастье моё! Пишу – и улыбаюсь, потому что ты в самом деле делаешь меня очень счастливой! Твоя Алёнка».

«Другого такого, как ты, нет», – говорила Алёнка. И смеялась, меняя интонацию: «Ты побереги Семёна Георгиевича!» – это мама меня просила, – говорила она (мама знала или догадывалась о её сексуальном аппетите или просто за дочку беспокоилась, как бы любовник не помер). – Это ещё вопрос: кого надо беречь! У меня всё болит». Он вздрогнул: «Господи! Прости меня. Ты бы сказала...» Она прижалась к нему: «Счастье моё, ты о чём? Мне хорошо с тобой! Меня мама спрашивала, а что он, мол, может. Он ведь даже меня старше». «А ты что?» Она хихикнула: «Что-что, правду сказала: что ты такое умеешь, что мне и в голову не приходило».

И вдруг это ушло.

Семён с тоской глядел в потолок, словно в небо: «Что происходит в душе, когда страсть безнадежна? Когда было обладание, а потом ты отринут? За что такая боль? Господи, за что? Почему молчишь, Господи? Я не понимаю, что произошло. А то, что понимаю, так просто. Неужели так просто устроена жизнь?» Когда он начинал думать о ней, то боль от прошедшего герпеса, который поясом проходил через грудь красными пузырьками, просыпалась, так болит зажившая рана. Выхаживала его Ветка, думая, что вся эта напасть от его неустроенной жизни. А он, чувствуя себя негодяем, не мог не думать об Алёнке, о том, что она его бросила.

Но совершенный когда-то поступок уже не переделаешь. Жизнь заново не переиграешь. Упущенное не воротить. Это горько и обидно. Но ничего не поделать. Ужас в банальном. Надо жить с тяжестью на сердце от упущенного. И Семён, как ему казалось, писал ей аналитические письма, письма уязвленного мужчины, которые только ещё больше отталкивали её от него: «Если бы я мог поверить, что ты вернулась к мужу. А то ведь полгода шла мутота, мол, «любила, люблю и буду любить», что давало надежду и толкало к безумию». Теперь то он понимал, что и вправду любила, что он своими письмами, более чем оскорбительными, загнал её в угол нелюбви. В рассказе Стефана Цвейга «Амок» у героини тоже муж, тоже есть любовник (другой, не герой-рассказчик), она тоже неверная жена. Почему неверные жёны вызывают такую сумасшедшую страсть? То же сексуально-любовное безумие. И герой рвётся к ней, бежит за ней и кончает с собой, бросившись в океанскую воду, – из-за потерянной любви. Этого Хворост пока понять не мог.

Алёнка в дни ухода попыталась перевести ситуацию в другую тональность, прислав свои стихи:

*Принц! Помните: кто женщину гневит,
Приносит тем несчастье лишь себе.
Фортуны перст за пол свой страшно мстит.
Не попадайтесь под руку судьбе.*

Но, смертельно обиженный, он не принял её попытки. Она его бросила, а теперь грозитесь гневом Фортуны. Злость проснулась снова. Он ответил очень резко, злобно анализируя: она любила, когда думал профессор, но сама думать не умела. И когда стало ясно, что она должна писать что-то умственное, это повлияло на её уход.

Прошло два года, как она его оставила. И всё это время он жил не то в действительности, не то выморочной жизнью. Иметь бы набокковское зрение, зрение камеры обскуры, чтобы видеть и понимать любую женщину, даже любимую. В романе «Камера обскура» Набоков сравнил героиню с морской свинкой Чипи, жадной и неприхотливой, но жестокой и рвущейся в мир людей. Ход гениальный, но стиль его – стиль зоолога, энтомолога, прикалывающего очередной экземпляр в свою коллекцию. Он не переживает, не страдает героям, видит только чувственную сторону жизни. А у Семёна душа помнила каждую частицу её души, он помнил каждый её жест. Тогда и понял, что любовь – это и вправду бессонница и фантазия.

Но собственной вины и слабости сколько было! Как он мог потерять её?! Да, поздно он понял, что надо было делать... А что? Да просто, пока она его любила, взять её в охапку и увезти куда-нибудь прочь – в Америку, в Европу, в Сибирь, на Дальний Восток, а то и вообще в Австралию. Может, тогда она бы не покинула его?

Почему не взял её, когда она была готова сдать? Тогда, в гостинице в Вильнюсе... Ведь Вильнюс был их местом, где они позволяли себе всё. Всё могло повернуться иначе. Почему не настоял тогда на своём в номере? Почему не проявил настойчивости? Привык усту-

пать женщине, никогда насильником не был. Интеллигентская скованность. Вот главная причина его потери. После совещания в секторе, когда он поддержал её кандидатуру на следующие три года, не проводил её, хотя вопросительный её взгляд перехватил. Но был обижен, зол и пошёл с другой сотрудницей, вроде им было по дороге. Почему? Думал уязвить её? Балованный мальчик.

Когда она сказала, что у него есть любящие женщины, а с ней будет переизбыток, он тогда не понял, что она его берегла. А может, ей стало ясно, что толку от него не будет, что он исчерпан, а надо как-то жить, на кого-то опереться. Но он всё равно продолжал дышать памятью о ней. Уже не её тела желая, просто ощущая её как некое близкое и нужное ему существо, без которого трудно жить. Но – жил.

Кроме самых любимых и преданных женщин...

Семён был жаворонком. И опять рано поднялся. Почистил зубы, вернулся в комнату, сделал ставшую привычной больше чем за сорок лет зарядку: пятьдесят раз отжался, двадцать пять раз закидывал ноги за голову, двадцать пять поднимал торс, засунув ноги под комод – качал пресс. Иногда его хватало и на другие упражнения. Но сейчас другие делать было неохота. На кухне выпил чашку кофе с дежурной овсянкой, которую уже давно научился варить. Пока он завтракал, Валентина с Кристиной из своей комнаты не выходили. Помыв тарелку и чашку, он вернулся в свою комнату. Прилёг на тахту с книжкой, думая почитать подробно текст Бердяева «Судьба человека в современном мире» о том, что мир погружается в хаос, выхода из которого нет. Он пролистывал уже эту книгу, а теперь решил, что стоит перечитать те мысли, которые кажутся почти своими.

Из коридора его позвала Валентина: «К телефону! Дружок твой, Олег Безлюбский!» Так давно прозвала Олега Валентина. И тоже это ему подходило, хотя любил и имел он многих. Семён как-то возразил: «Скорее – Многолюбский». На что Валентина беззлобно, но твёрдо сказала: «То, чем занимается твой Олег, я бы не назвала любовью». Кого не хотел бы Семён ни слышать, ни видеть – так это Олега. Даже не видя, слушая его, он не мог отделаться от мысли, что Любский спал с Алёнкой раньше его (и другие любовники были, и муж), но Олег был после того, как она опомнилась, замуж вышла и захотела стать порядочной женщиной.

Он вспомнил любимый анекдот Любского. Учёный докладывает об эксперименте: «Шла проверка, какой инстинкт сильнее. Чувство голода или желание самки. Посадили в разные клетки двух собак: сучку в течке и кобеля. Кобеля шесть дней не кормили. Потом выпустили их в третью клетку, где стояла миска с едой. Кобель к миске даже не подошёл, а сразу накинулся на сучку. Так что можно заключить, что при шестидневном голодании сексуальный инстинкт побеждает чувство голода. Потом не кормили ещё три дня. Повторили

эксперимент. Кобель снова не обратил внимания на миску, а набросился на сучку. Из чего мы пришли к выводу, что после девятидневного голодания сексуальный инстинкт по-прежнему преобладает. Ещё три дня голодовки. Снова выпускают их в клетку, где стоит миска с едой. Кобель на сучку покосился, но всё же пошёл к миске. Так что наш опыт показал, что двенадцатидневное голодание побеждает сексуальный инстинкт». Голос из зала: «Эксперимент некорректный». Докладчик удивился: «Почему?» В ответ получает: «Да потому, что сучка оставалась та же. Для чистоты эксперимента надо было и сучку сменить».

Судьба подарила ему Алёнку, и он, уже не ждавший от себя подвигов, расцвёл. И с ума сходил. Он видел в ней жертву – как Марию из «По ком звонит колокол», которую изнасиловали франкисты, но в любви она очистилась и расцвела.

Если не любовью, то чем оправдано существование?

Если б умер десять лет назад, когда под машину попал, сегодня и проблем бы не было.

Хворост вышел в коридор и взял из Валиной руки телефонную трубку. Валентина в комнату свою не пошла, задержалась на кухне, чтобы слышать разговор.

Олег заклекотал в трубку:

– Сёмушка, я к тебе с печальной новостью. Ты знаешь, кого завтра хоронить будем?

Семён молчал, сжав зубы.

– Не хочешь со мной говорить? Всё злишься!.. Обижен на меня. Знаю, что виноват. Но ты прости меня, старого развратника! Всё равно, я понимаю, в твоих глазах я гад ползучий и полная свинья.

– За что это ты так себя?

– Не «за что», а за кого. За Алёнку, конечно. Но ведь я, гад этак, когда всё это творил, не знал, что она тебе понравится. Всё же согласись, что когда я её... гм... гм... Ну не буду, не буду. Просто хотел сказать, что у тебя ведь с ней тогда ничего не было. Ведь не знал тогда, что у вас любовь будет, что ты так влюбишься, втюришься как мальчик. Хочешь, в отплату Людку тебе подарю. Да ведь ты, старичок, её помнишь. Она умелая. Она сделает всё, что я прикажу. А ты что, расстроен? Слышал, что с Алёнкой у тебя сложности... Не тушуйся. Ты же мудрец. Должен понимать, что только трагическая любовь имеет высший смысл. Давай лучше о мужских делах. Тишка наш вчера помер. Приезжай. Завтра от морга на кладбище, а потом ко мне на новую хату. Ты ж у меня сто лет не был. А у меня теперь хоромы. Тишкина, гм, вдова Алиска ради такого дела – хоть и не забыла, что он её бросал, не забыла своей женской обиды – сказала, что на кладбище не поедет, но в квартире у меня всё подготовит. Да и девчата ей помогут. К себе, заметь, не зовёт. Ладно, если в морг не приедешь, адрес на всякий случай запиши.

На похороны Тишки он поехал с Валентиной. Тишка был друг периода его первого брака. Если Колька Грач больше видел его с Вет-

кой, то Тишку знала как раз первая жена. Но давно они вместе уже никуда не ходили. А сейчас она решила поехать, заметив вдруг его бледное лицо и остановившийся взгляд, по женской привычке заботясь о нём, бывшем своём мужчине:

– Ты как будто не в себе. Хочешь, с тобой поеду?

Семён перед этим тосковал весь вечер, чувствуя смертельную обиду на Олега-менеджера, хотя из-за Алёнки было и ещё на кого обижаться. Ну не на жеребчиков-однокурсников! Не на дурака же и потаскуна мужа! Не на её же подружку Лику Мышку! И взял с собой почему-то на всякий случай портфель. Валентина не любила его привычку ездить всюду с портфелем:

– Зачем он тебе? Не на работу идёшь!

Не мог же он сказать, что там «Макаров». Не мог и себе объяснить, зачем берёт с собой пистолет. Бывшая жена упрямо продолжила:

– Ты словно всё время ждёшь катастрофы, поэтому и все бумаги с собой таскаешь.

Хворост огрызнулся:

– Все обвыкли жить в катастрофе. Даже жить не хочется. А я не привык и не привыкну к такой жизни. Я хочу быть ко всему готов. Поэтому всё своё ношу с собой. И потом, ты знаешь, что я люблю свой портфель.

– Знаю, что не меня, – невесело возразила Валя, – лучше бы за жену так держался. Тишка такой же был бабник, как ты. Вот и спёкся.

Но поехать поехала. Давно она в люди не выезжала. Уж забыла, как с мужем, да хоть бы и разведённым, куда-то ехать, а ведь хорошо, когда ты не одна приезжаешь. Она давно не пыталась даже снова пережить удовольствие секса, не с Хворостом, понятно, но и другие её мужики разбежались кто куда. Но удовольствия бывали и другие – выйти в гости не одной.

Валентина прособиралась довольно долго, и, минуя морг, они поехали сразу на квартиру к Олегу.

По дороге он вдруг увидел, как большая чёрная кошка перебежала им дорогу. Он сразу подумал об Алёнке. «Чёрной кошки испугался?» – иронически взглянула на него Валька, тогда он первым пересёк черту, «прочерченную» пробежкой кошки. И посмотрел почему-то вдруг гордо на Валентину. Но чёрная кошка и впрямь была не к добру. Но это он позже понял. Они вошли в метро на станции «Чертановская». Путь предстоял неблизкий. В вестибюле метро к Семёну подошёл мужик, в распахнутой курточке, расстёгнутой у ворота рубахе, волосы кудлатые, лицо веселое:

– Слышь, ты здешний?

Хворост кивнул.

– А где здесь «Три кита»? Как проехать?

Семён по нехозяйственности и не знал, что это такое. Так и сказал, что не знает.

– А ты правда из Москвы? Давно живёшь?

– Всегда. Потому и не знаю. С работы – домой, а из дома опять на работу. Всё тот же маршрут.

– Ну, – рассмеялся мужик и руку протянул, – будем знакомы: Андрей Михайлович, из Тюмени.

Семён пожал ему руку, и они сели в поезд. Валька с любопытством смотрела на него. Потом спросила:

– Вот я иногда за тобой наблюдаю и не пойму, дурак ты или прикидываешься?

– Дурак, – ответил Семён.

Внезапно раздался звонок эсэмэски. Он достал мобильный и прочитал текст от Ветки: «Хворост, а скажи: ты обо мне думаешь все 24 часа?» И тут же новая: «Доехала до дачи, скажи, что ты меня любишь». Обычно он беспокоился, как она на своей машине проедётся сквозь безумную Москву. Просил сообщать. Но уже сообщила, это было сверх нормы. Он не отвечал. И снова: «Ты меня ещё помнишь? Целую нежно в самые невообразимые места. Возвращайся скорее». Валентина пристально посмотрела на него:

– Иветта твоя пишет? И почему ты к ней не переедешь? Всем бы легче было.

Семён пожал плечами. И ей тоже не ответил. Всё-то Валька знала – знала, что некуда ему ехать.

Это была невозможная жизнь. Но ему нужен был его кабинет. Он работал, писал книги. Полно людей, которые всю жизнь отдыхают. Вот сосед по их даче, Володя Кучеров. Построил каменный дом, выпивает в собственной сауне, живёт на даче весь год, иногда водит к себе девок из соседнего областного городка, ходит по грибы и ягоды, отдыхает в Черногории, есть «латифундии» под Севастополем. От покойного мужа старшей дочери ему всё это досталось.

А Хворост пытался обжить социальную катастрофу, в которой оказалась страна, а не развратничать, как Казанова. Этого никто не понимал. Какая-то надежда на подлинную страсть возникла, но тут Алёнка его бросила. Так любил Алёнку, что часто думал о словах отца, когда умерла мама: «Я не верю. Мне кажется, надо только постараться – и она оживёт. Меня просто рядом не было, когда она умерла».

И его рядом не было, когда Алёнка вдруг отказалась с ним встречаться. Он уехал на конференцию и вернулся к уже принятому ею решению. Хотя мог и раньше это понять. Семён вспомнил её слова, когда в начале их романа, уже после поцелуев, страстной постели, он позвонил ей из издательства. А она ему говорит: «Путешествовали, хорошая компания. Пива попили. Чуть не дала бывшему однокласснику!» «Ты что, с ума сошла!» Она что-то вдруг сообразила и гордо бросила: «Но ведь не дала! А потом, я тебя целых две недели не видела. У меня там и зарости всё могло!» Не заросло. Любовь продолжалась. На своём мобильном специально поставила музыку на его звонки: «В парке Чаир распускаются розы...» Но фраза висела как грозовая туча. Вот и произошло. А ведь именно она ему шептала: «Ты знаешь, только когда ты в меняходишь, я чувствую всю полноту бытия. А до того я как бы с какой-то пустотой внутри живу. А после нашей любви я так долго чувствую внутри тебя. А потом снова пустота».

Самое смешное и естественное, что он тоже в эти моменты чувствовал всю полноту человеческого бытия. А потом спрашивал себя: неужели от этого простого физиологического акта зависит полнота бытия? Её слова всё время были в нём. Алёнка находила какие-то очень странные, но словно из детства идущие прозвища: «Ты мой сладенький хворост, – шептала она, прижавшись к нему после активной любви. – Знаешь, моя бабушка, когда я была маленькая, пекла из муки такие сладкие тонкие перекрученные полоски, немного хрустящие. Она их «хворостом» называла». Семён сказал: «Моя мама тоже такое пекла, только я думал, это такое еврейское блюдо». Алёнка замурчала: «Оно теперь общее. Но мой Хворост самый сладкий».

Его любимые женщины с каждым разом были всё младше и младше. Валентина младше на четырнадцать, Ветка – на двадцать два, а младшая научная сотрудница Алёнка – на тридцать два. Когда у них случился роман, Хворосту было шестьдесят два, а ей – тридцать. Два года роман длился, потом два года он без неё. И вот уже шестьдесят шесть. Но внутри ему всё равно сорок. Почему она его оставила?

Была эта киса эротической хулиганкой. Как-то на конференции они сидели рядом и переписывались. Он написал ей в блокнот:

«Ты пойдёшь вечером со мной?»

Она ниже строчкой ответила: «Торжественно клянусь...»

Он строчкой ниже: «Я тебя ТАК хочу!»

Она снова, хулиганка: «Ура! Прямо сейчас».

Он: «Как ты себе это воображаешь?»

Она: «Ты же умный. Придумай».

При этом проводила свободное время на пару со своей тоже замужней подружкой, завидовавшей Алёнке, что мужики на неё западают, и прозвавшей её «сексватрушкой». Алёнка была стройная, но в теле. А её подружка блондинка Лика Мышка всё жаловалась, что с мужем оргазмов нет, с любовником по три раза получается, но любовники больше одного-двух свиданий с ней не задерживаются. Семён смеялся, все её слова тогда только разжигали в нём огонь желания. А теперь думал, образование позволяло: «Секс как связка сталкивающихся атомов. Сошлись, разошлись, притянуло, потом оттолкнуло – странное движение. В человеческой жизни – как в эпикуровском мире атомов. Атомы движутся свободно, так им кажется, это определяет псевдосвободу человека. Но что-то неправильное в этом. Атомизм эллинистической эпохи. Эпикур считал, что пустота, в которой существуют атомы, бесконечна, но не одинакова, атомы могут падать и сверху. Нет детерминизма, атомы способны самопроизвольно отклоняться, это приводит к столкновению атомов и порождает случайность».

Они вышли из метро «Спортивная». Валька шла, мрачно глядя прямо перед собой, а взор Хвороста вдруг остановился на девушке, прислонившейся спиной к колонне перед метро. В руках она держала белую картонку, на которой было написано большими буквами: «ХОЧУ ПАРНЯ!» Семён не сразу, но с возрастом начал пони-

мать, что женщины тоже хотят, может, даже сильнее мужчин. Но так воспитаны, что скрывают это, как могут, да и чаще оказываются жертвами. Но тут была Москва, да и ткацкие фабрики в Иваново позакрывались. Правда, и здесь у молодых женщин те же проблемы. Но девица была чересчур уж откровенна. Он даже дёрнул Вальку за рукав: «Давай вернёмся и обойдём, только не смотри прямо. Просто глянь. Может, мне померещилось». Они обошли. Нет, не померещилось. Но Валентина никак не отреагировала, видимо, готовилась к встрече со старыми знакомыми.

Что и кто был друг его юности Тишка? Тишка искал дочек влиятельных родителей для семейной жизни, но увлекался, влюблялся, художественная натура. Читали с ним и Валеи вечерами вслух «Мастера и Маргариту». Он умел сразу всё перевести в действие. Например, разыгрывал в жизни сценки из романа. Пришёл как-то в гости на день рождения Хвороста с красавицей архитектором, сокурсницей, любовницей, на лестничной площадке они развели примус, поставили на него сковородку, налили масло, разбили два яйца и с примусом в руках, шипящей сковородкой позвонили в дверь. И Тишка произнёс фразу из Булгакова: «И неизвестный в рогожевых брюках (указывая на рогожевые брюки на нём) умчал красавицу архитектора Семейкину-Гал». Любовницу звали Оля Васильева, была она красотка невероятная, смотрела на Тишку влюблёнными глазами, выполняла все его прихоти. Вдруг привозила им торт: «Тишка велел». А Тишка делился с Семёном: «Не могу на ней жениться, она до меня любовницей Шаповалова была, комсомольского нашего секретаря, он её и девственности лишил». «Ну и что? – говорил наивный тогда и тогда порядочный Семён. – Но ты же всё-таки с ней спишь. И потом видно, что она в тебя по самое не могу врезалась». Тишка всё же Оленьку оставил, бросил. Теперь, вспоминая эту историю, Семён понимал, что ему всё равно было во время их любви, как и с кем спала его Алёнка.

А Тишка боялся, что неправильные связи приведут его к краху. Он искал, как подняться по социальной вертикали, подняться через женщину, дочку какого-нибудь влиятельного босса. «Ведь у этих девиц, наверно, всё так же устроено, как и у обычных. А если она влюбится в тебя, то всё для тебя сделает. Или они не умеют влюбляться, эти дочки?» Нашёл-таки женщину из высшего эшелона, наверно, она помогла в чём-то. Семён подозревал, что и главного редактора, и стажировку в Италии он получил благодаря Алисе. Но глаза Алисы не светились, смотрела она на Тишку немного свысока. И он загулял. Отношения с женой остались официальными.

В новую квартиру Любского, которую тот купил лет пять назад, Семён и Валька попали впервые. За годы редкого общения социальное положение их уж очень стало разниться. Хворост ощущал всем существом, что не хочется ходить ему в такие успешные дома. Конечно, он профессор, а *этим* всё позволено. Они всё могут купить. «Разночинское сознание, – думал он о себе. – Хорошо только для работы. Но не для общения с сильными сего мира. В душе сразу базаровская неприязнь, а то и Раскольников может проснуться. Уже это проходили».

Вокруг четырёхэтажного дома с башенками стояли железная решётка, копыями вверх, железные ворота, но открытые настежь. Рядом калитка, тоже открытая. В самом доме находились Сбербанк, продуктовый магазин по европейскому типу – со свободно расставленными полками с продуктами, колясками, корзинками и кассой на выходе. В доме же небольшой цветочный магазин, внутри которого – химчистка и ремонт одежды. Перед решёткой пивная палатка для тех, кто хотел быстро по дороге несколько банок пива прихватить. Два мусорных бака, тоже огороженных, вынесли за периметр решетчатого забора. Сзади помойки Семён увидел большой красный гараж, но не для личного авто, а для каких-то громоздких грузовиков. Он портил вид. Легковые импортные машины, десятка полтора, парковались во дворе.

Посмотрев на эти суперимпортные BMW, «линкольны», «мерседесы», Валька вдруг засмеялась девчоночьим, серебристым смехом, который Семён так любил у неё и который не слышал уже лет десять, а то и пятнадцать. Он рассмеялся ей в ответ, не понимая ещё причины её весёлости, но радуясь ей. Она, всё продолжая смеяться, спросила: «А ты помнишь, какой «опель» был у Олега лет двадцать пять назад? Мы тогда только поженились».

Да, это была история! Хворост помнил примерно три акта этого спектакля. Как-то он зашёл во двор блочного дома, где на девятом этаже жил Любский. Рядом был продуктовый магазин, куда Семён ходил за продуктами, в том числе и к любившим его мясникам. Строго говоря, он не зашёл во двор, а шёл мимо. И вдруг увидел Олега, присевшего около маленькой серебристой машины, похожей на жука. «Сёмка, – закричал Любский, увидев его, – ты посмотри, какое я чудо приобрёл! И всего за пятьсот рублей! Настоящий «опель»! Подержанный, конечно. Но всего за пятьсот!» Пятьсот тоже были по тем временам деньги немаленькие, если учесть, что месячная зарплата Семёна равнялась ста восьмидесяти рублям. Но понятно, что машины стоили немало, люди на них копили. Спросил: «Зачем тебе «опель»? Любский аж подскочил: «Я на плебейских машинах ездить не намерен! Эта ещё, конечно, потребует работы. Но мотор у неё есть и работает». Он важно расправил и пригладил свои маленькие усики. Семён заглянул в салон легковушки: кроме водительского кресла, других посадочных мест не было, в конце стояла табуретка, рядом перевёрнутое ведро, а в днище зияла большая круглая дыра. «Ну что, Сёмкин, зайдём ко мне, по маленькой пропустим за покупку? А о ремонте я уже договорился с соседом с первого этажа. Слесарь Иван-хам, да ты его не раз с алкашами у магазина мог видеть. Так зайдёшь?»

Хворост уже не помнил, зашёл ли он. Помнил, что со смехом рассказывал о приобретении Любского Валентине. Но вот второй эпизод был ещё трагикомичнее. Как стоял он на трамвайной остановке и вдруг заметил пробирающегося мимо Олега, прикрывающего ладонью часть лица. Он окликнул Любского. Тот подошёл, озираясь, потом отнял от лица ладонь. Семён охнул: у Любского на пол-лица был огромный синяк. «Видно?» – спросил Олег. «Ещё как!» Олег притянул к себе Хвороста: «Я тебе расскажу. Я хаму Ивану вперёд тыся-

чу рублей дал, чтобы он мне мой «опель» в порядок за месяц привёл. Звоню вчера, он мне: «Бери бутылку и приезжай. Всё получишь». Я как дурак беру что получше – «Московскую» – и иду к нему. Приехали под грибочком, в детской песочнице. Я даже пару стаканов взял и три или четыре плавленных сырка. Ведь что хам в хорошей закуске понимает! Верно? Допили до конца. Он даже по доньшку постучал, достукивая капли. Ну, я думаю, пора спрашивать. Ну, и говорю: веди, говорю, к машине. Он в ответ помолчал, а потом как развернётся – и со всей силы мне кулаком по физиономии. Ну, мы и покатались по песку. Но я хаму тоже навесил. Он за месяц даже не начинал, а тыщу пропил. Вот от обиды, что оправдаться нечем, он мне и навесил».

А третий – мелочь, но хорош, если глядеть на новые импортные машины возле четырёхэтажного особняка, где Олегу принадлежал целый этаж. А тогда он зашёл как-то к ним с Валькой. У Валентины был приятель, работавший в МАДИ. Олег хотел показать ему свой «опель», который он кое-как довёл до состояния, когда стало можно ездить. Он хотел, чтоб Валькин приятель профессионально оценил его машину. Путь был недалёкий, Любский сидел на шофёрском месте, вместо табуретки стояло маленькое кресло от письменного стола, на него села Валентина. А Хворост сидел всё на том же ведре. И дырка в днище была всё та же. Они зашли к автомобилисту, который уже слышал про Олежкину машину, с интересом смотрел на Любского. Они выпили чаю, Любский даже от рюмки отказался. Потом с хозяином он спустился вниз. Вернувшись, хозяин подарил Олегу какой-то шланг, сказав, что пригодится. А Семёну шепнул, отведя его в сторону: «Назад советую на трамвае». Да, было это в другую эпоху...

Валька говорила, он вспоминал, усмехался, поддакивал, добавлял эпизоды, но всё это шло как бы вторым планом, а сам думал об Алёнке, поражаясь своему двоемыслию и тому, что никак не уйдёт её образ из его души. Уже два года прошло, а чувство осталось, хотя стало неопределённым. Вернётся – всё простит, а может, и прогонит, а то и убьёт. Как всякий безумец, он жил в своей идее, в своём чувстве, там и была его реальность.

Семён и Валентина зашли в железные ворота, в подъезде сидел портье, они назвались, он проводил их до лифта и нажал кнопку второго этажа. Самый престижный этаж, как объяснял ему Олег. Первый всё же опасно, а третий и четвёртый – для людей рангом пониже. Дверной звонок спел будёновский марш, такое ретро. Дверь открыла Танюшка, в платье, подобранном под грудь, блондинка, с лицом в веснушках, первая и единственная жена Любского. В квартире пахло благовониями и вкусной едой. Семён поцеловал Танюшу и огляделся. Потом спросил:

– Извини, что с такого вопроса начинаю. Но где здесь место общего пользования? Долго уж очень ехали.

Танюшка с гордостью сказала:

– Этих мест у нас целых три. Одно в прихожей, вон, сбоку, можешь сразу зайти. Там и умывальник есть.

Хворост свернул в указанном направлении. Да, с прошлой жизнью не сравнишь. Он вышел, сполоснув руки. Валька ждала его, вдруг оперлась о его руку и сказала:

– Я чувствую себя здесь Золушкой.

Большая прихожая с вешалками и шкафами, в глубине её журнальный столик с пепельницей, рядом с ним два кресла, маленький стеллаж, на котором стояла магнитола, настроенная на джазовую волну (для фона), затем далеко уходящие большие комнаты. Одна из комнат была заполнена стеллажами с книгами его издательства. Из прихожей вели ступеньки в огромную кухню, практически столовую, плита и деревянные шкафы с посудой находились за своего рода стойкой, на которую выставлялась еда, бар был и за стойкой, и прямо в столовой... Тут-то за большим овальным столом из настоящего дерева и должны были проходить поминки.

Алиса, последняя жена Тишки, дочь большого начальника из «Мосжилстроя», с Тишкой уже два года была в разъезде из-за его пьянства, да и запьёшь, живя с нелюбимой. Но они не разводились. Его квартиру она заперла и попросила милицию её опечатать. Но к Олегу пришла. Был сам Олег с женой Танюшкой, которая вечно была в отъездах, что давало возможность менеджеру простор для разгула. Была Ника, по прозвищу Тигр, одна из последних Тишкиных любовниц, жившая в Кёльне, но прилетевшая на похороны; был общий друг Лёня Гаврилов с пышногрудой брюнеткой Зоей, очередной «миской», как Ветка как-то прозвала одну из Лёниных любовниц. Лёня дружил и с Валей, и с Веткой, вообще знал многих подружек Хвороста. Да и сам был «ходок». Однажды Хворост положил глаз на Густиночку, тогдашнюю очередную подружку Лёни. Ветка заметила это и сказала полусмеясь, но жёстко: «Это не твоя миска». С тех пор прозвище любовниц Лёни Гаврилова стало переходящим как знамя. Он даже Валентине про эту кличку рассказал. Лёня Валю знал и сразу потянулся к ней целоваться: «Валюшка, привет!»

Для Хвороста Лёня был примером того, что с людьми делает секс, как ставит в нелепые ситуации, разрушает жизни. Хворост вспомнил историю из Лёниной юности, его рассказ, как забеременела его подружка, жениться он не мог – был уже женат – и уговорил её делать аборт, отвёл в больницу, где подружку переодели в больничное нечто, а одежду отдали Лёне. Домой к жене с этой одеждой не попрёшься. И он пошёл на вокзал и засунул сумку с одеждой в ячейку автоматической камеры хранения. И вернулся к себе домой. Через три дня он поехал забирать подругу. Приехал на вокзал и тут сообразил, что забыл, в какую ячейку запихнул вещи. А обещал приехать вовремя. Где вещи взять? Родителям подруги звонить не решился. Что сказать: «Ваша дочь вовсе не уехала к подруге, а делала от меня аборт»? Бред, мрак, ужас. Поехал к себе, взял вещи жены, приехал в больницу, одел слабую ещё подругу в вещи жены, отвёз к родителям. То есть не совсем к родителям. Довёл до подъезда, потом до квартиры, позвонил в дверь и убежал. Разумеется, узнала и жена, и родители подруги. Был скандал. Потом пошли другие подружки, потом просто «миски». Впрочем, и жена не была безгрешна. Лёня был всехний

друг, всегда в походах, и вдруг жена изменила ему с инструктором по альпинизму, тогда он пошёл к нему: «Толя, я думал ты – капитан, а ты говно». Тот, не сопротивляясь, перенёс удар по челюсти. С тех пор Лёня, увидев доступность дам, занялся только женщинами, запустив работу. Потихоньку сошёл с дистанции. Жена его сумела приобрести другую квартиру и уехала туда, не разводясь с мужем. И остался Лёня бесхозным мужиком, готовить не умел и не любил, вещи покупать тоже, ходил в старом. Женщины время от времени появлялись, но случайные. Вот теперь очень милая Зоя... А разводиться с женой не хотел: общие дети, общая юность.

Приехал и редкий гость – Глеб Галахов, с женой, писатель, которого, вроде бы, считали своим, но всё же немного и не своим, он смотрел на всё словно со стороны. Хотя его брата-художника Клавдия Галахова недолюбливали. Слишком высокомерен был, постоянно показывал, что он умнее, лучше других. А другим такое всегда обидно. Глеб с братом не общался. Жену его звали Арина, была она милая блондинка, хотя не очень приязненно глядела на то, как суется прислуга (две толстоногие девицы в передниках) и всё же не видит неподметённый пол в богатой квартире Любского. Впрочем, держалась она приветливо и даже заботливо. Сразу спросила хозяйку, чем может помочь. И вместе с девицами принялась расставлять на столе посуду.

Пришла журналистка, по совместительству литератор, то есть романы писала, и к тому же редактор с телевидения, по имени Марго Сипунова. Она была высока, с немного вздутой шеей, но стройна, красива, с намазанными губами, подчёркивала обтягивающей блузкой, что грудь её крепка; сидя в прихожей за журнальным столиком, пила как аперитив коньяк, курила длинные тонкие дамские сигареты. Хворост знал её. У неё были какие-то дела в банке, где работала Иветта. Ветка их как-то и познакомила. Муж у неё был из органов. Увидев Семёна без Ветки, она хлопнула его по плечу и спросила:

– Ты чего без жены? – Она была уверена, что они женаты. – А с кем? С этой? – Она кивнула на худенькую бледную Вальку. – Всё Ветке скажу. – Потом махнула рукой: – Да ладно. Я вот сама пытаюсь мужика от законной жены увести. Приманила его гонорарами за теле-сценарии. А он сюда собирался, тоже с вашим Тишкой дружил. Может, слышал: писатель такой – Борис Кузьмин? У него неплохие вещи есть, талантливые. Я это не потому говорю, что сплю с ним. Я сплю с ним, потому что он талантлив. Обычно ведь автор звонит по несколько раз в день, пока не чувствуешь, что он в тебя, как вошь, внедряется. Кузьмин какой-то не то что равнодушный, но словно и без гонорара проживёт. Уже два месяца не появлялся. Но я о его прозе такое написала, что если напечатаю, то ещё пожалеет, что расхотел меня.

Одновременно она с кем-то говорила по мобильному, почти кричала.

Тем временем Танюшка, жена Олега, Ника Тигр, пухлая еврейка средней молодости, плакавшая и без конца повторявшая, как тонок Тишка был в постели, Тишкина вдова Алиса, Арина, жена Галахова, и Валентина помогали прислуге накрывать на стол. А Ника всё говорила Танюшке:

– Я знаю, Тишка мне изменял. Мужики все такие. Но нет также такого мужчины, которому не изменяла бы жена. Ты ведь знаешь Ольгу? Красавица! У неё уже год любовник. Она мне недавно со смехом рассказывала, что кто-то намекнул мужу на её измену. А он в плавках перед зеркалом, вылитый Антиной, смотрит на себя и говорит: «Изменять мне? Мне? Нет! Это, конечно, сплетня!» Она кивает, мол, ты прав. А сама в душе, как мне рассказывала, и смеётся, и стыдится себя. Я поэтому Тишу не виню. Он добрый был, вот его женщины и любили. У меня потом Расул был, но Расул – гений... Это другая история.

Устав от её рассказов, видя как меняется постоянно лицо Алисы, Танюшка повернулась к мужикам и нежным своим контральто сказала:

– Вы бы, мальчики, сбегали ещё за выпивкой. Ведь знаю же, что не хватит. Небось, Тишку поминая, захотите стариной тряхнуть!

Любский чмокнул её в щёку:

– Умная она у меня. За то и люблю.

А та продолжала:

– Семён, а ты чего всё с портфелем? Оставь его, никто не унесёт. В кабинет Олега поставь.

Хворост вздрогнул, но отнёс портфель в рабочую комнату Олега. Когда вышел, Алиса спрашивала:

– Денег дать или хватит?

Денег брать не стали. Лёня Гаврилов, Глеб Галахов, Олег Любский и Хворост пошли за спиртным, благо, что проблем с этим давно не было. До магазина, находившегося в двадцати шагах от подъезда Олега, шли быстро и молча.

– Что-то Кузьмин скажет, если приедет? Он же тоже Тишку знал. Он писатель, – сказал вдруг со странной верой в друга Лёня Гаврилов, красивый, высокий, с лицом греческой статуи, ничего, кроме красоты, не выражающим, но больше всего любивший умные речи других людей и анекдоты из газет.

Хворост передёрнул головой, будто хотел искоса взглянуть на собеседника. Почему-то, когда при нём хвалили малознакомых людей, ему казалось, что тем самым недооценивали его. Но сейчас и ещё беспокойство появилось. Портфель! Не влез бы кто! Кузьмина он не знал. Только читал в каком-то романе, где человек под этой фамилией был либерал, приспособленец, жмот, прислуживавший американской разведке. У Хвороста была любимая идея: об отсутствии вертикали в нашей жизни – он ещё собирался об этом поговорить за столом. Но Олег словно почувствовал его умственный настрой и, знаящий его основную идею, быстро сказал:

– Только ты со своей вертикалью Тишку не тронь, не надо о нём плохо.

Семён пожал плечами:

– За что я могу осуждать Тишку? Ну, любил богатых дочек. Ну, на этом и погорел. А что он на любимых не женился, так ведь в этом весь наш мужской ужас. Женщина ждёт от мужчины помощи. А как ты женщине можешь помочь? Только отдав ей себя. Кто из нас на это способен? Все думаем, что для чего-то иного приспособлены.

Галахов немного обогнал его, заглянул в лицо:

– Ты в этом уверен? А платоновская идея об ищущих друг друга половинках? – говоря, он распахнул дверь в магазин, пропустив приятелей, двинулся с ними к нужному отделу, но всё же добавил: – Что же, так и мучиться с не своей половинкой?

Олег, топорща кошачьи усы, хмыкнул:

– Это ты так говоришь, потому что второй раз женился и уверен, что нашёл наконец свою. Не обольщайся. Смотри, вон и девушка на тебя с любопытством смотрит.

Плотная, полногрудая, с красивыми голубыми глазами продавщица улыбнулась Олегу Ивановичу – что-то в этом коте было, что кошечек приманивало – и спросила:

– Чего брать будем? А женщинам – это я вам, мужчины, точно могу сказать – верить нельзя.

Любский протянул деньги и сказал:

– Наверно, шесть, нет, девять: три джина Gordon's, три виски шотландских, любых, и три «Зелёной марки», где мужик в кепке. Люблю ностальжи. Но вы ведь до одиннадцати работаете? Добежим, если что.

Он-то точно знал, что и вправду женщинам верить нельзя. А Галахов вскинулся:

– Почему это?

Та улыбнулась:

– Вы прямо как маленький, мужчина. Женщина ищет свою выгоду. А если она подумает, что её выгода в другом месте? Неужели ж она вас не бросит?!

– Всяко бывает, – ответил Хворост. – Слышали, Ваня Леснов, сын классика, с собой покончил, вместе с подругой, она тоже покончила с собой. Одновременно. Передозировка, а потом вены вскрыли.

Галахов почти выскочил из дверей магазина, словно хотел побежать и удостовериться в том, что его Арина ему верна. Всё же среди художников и архитекторов её оставил. Но потом замедлил шаг. Хворост мрачно пробормотал:

– Когда женщина тебя оставила, ты от этого умираешь. И вдруг она тебе звонит, что-то спрашивает. Ты в лепёшку расшибаешься, всё для неё делаешь, думаешь, что вернулась. А она просто хотела нечто получить. И всё. И никакого возврата. Хоть и вправду умирай после этого.

Проницательный Олег (неслучайно менеджером был) улыбнулся ему в свои кошачьи усики:

– Да оставь ты это, Сёмчик. А то ты вроде как не с друзьями, а сам по себе. Всё о своём думаешь? Я же вижу. Неужели всё ещё гложет? Что же она с тобой сделала? Как такую власть взяла?

Хворост помотал головой и сказал вдруг то, о чём думал:

– Может, у меня помрачение рассудка? Знаешь, я даже герпесом болел за это время, как она ушла, ну опоясывающий лишай. Слышал? Все болезни от нервов, но любовь и есть самые большие нервы.

Олег кивнул:

– Слышал. Болезненная штука – этот герпес. Да и любовь тоже. А ты к врачу ходил?

– Ходил. К знаменитому Солопову, – ответил Семён.

– Да, знаменитость, – согласился Любский. – Ну и что?

Хворост сухо и почему-то с обидой на Солопова ответил:

– А что они могут сказать, эти врачи?! Изживай, говорят, а как?

Любский обнял его за плечи:

– Даю совет, он старый и известный: напейся – и всё забудешь.

А Лёня Гаврилов как-то искренно и растерянно обернулся к приятелям:

– Мне бы эти заботы, пережил бы. А то еду с очень красивой женщиной Зоей (вы её здесь видели) в Нижний Новгород. А приятель от лекарств голову повесил. Стрелки на полшестого. Но он не унывал, вспомнил вычитанную в газете фразу (он любил фразочки про секс находить в печатных органах), достал из кармана аккуратно сложенный листок, развернул и прочитал: «Когда целый день кастрируешь котов, вечером и к мужу начинаешь присматриваться..» И подпись: «Оксана, Санкт-Петербург». – Он засмеялся: – И ведь не стесняется подписывать.

Они вернулись в дом, зашли в большую прихожую, поставили купленное на столик в углу, Олег что-то в бар сунул, а другие бутылки из холодильника занёс в комнату. На уже приготовленный стол поставили водку, джин, виски, бутылку коньяка под названием «Румянцев», который почему-то любила Танюшка, жена Олега. Служанки принесли вина, воды и сока. Несколько бутылок Танюшка поставила в холодильник в прихожей, где яркогубая редакторша Марго курила, пускала драконий дым и кричала в мобильный:

– У тебя изнасилование и криминал? Или любовь? У них же анальный секс! Не пойму. Анал не смотрится. Уж лучше инцест сделай!

Любский хмыкнул в усы:

– Так просто не получится. Семья хорошая нужна. Инцест – дело семейное.

Сипунова рассмеялась.

«Как всё просто. А что у меня?» – думал Семён. Но вдруг вспомнил про портфель. И побежал в кабинет топ-менеджера. Портфеля под столом, где он его оставил, не было.

Чувствуя в груди и желудке неприятный холод, Семён вышел к столу:

– Никто мой портфель из-под стола не забирал?

Отозвалась Танюшка:

– А, вспомнила, это же твой! Я же тебя туда и отправила – и забыла. И решила, что это Олег прибарахлился и от жены скрывает. Я его в шкаф поставила в той же комнате. Пусть, думаю, понервничает. Можешь забрать. Шкаф не заперт. А чего у тебя портфель такой тяжёлый? Книги, как всегда, таскаешь?

– Угу, – ответил Семён.

Нашёл портфель в шкафу, но доставать не стал, показалось, что там надёжнее. И вернулся на кухню. А Марго, выключив мобильный, повернулась к вошедшим (а вошли трое – Лёня Гаврилов, Семён и Любский; последние двое – покурить, а Лёня за компанию) и бросила:

– Опекаю, опекаю, а ваш хвалёный гений Кузьмин всё психологию распускает. Да и не придет сюда. На похороны друга не придет. Жена следит, словно чувствует, когда я на горизонте. Каждый раз проблема, где встретиться, где трахнуть, как отмотаться. А меня хочет, я же вижу, глазами вижу, пальцами и губами чувствую. Да вы чего, мужики, смущаетесь?

– Ох, мы такие скромники! Научи, а? – зашевелил усами Любский.

Но не очень она его слышала. Глаза озлели. Даже выставила руку перед собой, словно отталкивая Олега. И сказала жёстко:

– Могла бы – убила бы за пустые слова! Вас, мужиков, надо если не кастрировать, то хотя бы учить.

Она закурила новую сигарету и рассказала о своей подруге, вполне простодушно, что та похитила своего любовника, женатого мужика, который всё не решался к ней уйти:

– Ну, ей надоела эта тягомотина. Либо – либо, пусть решает. Позвонила домой, просила срочно выйти на пять минут для разговора, очень важного. Он сел к ней в машину, она потихоньку выехала со двора, чтобы их никто не заметил, под каким-то предлогом взяла у него оба мобильных и рванула в сторону МКАДа, выкинув мобильные в окно. Он стал ругаться, кричать, что жена будет беспокоиться, а она ему дорога. Оскорблял её так, что она чуть не умерла от обиды. Подружка хотела вначале высадить его на МКАД – пусть идёт куда хочет. Но потом пожалела. Жалость нас, женщин, и губит. А этот плакать начал, сопли распустил. Ну, она его около какой-то автобусной остановки и высадила. Я бы его на МКАД высадила, чтоб знал, как женщину мучить.

Лёня пожал плечами:

– Тебе-то не на что жаловаться. Думаю, Кузьмин не обещал на тебе жениться. Я его хорошо знаю.

Она злобно посмотрела, погасила сигарету:

– Все вы одним миром мазаны.

– Сурова ты, мать, – сказал Любский.

А женщина с красными губами и вздутой на горле шеей, что напоминало начинающий раздуваться капюшон кобры (в кино видели), зло шипела:

– Ненавижу чеховских интеллигентов. Вон этот Кузьмин пишет про старых профессоров, ни к чему, кроме книжек, не приспособленных, и при этом осуждает хваткого по жизни брата. Так я скажу вам: время интеллигентов прошло. Будущее за другими. Я где-то читала, что людей надо разделять не на праведников и грешников, а на господ и рабов. Я люблю сильных мужиков, у меня муж – офицер органов, он бы разобрался с такими пенсионерами!

Все как-то притихли. Олег, как хозяин, ответил за всех:

– Что же, меня и друзей моих в ваши казематы? Уже на лесоповал отправляли, в Германии примерно тот же был процесс. Так, что ли?

– А они, чтоб им пусто было, опять появились, книжки читают... Снова на лесоповал? – не выдержал Хворост.

Его обнял за плечи соглашатель Лёня Гаврилов:

– Ну, успокойся. Не надо про лесоповал. Грустно. Хочешь, я тебе историю про Олежку расскажу, а он прервёт меня, если совру. – И он, сладострастно улыбаясь, рассказал: – Как-то поехали с Любским на недельку в Феодосию, в море покупаться, а у него осталась в Москве очередная его малютка девятнадцати лет. Он всё вздыхает: «Как там моя Наташенька? Я-то без неё не могу... Такая нежная девочка, я ей уже несколько эсэмэсок написал, а она не отвечает... Что там?» Вдруг звук на его мобиле – Олежка заверещал сразу: «Это Наташка! Прочти, прочти, а то я без очков не вижу». Я читаю что-то латиницей написанное, одно слово: «Тэр-пи!» Олежка тогда как захихикает: «Ах, девочка, ах, баловница! Понимает, зачем она мне нужна!» Вот тебе, Семён, и вся правда жизни. Ну что, Олег Иванович, что-нибудь не так?

Тот самодовольно улыбнулся в усики:

– Всё так. И вправду они всё понимают. Анекдот недавно слышал, как раз об этом. Подданный к царю прибегает: «Батюшка царь, опять дракон к нам прилетел, пищу требует». Царь спрашивает: «А чего он жрёт?» – «Невинных девушек от четырнадцати лет до двадцати». Царь смахивает слезу с глаз: «Жалко зверушку. Подохнет он у нас». Ну, пошли к столу.

Сели за стол, который был обилён. Прямо по петрониевскому «Сатирикону». Посредине стоял бронзовый ослик с тюками на спине, в которых лежали с одной стороны чёрные, с другой – белые оливки. Рядом с осликом стояли два небольших серебряных блюда, в центре которых были выгравированы имена Олега Любского и его жены Татьяны. На них стояли тарелки с кипящими колбасками на серебряной жаровне. А также на тарелках мейсенского фарфора – сёмга, белуга, в селёдочницах – селёдочка просто и селёдка под шубой, на других тарелках, с голыми пастушками, – буженина, холодный говяжий язык, карбонат, холодец, солёные огурчики, солёные помидоры, солёные грибочки (для ностальгии), и приготовленные хозяйкой салаты. Женщины сразу стали спрашивать рецепты приготовления. Хозяйка дома сказала, что потом расскажет, но чтоб не очень налегали на закуски, что ещё будут рябчики, которые так любил последнее время Тишка. Не чокаясь, пили в его память.

Ника Тигр снова завела песню, какой Тишка был тонкий любовник и как его никто не понимал, при этом она скосила глаза на Алису. Та пожала плечами:

– Кобеля всегда трудно понимать.

Потом, выпив и поставив рюмку, вышла из-за стола:

– Пора мне и честь знать. В память его я выпила. Больше мне здесь делать нечего.

Вышла в прихожую и хлопнула входной дверью.

Любский, всхлиывая, наклонился к Семёну:

– Оленьку Васильеву помнишь? Какая в молодости красавица была! Когда Тишка её бросил, я к ней поехал, курицу отвёз. Помочь всё же надо было. Очень сладкая девочка оказалась.

– Любский, ты типичный Трималхион.

– Все такие. Просто я удачливее и не скрытничая. Да и какой из меня Трималхион! Трималхионов ты не видел! А ты всё же ответь:

ты помнишь Оленьку? Разве не хотел ты её тогда попробовать? Но всё вовремя, брат, надо. Что теперь? Видел её пару месяцев назад. Постарела, подурнела. Мы, брат, тоже стареем, но они как-то моментально вянут. Думаю, свою Алёнку лет через десять ты совсем бы не захотел.

Любский хлопнул Хвороста по плечу:

– Старичок, помнишь, как мы когда-то любили Вертинского? Разные хмыри его и Лещенко на рентгеновские снимки записывали, а мы покупали. Помнишь, как нам с тобой, дружок, нравилась строчка про «упоительную власть пленительного тела». Женское тело казалось и упоительным, и пленительным, чем-то волшебным.

– О да! – услышал их разговор Лёня Гаврилов. – Самое сладкое, что есть на свете. Как природа его придумала! Эти линии – словно по лекалу провели. Упоение. Они настоящие для нас секс-ловушки.

Олег отмахнулся:

– Отойди, у Семёна всё сложнее.

– Ладно, ладно. Знаю, знаю. Он же ко мне её возил. Эту свою секс-ловушку. Я всегда говорил, что моя мастерская – это дом, где разбиваются сердца.

И Лёня отсел к Олеговой Танюшке, поглаживая её по коленке.

Любский продолжил:

– Смешно, но выпей глоток виски. – Он плеснул желтоватый напиток в стакан Хворосту. – И не сиди как безутешная вдова. Вспомни, как настоящий мужчина относится к его бывшей...

Постукивая пальцами по столу в такт, он прогудел по-кошачьи сквозь усы вертинские строчки:

*Как хорошо с приятелем вдвоём
Сидеть и пить простой шотландский виски
И, улыбаясь, говорить о том,
Что с этой дамой вы когда-то были близки.*

– Слушай, оставь меня и Алёнку в покое. Прошу тебя. А то ведь убить могу, – рассмеялся вдруг глупым смехом Семён, понимая, что говорит чушь, но при этом губы словно задеревенели, еле шевелились.

– Я тихо говорю, никто не слышит, – шепнул Олег. – Да, кроме нас, никто про неё не знает. Выпей.

Хворост сильно сжал плечо Олега, всё же сила осталась в руке, не штатский менеджер, а в прошлом солдат. Олег pokrивился и вывернул своё плечо из его руки. Надо было разрядить своё настроение. Семён налил большую стопку водки, выпил без тоста, потом почему-то глотнул ещё столько же джина и сказал:

– Давайте каждый расскажет какую-нибудь негрустную историю, связанную с Тишкой. Даже лучше весёлую. Это хорошо в его память.

Встал Лёня Гаврилов, рослый, черноволосый атлет, бывший альпинист, но с уже выпятившимся под свитером пузом, заметил невольные взгляды и похлопал себя по животу, произнеся дежурную поговорку:

– Толстеют не от котлет, а от лет. Вон и Тишка последние годы потолстел, а какой походник был! Сюда бы Кузьмина, он бы рассказал, как они по Армении в горах целый месяц путешествовали и какой

наш Тишка сообразительный оказался. Ладно, раз его нет, я могу рассказать. Как забрели они в аул, Кузьмина взял к себе нищий учитель литературы, а Тишка напросился к местному парторгу. Так у учителя ничего, кроме чачи и большого помидора, не было, Кузьмин окосел, ночью побрёл к арыку и про гюрзу забыл, а сезон был этой гадины, гюрзы. Милка, его жена, храбрая женщина, побежала по его следам и буквально из арыка вытащила, куда он уже голову свесил. А Тишке парторг яичницы с колбасой нажарил, а потом и чачи налил. Так что наш Тишка был в полном порядке. Как и всегда. И с женщинами был успешен.

Хворост ещё выпил, почувствовал, что его повело, заметил тревожные Валины глаза, но почему-то хотелось ему рассказать. И чтоб никто не препятствовал.

— Дайте, лучше я расскажу. Здесь про Тишку мало, зато на мой счёт повеселитесь. Я тогда всего года три, как вернулся из армии, из погранвойск. Надо сказать, там я заочно закончил второй и третий курсы философского (это было возможно в советское время), потом вернулся в МГУ, доучился на четвёртом и пятом и, благодаря странному везению, попал в Философский институт, младшим научным, конечно. Жил я тогда по Ярославской дороге, в Абрамцево, там с одной подругой мы комнату снимали, до Вали ещё было, кандидатскую я только набрасывал, и мне не нужно было, чтобы кто-то её перепечатывал. Ты, Валюша, извини. Я вовсе не такой подлец. И женился на тебе не только из-за этого. Что за подруга? Да вы всё равно её не знаете.

Он дёрнул головой и таким нахохлившимся попугаем посмотрел немного вбок на присутствующих. Увидел, что его начали слушать. Выпил ещё рюмку. Приободрившись, добавил:

— Вы спросите, при чём здесь Тишка? Справедливый вопрос. Видно, что с логикой вы в ладах. Так вот, с Тишкой мы познакомились на одном симпозиуме, он ведь теоретизировал. Познакомившись, выпили пива. Много выпили, по крайней мере, дюжину на двоих. Вы сейчас, как последние снобы, закричите, как можно было пить это чудовищное «жигулёвское». Во-первых, думаю, что многие из здесь присутствующих пили, во-вторых, именно с пивом и связана моя история. И вот месяца два спустя, за сутки перед тем, как я отправился на весьма представительную международную конференцию в нашем Философском институте, Тишка позвонил мне и сказал, что сам он на эту конференцию не выберется, гриппует, но мне советует туда пойти пораньше, поскольку туда завезут немерено чешского пива, то есть такого пива, о котором мы только слышали и мечтали, но никогда даже не пробовали. Тишка поступил как благородный человек. Конференция начиналась в два часа, но уже в двенадцать я был в институте, в буфете, разумеется. И благодарил неслышно, про себя, Тишку. Наверно, после этого мы и подружились.

— Так в чём соль? — спросил Лёня Гаврилов, плохо знавший Хвороста и его манеру длинных рассказов.

— А ты не торопись, а то калоши порвёшь, — ответил Хворост. — Я продолжаю. Ехать мне было далеко, поэтому выехал загодя. И приехал за час до начала. Замечу, что был у меня один костюм. Не

то чтобы приличный, а просто один. Ну вот в нём я и поехал. Знавшие о пиве ранние пташки уже собрались в буфете, куда я тоже поспешил. И оно там было. Причем, прошу отметить, много ящиков. Я заказал для начала пару бутылок, справедливо полагая, что времени до начала конференции ещё час, а мой доклад и вообще объявлен шестым, так что на всякий случай у меня в запасе было ещё два часа. О деньгах не говорю: пиво было по «цековским» ценам, то есть практически задаром. Через час зашёл секретарь институтской парторганизации, посмотрел на меня этак внимательно и спросил, помню ли я, что у меня сегодня доклад. Я ответил, что помню. Ну и продолжил. Через час парторг снова заглянул и поинтересовался, смогу ли я проговорить хотя бы десять минут. Я довольно развязно ответил, что у меня в этом никаких сомнений. Ещё через час подошла моя очередь, ну то есть очередь моего доклада. Я поднялся из-за стола, но понял, что лучше всего идти домой. До дверей меня довели, очень уж меня шатало. В советское время в метро был мощный фейс-контроль. Меня не пустили. Денег уже ни на что не оставалось (на метро был проездной), надо было добраться до электрички. Там и без билета, как и сейчас, можно, особенно пьяному. Как дойти до электрички? Нас в погранвойсках учили ходить по азимуту. Я выбрал направление и пошёл. Ходить я всегда хорошо ходил: ровно и быстро – армия приучила. А поскольку был мертвецки пьян, то шёл, никуда не сворачивая. Яма так яма, котлован так котлован, грязь так грязь, по колено так по колено. Повторяю: я был солдат и шёл по азимуту. Короче, в электричке на меня и не посмотрели. Там все такие были. Но дома моя подруга велела мне ночевать на лавочке перед домом. Утром, посмотрев на костюм, в котором вернулся, понял, что единственное, что можно с ним сделать, это выкинуть его. Если б только Тишка не сказал мне о чешском пиве, поехал бы я прямо к своему докладу. Сделал бы доклад, даже если б после в буфет зашёл, пива к этому времени уже не осталось бы. Подруга утром вышла, поглядела на меня, сказала, что она-то думала, что я учёный, а я обыкновенный алкаш, упаковала в рюкзак мои шмотки (было их немного) и велела убираться. Так благодаря Тишке я потерял костюм, первое съёмное жильё и юную подругу. Но, может, и к лучшему. Если из-за лишней дюжины пива можно выгнать из дому мужчину, то хорошо, что это случилось вовремя. Тост за проницательность Тишки!

– Что-то у тебя всегда какой-нибудь мужик виноват, когда от тебя женщины уходят! – захихикал подвыпивший Любский. Усы топорщились, глазки блестели, сверкали, но таким дружеским и озорным блеском.

– Олег, ты нарываешься, – сказал Хворост.

– Да я ничего, Сёмка, ты же знаешь, как я тебя люблю!

Хворост снова выпил рюмку. В голове отчаянно шумело, а сам он чувствовал странную удаль, ничто не было страшно. Но затылок и височные доли ломило.

– Печальная история и не смешная вовсе, – сказала Арина, жена Глеба Галахова.

– А чего это твой муж слова не скажет? – спросила вдруг Марго Сипунова.

– За него брат Клавдий высказывается почти каждый день, он теперь не только художник, но и газетчиком стал, а Глебу не нравится, что он пишет, – ответил Любский.

Сипунова вздохнула:

– Я его читала. Сильно пишет. В этом знаменитом журнале для богатых, как его?.. Ах да, в «Ярмарке тщеславия». А ты что, ему завидуешь? – крикнула она Глебу.

Похоже, у того была одна реакция на такие разговоры. Он наполнил большой стакан шотландским виски и выпил.

– Вот это по-мужски, но не совсем, – сказала Марго и глотнула джин. – Только что-то вы, мужики, водки не пьёте?

Она налила себе ещё водки и снова выпила.

– Пьяная дрянь, – спокойно сказала Арина.

Повскакивали женщины, мужики уже отяжелели от выпитой водки. Сипунова начала:

– Да знаешь, что я с тобою сделаю?! – Она встала вдруг за спиной жены Галахова.

– Думаю, что ничего. Потому что я тебя не боюсь, – ответила та.

– Девочки! Девочки! – запричитала Ника Тигр, протискиваясь между ними. – Тишка бы не одобрил. Правда-правда!

Любский потянулся за балалайкой:

– Сейчас я вам частушки попою, чтобы вы утихомирились. Про любовь, конечно. Про НАШУ любовь, как герой сказал в «Подвиге разведчика». Немецко-фашистские захватчики выпили, подняв тост «За нашу победу!» Он потянул немного, а потом сказал: за НАШУ победу. Все всё поняли, кроме немцев. Его не убили на месте, и меня не убивайте.

Он болтал, а сам уже бренькал немного по балалаечным струнам. И запел, плутовскими глазами поглядывая на присутствующих:

*Оттащил тебя за ноги
Я с обочины в кусты –
Не ... же средь дороги
Королеву красоты!*

Гости засмеялись.

– Охальник ты, Олег Иванович! – сказал Галахов, тоже невольно улыбаясь.

– Ох, что они с нами делают! – вскричал Лёня. – Старичок, а про косы!

– Нет проблем, – ответил Олег Иванович. Он снова перебрал струны и запел:

*Из-за пары распущенных кос,
Что пленили своей красотой,
С оборванцем подрался матрос,
Ободряемый шумной толпой.*

*Оборванец был молод, силён,
В нём кипела, играла любовь,
А матрос был чахоткой сломлён,
С горла хлынула алая кровь.*

*И сцепились два тела, дрожа,
И сверкнули два острых ножа,
И с кровавою пеной у губ
Повалился на землю труп.*

*Оборванец над трупом присел,
Чтоб лицо у врага увидеть.
Он в нём брата родного признал.
Не пришлось ему раньше узнать.*

*А кругом волновалась толпа,
И рыдал оборванец босой.
Лишь спокойно стояла она,
Белокурой играя косой.*

– Ох, – повторил Лёня Гаврилов, – что они с нами делают! Всё из-за них.

– Знаешь, – сказал Хворост, – когда-то на заре творения ангелы спускались на Землю и сходились с земными женщинами, дочерьми земных людей. От этой страсти рождались исполины, которые грешили ужасно, ещё хуже, чем их отцы и матери, из-за них-то, опасаясь исполинской энергии, Господь устроил потоп.

– Вот-вот, – подхватил Лёня Гаврилов и добавил, как всегда, неловко выражаясь: – То есть исполины были продуктом деятельности ангелов. – И, сладко улыбнувшись, промурчал: – Видишь, даже ангелы грешили. А что уж нам, смертным!

И тут кто-то позвонил во входную дверь.

– Кузьмин, что ли? – спросил Любский, откладывая на комод балалайку. – Неужели Борюн пожаловал? Танюш, открой старому другу да расцелуй его понежнее.

Но это был другой человек. Кто он, знали только двое – Сипунова и Хворост, последний – по фотографии в «Википедии». Вошёл среднего роста мужчина, в твидовом коричневом пиджаке, роговых тёмных дымчатых очках, крупная голова, седоватые, с пробором, густые, лежащие волной волосы, казацкие усы, более густые, чем у Любского, выражение значительности на лице. Когда-то был, наверно, хорош, но сейчас староват и потаскан. В одной руке он держал небольшой портфельчик, в другой – фирменный пакет, из которого тут же достал большую бутылку шведской водки «Absolut».

Сипунова шагнула к нему навстречу:

– Это я позволила себе пригласить. Думала, Кузьмин будет, ему нужен хороший издатель, чтобы раскрутил его. Представляю: это знаменитый издатель Осип Тимофеевич Бубонов. Он держит издательство под хитрым названием «Норма», выпускает нормальную лите-

ратуру, ту, которую все читают, и научно-популярную, с приличными по нашим временам тиражами, да и гонорарами, и переводную.

Хворост почувствовал, будто его шарахнули чем-то по голове. Алёнка именно у этого издателя свои переводы печатала. Вот он – сон в руку. Смерть и любовь, как всегда, ходили рядом. Надо было попасть на похороны старого приятеля, чтобы вдруг нашлась ниточка к Алёнке, сама в руки попала. Ноги оцепенели, живот забурлил, словно подпёрла медвежья болезнь. Вот и надо к нему в контору идти, а не бессмысленные письма писать. Надо с Бубоновым задружиться, посмотреть, чем он её пленил. Да, задружиться, чтобы к себе позвал. Хворост с некоторым удивлением увидел, что властительно-самодовольный Бубонов выглядит вяловато, а главное, совсем не моложе его, Хвороста. Они, скорее всего, ровесники. То есть дело было не в возрасте! Не к более молодому ушла Алёнка. Вот что интересно! Мысли туманились и плыли.

*Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин...*

Слова Высоцкого шли сами собой, мысли его двигались другой дорогой. Так он ещё никогда не думал, никогда планов таких не строил. Будто не он, а кто-то другой. И всё стало другим. Но надо было сразу вошедшего озадачить.

– Так вы – один из тех, кто уничтожает в России духовную вертикаль? – спросил с пьяной хитростью Хворост, желая его как-то подловить.

Такой встречи издатель не ожидал.

– Не понял! – удивился он.

Любский, глядя на казацкие усы и желая поддержать приятеля, всё же сам был из издательского мира, да из не менее мощной структуры, хихикнул:

– Ты из каких? Я родством из Боголюбских.

– Да не было фамилии Боголюбские. Это прозвище.

– Мужик, ты меня не обижай. Ты-то казак? Сужу по усам и по имени. Но у меня тоже усы. А фамилия и вправду Бубонов? Что-то не больно казацкая.

– Бубонов – имя родовое! – гордо сказал вошедший. – У казаков такое есть. Мой прапрадед убил столько же людей, сколько бубонная чума.

– Бубонов? Но бубончики и от сифилиса бывают. Ты не сифилитическую ли литературу для масс шлёпаешь? – язвил Любский, зацепив любимую эротическую тему.

– А тебя никогда не били? – спросил Бубонов, мягко и как-то вяло улыбаясь в усы. – Могу пацанам позвонить.

– Без пацанов не можешь?

– Могу. И вообще охраны не держу! – гордо ответил Бубонов. – Но пацанов знаю, всегда могут понадобиться.

Марго Сипунова вступилась, гася склоку:

– Господа, остыньте! Осип Тимофеевич, это же хозяин дома, известный издатель и меценат господин Любский. Но поднапился уже. А это профессор Семён Георгиевич Хворост, известный интеллектуал, немного писатель.

Любский погрозил ей пальцем, но промолчал. Не любил хвалиться своим социальным положением, да и недоволен был словами, что он пьян. Она порушила самоидентификацию обоих. Любский считал, что никогда не напивается, а Хворост всё же своё писательство ставил на первое место.

– Ох, отольётся тебе сегодня твоё ехидство! – сказал Олег.

Сипунова быстро ответила:

– Как бы тебе что не отлилось!

А Бубонов просто, без фанаберии вдруг сказал:

– Ну, я обоих, конечно, знаю. Странно, что я не узнал коллегу Любского, может, слишком резко он на меня напал. А про профессора мне сотрудница одна рассказывала, может, вы её помните – в секторе вашей работы Алёна Леденёва, говорила, что вы очень умный.

«А мне, – подумал Хворост, – говорила, что Бубонов написал интересный роман».

Любский сказал ему на ухо:

– Вот это и есть настоящий Трималхион. Все деньги тратит на увеселения, девки с голыми грудями разносят блюда, табуны голых девиц на четвереньках ползают меж столов на его тусовках, голые мальчики в венках на кифарах играют, девицы ласкают под столами гостей, ну и так далее. Поразительно, что не беднеет при этом. Издатель с хваткой.

Олежка спросил примирительным тоном:

– А ты чего без жены?

Казак виновато улыбнулся:

– Да у нас уже года три длится период полуразвода.

– А без тёлки тогда почему? – не отставал Любский.

– Слишком много, чтобы одну выбрать.

Глава 5

ОШИБКА НЕМЕЗИДЫ

И тут у Валентины зазвонил мобильный.

– Да?..

Она поднялась, лицо побледнело, она вышла в прихожую, Семён за ней.

– Подожди, я сейчас приеду. Ты Тане-соседке позвони. Вдруг она дома. Еду. Папа, наверно, тоже.

– Что случилось?

– Это Кристина. Говорит, что кто-то стоит под входной дверью и дышит. Ей страшно. Вроде, вначале был звонок в дверь, она спросила, кто, ответа нет, но этот «кто» стоит и дышит. Она боится. Я тоже. Ты едешь?

– Да, только портфель возьму.

- Может, поторопимся?
- Уверяю, что портфель нам не помешает. Убью маньяка!
- Какого маньяка?
- Такого. Что под дверью стоит.

Через минуту он был готов, Валентина открыла дверь. На этот звук выскочил в переднюю Олег.

- Ребятки, вы куда? Только, можно сказать, выпивать начали.

В голове темно, мрак, мысли путались. А потом вдруг ясность. Надо таких убивать. Снова звонок мобильного. Хворост стоял рядом и слышал все слова Кристины. Но не показал виду.

«Мама, я позвонила Тане, она пришла, он сразу ушёл. Всё в порядке. Ты оставайся. Нечасто вы с отцом куда-то выходите. Ну и что, что поминки. Я уже в порядке».

Передав разговор Семёну, Валя сказала:

– Хорошая у нас дочка, добрая девочка. Ну что ж, я останусь. Может, вместе домой поедем. Ты ведь собирался меня к Кристине провожать. Посидим ещё у Олега и поедем. Давно никого не видела.

- Конечно, поедем.

Сердце было всё-таки из-за дочки не на месте. Дважды дочь еле спасалась от каких-то маньяков, успела в квартиру забежать.

Стоявший рядом Любский разговор слышал и шепнул, обняв Валю за плечи:

– Конечно, Валечка, оставайся. Потом вместе поедете. А я с Семёной хочу на улицу выйти, пошептаться по старой дружбе. Ха-ха! Ну, наши мелкие мужские тайны. Болтовня, одним словом. О женщинах, конечно! Не сомневайся. А то у твоего мужика – ну не твоего, но всё же и твоего – какой-то взгляд остановившийся. На меня чего-то наезжает. Поболтаем. Может, пивка выпьем по баночке. Может, ещё что придумаем. Ты оставайся, мы скоро.

Он взял Семёна под руку и потянул к входной двери. Так получилось невольно, что Хворост вышел с портфелем, не сумев занести его в комнату. Они спустились по лестнице, вышли из подъезда.

– Помнишь, небось, мой «опель» с дырой в днище и ведром вместо сиденья? Помнишь, небось! Всегда подозревал, что есть машины получше нашего «запорожца». Хам Иван не думал даже, что будем на других ездить. Хочешь, на своём «линкольне» покатаю? До «мерса» я пока не дорос, на «мерсе» – вон стоит, видишь? – Бубонов приехал. По дороге и поболтаем.

- Нет уж. Ты на ногах еле стоишь.

– Ха-ха, Семчик. Но я же сидеть буду, а не стоять. Ладно. Рисковать не хочешь? Тогда по старинке пару баночек пива.

За железными кольями ограды стоял ларёк. Олег обнял Хвороста за плечи.

– Пойдём-ка. Ты понял, старый пень, что хочу с тобой об Алёнке говорить. Хочу, чтоб ты её забыл.

Они подошли к ларьку.

– Девушка, нам бы «Балтику» номер три, да-да, пару банок. Привык, понимаешь, – сказал он голосом Ельцина. – Пожалуйста. Сдачи не надо.

Они завернули за угол дома, где располагались мусорные баки.

– Вот хочу, чтоб ты своё чувство, как мусор, сюда выбросил. Она ведь вовсе не дворянская барышня. Читал, читал я твой опус о «Вечной Женственности». Хорошо написано, но к реальной Алёнке отношения не имеет. Если ты мужик, должен со мной согласиться. И не смотри на меня так напряжённо и глупо, ты уж извини. Лучше пивка отхлебни. Они ведь, то есть бабы, на нас, кобелей, ориентируются, мол, чего мы от них хотим, то и хорошо. Они, твари этакие, милые, конечно, очень, это понимают. Им и самим это хочется, а тут мы, их охранители, по идее, это разрешаем.

– Она меня любила.

– И не только тебя. Только ты как-то подзадержался на ней. Она даже мне жаловалась, что никак не отстанешь...

У Семёна словно горло кто руками сжал, воздух перестал поступать. А Олег говорил:

– Ты всё считаешь себя защитником «Вечной Женственности». Хочешь катастрофе бытия противостоять. Я хочу тебя слегка подлечить, чтоб ты понял, как им это просто. Ты ведь слышал про Клавдия Галахова, братца нашего Глеба. Да-да, два мира – два Шапира. Он и именинник, и художник, картины которого во всех музеях. А теперь ещё и публицист, и писатель. Ну, просто титан Возрождения! Так вот, он столкнулся как-то на тусовке писательской с нашей Алёнкой. Конечно, она ему понравилась. Он спросил, не писательница ли она. Ты знаешь ведь, как Алёнка тщеславна. Сказала, что да, но что главные её вещи ещё не опубликованы. Он и предложил ей поехать к нему в мастерскую, где он напишет портрет будущей великой писательницы.

– Глебу морду набью.

– А Глеб-то здесь при чём? Он позже всех узнал. Это Клавдий звенел среди художников, вот и до нас, издателей, добежало. Да к тому же ты с Алёнкой тогда уже расстался. А бабы на славу, сам знаешь, податливы. Особенно когда знаменитый художник предлагает её портрет сделать. Оставить свой лик потомству – как девочке лестно. Да ещё сказал, что поговорить хочет об иллюстрациях к её переводу. «Знаешь, как с моими рисунками нарасхват пойдёт!» Она-то знала, что в издательстве стандартное оформление серии, можешь мне, как издательскому менеджеру, поверить. Но тут ей помстилось, не могло не помститься, что она предложит им иллюстрации знаменитого художника и её акции тоже повысятся. Пишущие девчонки податливы на славу. Ничего он рисовать не стал. «К такому говну, как дамские романчики да детективы, картинку рисовать – своё имя позорить», – это он потом всем говорил. А девочкой попользовался в полной мере. А потом ухмылялся и трепал налево и направо, мол, теперь он знает, что могут вытворять русские девочки, когда чего-то хотят и ждут! Мол, это просто чудо какое-то! Не сомневаюсь, уж поверь мне, Сёмка, она понимала, чем за портрет придётся расплачиваться. Но, наверно, рассчитывала всё же, что прежде её нарисует. А он даже и попытки не сделал холст натянуть, сразу сказал, что вначале постель. Поизмылся над ней, имею в виду сексуально, а потом выгнал.

Хворост чувствовал, что стоит перед пропастью.

Любский помолчал, покачал головой, наблюдая реакцию Хвороста. Потом добавил:

– Ты же опытный мужик, сам знаешь, на что девушки способны.

Семён знал.

– Мне мой покойный приятель – ты слышал о нём от меня, Колька Грач – говорил, что у солнца существует тёмный спутник Немезида, это как тёмная сторона души...

– Ну, знаю-знаю. Читывал. У греков богиня мщения. А от чего он помер? Мы как-то у тебя в бытность твоей твёрдой жизни с Валькой и выпивали с ним. Он же моложе нас был, не то что Тишка.

– Не поверишь. От любви. Вчера хоронил. Какая-то покойницкая полоса.

– Надо её завершать. Давай ещё по банке пивка, а пустые прямо в бак. С пивом-то о таких материях говорить легче. Так при чём здесь Немезида и тёмная сторона души?

– Хочу понять, могла ли Алёнка уйти от меня к издателю, не к мужу вернуться, а к издателю? Как думаешь? Ведь это ей выгоднее.

– Запросто, – ответил Олег. – А тебе не всё ли равно, с кем? Или хотел же передать ее достойнейшему? У тебя завышенная самооценка, старина!

Семён сделал большой глоток. Старый приятель выговорил то, о чём и сам последнее время думал. Неужели он столь самовлюблён? Голова кружилась, но мысли казались ясными, хотя обычно от пива он мрачнел.

– Знаешь, я это у Камю вычитал, что опьянение души и тела – не безумие, а комфорт. И Немезида – это не опьянение. Истинное безумие всегда результат ослепительной ясности. И я тебя убью... – вдруг решил он попугать приятеля, как Колька напугал когда-то любовника Марьяны. Хотя смерти, конечно, заслуживал сам. Чего стоила история с подругой Вальки во дворе у Смоленского.

– Не понимаю, к чему ты это?!

– А вот к чему! – Семён вдруг расстегнул портфель, достал пистолет и направил в грудь Любского.

– Ты что... того? Тоже мне – рыцарь, защитник «Вечной Женственности». Убери, Сёмчик, не надо так шутить. Да и защищать нечего. Я тебе об этом битый час толкую. Да и я к тому же с твоей Алёнкой два раза всего был. Да и не была она тогда твоей. А рассказал, так чтобы тебя оберечь. А ты, урод, не думал, что она замужем, что ты тоже чужое берёшь? Ты же Евангелие читал. Знаешь, что с изменницами в те времена делали?

– По любви всегда было правильно, богиня любви защищала. Это простительный грех, высшая сила тобой руководит. А без любви? Это только продажные суки. Пусть не говорила бы тогда, что любит. И до неё очередь дойдёт.

– Ты что, Семён, вообще крыша поехала? Алёнку-то за что? Ну, я гад. Но тоже смерти не заслуживаю. А она-то? Убери пистоль, лады? Ну, попугал – хватит. Какой в этом смысл? Убив меня, мир не улучшишь.

Говорил, но по тону было ясно, что не верит в то, что Хворост выстрелит. Семён философически-напыщенно ответил, поскольку, конечно же, не собирался стрелять, просто пьяная игра его вела за собой:

– Юридического смысла никакого. Даже мести нет. Кому и за что? Смысл в действии. Я не в тебя, а в себя стреляю. Я в мироздание стреляю. Стреляю в него за тот ужас, который царит на Земле. А мы с тобой его слуги.

Олег махнул рукой:

– Ну хватит, ты же Достоевского читал, знаешь, чем кончаются выстрелы в мироздание. Вспомни Кириллова из «Бесов». Вон большевики в мироздание стреляли и кончили ГУЛАГом.

Хворост отрицательно покачал головой:

– Просто стрелять не умели или не те цели выбирали.

Любский заулыбался, хотя ему всё же немного было не по себе:

– Ты помнишь свой анекдот про страшный диагноз?

– Нет. А что там? Вот так всегда со мной: свои шутки не помню.

– Люди разных национальностей получают от врача смертельный приговор. Что делает каждый из них?

– Ну? Не помню.

– Американец пишет завещание по всей форме, англичанин отправляется в кругосветное путешествие, француз – по борделям, русский пьёт водку и бьёт морду прохожим. А еврей? А еврей идёт к другому врачу.

Семён, не понимая, уставился на него, чувствуя в голове тяжёлую тупость:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Как что? Пойди к другому врачу. К другой бабе.

Семён покачал головой:

– Я же о любви, а не о сексе, а ты..

Договорить не успел. Вблизи затарахтел грузовик. Семён от неожиданности дёрнул курок, и пистолет выстрелил. Удар от выстрела Макарова был силён, так что тело Олега отбросило за мусорные баки. И Семён вдруг с ужасом увидел изумление в застывающем взгляде Любского и увидел тело приятеля, мёртвое тело – это он понял сразу. Что это он натворил? Ощущение непоправимости охватило его. Он не хотел, он не хотел! Уж точно не Олега. Сейчас все узнают. В себя выстрелить? Вместо этого он почти механически поднял мёртвое тело, оттащил его подальше за мусорный бак, спрятал пистолет в портфель и двинулся назад, в квартиру Олега, стараясь не оглядываться по сторонам. Он не хотел его убивать, только поугадать, раз уж портфель был у него в руке. В голове был всё тот же мрак, который он осознал на кушетке психоаналитика, а совсем не полная ясность, как он уверял Олега. Тёмная сторона души. А где сейчас Олег? Какие сны видит в посмертном сне? Мелькнула мысль, не называет ли он ясностью помрачение, в котором живёт последний год? Наверно, любовь – это болезнь. Он вспомнил рассказ соседки о сыне, юном банкире, женатом, с двумя маленькими детьми, который влюбился, завёл отдельную квартиру, где писал

картины, писал стихи, а потом издал книгу своих стихов, где каждая страница – это его картина, по которой отпечатаны стихи. Переплёт из шикарной кожи, бумага верже, и т. д. И такое бывает. Сердце Хвороста колотилось, ноги шли как после болезни, тяжело, он чувствовал боль в мышцах спины и бёдер, словно месяц не двигался, а сидел или лежал. В груди подымалось что-то, сжимая горло. Сейчас все увидят тело, догадаются, схватят его... А у него ещё есть дело. Какое? Какое? Помнил, что есть. И вдруг отчётливо в этом его мраке стало ясно, зачем ему был послан пистолет и что он должен сделать. Он должен всё выяснить, чтобы его безумие на чём-то успокоилось. Навязчивая идея должна получить реализацию. Хватит мучиться. Бубонов, хоть и казак, но ведь жить хочет, всё расскажет. А потом можно и себя убить. Себя тоже, непременно – после Любского другого варианта не было.

– А где Олежка? – спросила жена Любского.

– Чего ты бледный такой? – спросила Валька.

Он ответил сразу обеим.

– Олег двух каких-то алконавтов встретил, пошли ещё пива пить.

А мне от пива что-то заплохло, голова закружилась, вернулся.

Танюша пожала плечами:

– Ох, допрыгается мой со своими собутыльниками! Надоело предупреждать. Ну, иди пей. Там новенький собеседника ищет.

Семён вошёл.

Бубонов развалился на стуле, вытянув ноги, но не вальяжно, нет. Время от времени он собирался, садился ровно. Вообще напоминал зверя, в любую минуту готового к прыжку, к драке. Или уличного хулигана, который прикидывается смирным в обществе интеллигентных мальчиков, но никогда не забывает, что он сильнее. Он говорил:

– Новые русские – это в прошлом. Теперь все мы богатые. В начале перестройки я майками торговал. Мы покупали обычные белые, по три рубля за штуку, потом варили их, они слегка синели, становились как бы слегка жёваные. Вот эти-то мы уже по пятнадцать рублей толкали. Деньги всегда можно сделать. Я хоть и казак по отцу, но мать у меня еврейка. Так что хватка моя, как у казака и еврея сразу. У меня всегда было денег как грязи. А теперь тем более. И девки доступнее стали. Я любую могу купить, даже не за деньги, за публикацию. Она понимает, что через журналистику, через книгу она и имя, и потом за имя бабло заработает. Ну, ещё и обставить, когда ко мне придёт, как там у поэта: стол, на его ладони фрукты и вино... Забыл, как там точно. Ах да, вино на ладони столика. Красиво писали. Но всё равно: они писали, а в шоколаде мы.

Хворост в ужасе думал: «Неужели Алёнка общается, даже не спит – просто общается с таким идиотом? Почему с идиотами женщинам легче? А он? Утомлял её своими умствованиями».

– Но это и в самом деле конец России, – сказал Семён. – Когда-то Рильке написал, что Россия по вертикали граничит с Богом. А теперь?

С публичными девками? С публичными журналистами? С публичными мужчинами?

Собеседник ответил:

– Начнём с того, что публичные мужчины – это политики. Ваше романтическое тайное тайных (я же тоже читал это) никому сейчас не нужно. Поэтому теперь по вертикали Россия граничит с правительством.

Семён спросил:

– Вы сравниваете правительство с Богом?

Остап Тимофеевич ухмыльнулся:

– Ну да. Так народ считает.

Хворост обмер:

– Ну, тогда это и впрямь катастрофа.

Бубонов погрозил ему пальцем:

– Да что вы как мальчик! Вот я патриот. И считаю, что наконец установилась нормальная жизнь и мы издаём нормальную поп-литературу, ту, что народ читает. – Он отпил глоток из рюмки. И сказал: – Хорошо бы нас кто-то от Европы убрал, чтобы мы жили в ладу своим русским миром.

Хворост переспросил:

– Кто бы это мог сделать?

Бубонов ухмыльнулся:

– Как кто? Адольф Виссарионович Пиночет. Но – с человеческим лицом.

Хворост внимательно глядел на него. В душе сидели черти после убийства. И перед ним был как раз тот, кого и надо было застрелить, его, а не друга Олешку. Понять, как к нему подобраться...

– Но вы же издатель, – сказал он, чувствуя стенокардическое сжатие в груди. – Вы же, слышал я, ещё и на факультете журналистики работаете, то есть профессор.

Усатый казак ухмыльнулся:

– Ну и что? Знаете, что ныне издательское дело, да ещё вместе с журналистикой приносит сумасшедшие деньги?

Нисколько в этом не сомневаясь, Семён мрачно сказал:

– Просто наступила эпоха двойника Солнца, тёмной звезды Немезиды. И Россия сейчас в тени этой звезды.

Говорить было трудно, будто он прикидывается, что-то врёт, в груди стоял ужас от того, что он оставил во дворе.

Собеседник даже поднял дымчатые очки, из-под них посмотрел бледно-голубыми глазами на Семёна:

– Угу. Это интересно. Поговорим об этом. Но пока, заметьте себе, за эти переводы юные таланты получают деньги, я имею в виду не русские рубли, а американские. За то, что их печатают, они на всё готовы.

Все притихли, слушая их пикировку. Только Глеб Галахов не выдержал:

– Вы уж меня простите, но Россия вовсе не в тени Немезиды. Она не может пропасть. Всё же Бог хранит Россию, несмотря на ваши предчувствия.

– То есть что вы имеете в виду?

С Галаховым он был плохо знаком, они были «на вы». Но после рассказа Любского об Алёнке и брате Глеба чувствовал к нему какую-то неприязнь, хотя понимал, что после содеянного им он не смеет никого осуждать.

– Я имею в виду, что всё-таки Бог любит Россию, если спас во Вторую мировую. Всё было против: репрессии, уничтожен командный состав, лагеря и прочее.

– При чём здесь Россия? Такой страны нет! – После Любского он бил всех наотмашь. Почему-то особенно хотелось ударить Галахова.

– Как?

– Очень понятно. Она исчезла в тысяча девятьсот семнадцатом. С тех пор возродить её не удавалось. И уже не получится!

Хворост почти нарывался, чтобы патриот Бубонов полез в драку. Но тот молчал. Слушал.

– Так где же мы живём?

– Спросите лучше – в каком времени?

– В каком?

– Мы живём в постапокалиптическую эпоху. Если вспомните все послеоктябрьские события, это станет понятно. Мы остановились в своём развитии. – Он угрюмо смотрел в пол, думая, что, может, это последний шанс сказать то, что завтра, когда все узнают, что он убийца, и не скажешь. – Если история действительно существует, она может быть только революционным процессом, который нельзя остановить в каком-то пределе, придать законченную форму, застывшую в своей определённости. Эволюция русской жизни до Октября, когда произошла контрреволюция, была, по сути, революционным процессом от крепостного рабства к свободе. История и есть процесс революционного преобразования животного в человека, растянутый во времени. Когда кончается история, кончается и становление человека. Потому что человеком не рождаются, человеком становятся. В Октябре история кончилась.

Он посмотрел на немного ошалевших от напора сложных слов пьяноватых гостей, но остановиться уже не хотел:

– Я об этом трактат пишу, про то, как мы обживаем катастрофу, как потеряли вертикаль, потеряли понятия об истине (и не хотим её), о мужестве, верности, женственности. Я добавлю. Всё похоже на настоящее, на то, что это есть в нашей культуре. Но этого нет. На поток поставлено производство символов и знаков культуры, то, что нынче вежливо называют культуриндустрия. Память о культуре ещё хранит образцы, тиражируемые в бесчисленных копиях-поделках, а также питает ностальгию. Всем хочется подлинности. Ваш негодяй братец спекулирует на идее подлинности при полном своём невежестве. Вам за него не стыдно?

Глеб налил не рюмку, а стакан водки и выпил одним глотком. Был он мрачен и бледен. Почти так же бледен, как мёртвый Олег.

– Жаль, Олежка запьянствовал, он любит разговоры о таких материях, – сказал подсевший поближе Лёня Гаврилов. – А я вам перескажу один разговор недавний и не о бабах. Ехал я как-то в электричке в Александров. Люблю по России ездить. Ранняя осень. Женщина-

соседка, указывая за окно, спросила: «И почему поля стоят пустые?» Мужик, бывший военный, майор, как выяснилось из разговора, вдруг озлился: «Потому что нашему начальству проще купить чужое, чем своё вырастить. Они позволяют сеять, но разбогатеть не дают. Дают ровно столько, чтобы могли прожить. Если у тебя урожай, то никому не продашь. Тут у моего сродника картошка уродилась, никто из заготконтор покупать не стал – хоть в землю закапывай. Он по полтора рубля в детские сады отдал. Мужик-то нормальный, хороший. Но с нормального денег не слушишь. Открыли в Александрове сельхозбанк. Приходит туда мужик. «Что у тебя есть?» – спрашивают. «Земля», – отвечает. «Да иди ты! Что у тебя есть?» Он плечами пожимает: «Изба». – «Да иди ты! Что у тебя есть?» Он ничего не понимает: «Шесть коров», – говорит. «Да иди ты! Что у тебя есть?» Он тоже озверел и спрашивает: «А что надо?» Те откровенно говорят: «Квартира в Москве есть? Золото? Иномарка?» Тот плечами пожал: «Нет». Руками замахали: «Ну и иди!» Вот я и не пойму, что они хотят? Чтобы мы так и остались придатком Европы или Америки? Сами-то, если что, сразу в какую-нибудь Бельгию свалят.

Хворост мрачно глянул на него, сердце после убийства ныло, горло саднило, но снова выговорил:

– Чего тут не понимать? Мы живём в постапокалиптическую эпоху.

Лёня растерянно посмотрел на него:

– Не понял.

Понял Глеб Галахов, внимательно выслушавший и рассказ, и реплику Хвороста, и сказал:

– Мне нравится ваш здоровый пессимизм. Но, – взял Семёна за плечо, – как же жить с таким мироощущением? Я бы давно запил.

– Так и живём. существуем. Без голого женского тела теперь даже вестерны не обходятся.

Хворост произносил слова и удивлялся, как это он может после того, что сделал, так спокойно сидеть и рассуждать. Он только время от времени вытирал пот, проступавший на лбу. Но все думали, что от алкоголя.

Сидевшая рядом с издателем Марго Сипунова вдруг налетела на Семёна:

– Да вы ханжа! А что вы хотите? Мы живём в постиндустриальном обществе. А там нет любви – есть секс, нет героев – есть мужественные крутые парни, которые пистолетом решают свои проблемы, а не интеллигентским пустословием. Это вы понимаете?

– И вырастают шлюхи и бандиты. Даже те, которые могли бы нормально любить, разучиваются это делать. И мы тоже живём в этой парадигме, трахаемся без любви, продаём свои таланты тем, кто платит...

– Это жизнь, мальчик. Ты не на луне живёшь! – оборвала его Сипунова.

Тут не выдержала Валентина:

– Он вам не мальчик. Могли бы его и Семёном Георгиевичем звать. Он писатель, учёный и автор десятка книг. Я не потому защищаю, что я его бывшая жена, он живёт с другой женщиной. Я просто за справедливость.

Что-то жёны взялись своих мужиков защищать. Вот тебе и «Вечная Женственность», вечный белый танец. Худенькое тело Валентины выглядело рядом с формами Сипуновой, конечно, не очень-то.

Семён злился, в душе стоял мертвенный холод после выстрела:

– Откройте Интернет, посмотрите заголовки. То какая-то Ани Лоран засветила, что у неё под юбкой, то вся правда об эротических сценах в кино – отметьте – вся правда, то, как блатные (то есть *герои нашего времени*) казнили убийцу певца Михаила Круга, то фото самой сексуальной блондинки нашего времени, то какую-то модель застукали в постели с сыном. Сленг-то каков: «застукали», «засветила». То как улучшить секс с мужем, с женщиной, и пояснение, что в сексе не существует табу и моральных запретов. Я уж не говорю про порновидео, где всякое показано: изнасилования, извращения, лесбийство, двое на одну, один на двоих, все эти *double penetration*, эти маленькие девочки, которые шепчут похабщину. И этим языком реальные юные женщины говорят.

Бубонон вдруг расстегнул портфель, вытащил конверт, а из него фото, пустил по рукам:

– Вы гляньте, это то, во что нынче молодёжь играет, и не бедная. Бегаёт по лесам, за кустами прячется, шариками друг в друга стреляет.

Семён вспомнил рассказ Алёнки про страйкбол, в который играла богатенькая её подруга с мужем. «Им же делать нечего», – говорила привыкшая к работе Алёнка. Глядя на фото собравшихся в полувоенной форме группу молодых страйкболистов мужского и женского пола, кучно собравшихся, он не увидел ни одного отдельного лица, кроме её – **оно было**, она тоже оказалась в этой группе любителей стрелялок, а под фото подпись-шутка местного значения: «А где командующий? Командует?»

Хворост с идиотизмом пожилого человека бормотал себе под нос: «Выросла новая пустота. Маяковского бы сюда: *«Возьмём винтовки новые, / на штык флажки! / И с песнею в стрелковые / пойдём кружки. / Круг начинает новый поворот?»*

Он боялся вспоминать прежнюю Алёнку, её выражения – в груди сразу всё сжималось. Но сейчас он был убийца, он был пьян, он позволил себе вспомнить строчки из её письма: «Обожаю, когда ты напиваешься. У тебя голос ещё сексуальнее становится. А ты сам – ещё нежнее и трогательнее». Да, любовь была как опьянение, помрачение, а Алёнка была откровенна, современна в этой откровенности, открытости перед ним. А теперь, наверно, говорит про издательство Бубонова «моё издательство», пишет такие ответы: «К сожалению, моё издательство этот роман не заинтересовал». Хворост перевёл дух и с трудом заставил себя слушать, что вокруг говорят.

– Про это Олег Иванович любил поговорить, – снова повторил широкоплечий Лёня Гаврилов, – а ещё больше проделывать ЭТО с разными дамами. Где же он, наконец? Такой разговор пропускает!

Полная брюнетка Зоя прижалась щекой к Лёниной щеке, положив ему грудь на плечо, почти бессознательно, а может, и сознательно волнуя его, но понимая это. Так было в молодости не раз. Не то чтобы он был слишком сексуален, но в голову ему не могло

прийти, что порядочная девушка может хотеть того же, что и он. И когда девушка, которая нравилась ему, будто случайно прижималась на мгновение своей грудью к его руке или плечу, тут же отстраняясь, он ходил, в голове стучало, это переживание коснувшейся твоей руки женской груди казалось событием почти космическим. Только об этом и мог думать. Он был домашний провинциальный мальчик, и прикосновение женской руки, даже руки, застревало у него в душе надолго. Для неё это была случайная игра, случайный эпизод, а он не забывал долгими месяцами.

После Лёниных слов другие женщины посмотрели на Танюшку, но смутно, они сидели и выпивали, уже изрядно приняли, Ника Тигр положила щёку на стол и всхлипывала:

– Шляется где-то, – ответила спокойно жена Танюшка. – А может, куда-то и к дамам завалились с дружками, а... – Она махнула рукой. – Я уже к подобным эскападам Олега Ивановича привыкла.

Сипунова вскинула, уже красная от большого количества коньяка:

– Дура ты! А он пользуется. Я бы таких, как твой Олег, просто убивала бы! Из пистолета пиф-паф – и готово!

Танюшка охнула:

– Да такого человека не найдётся, чтобы Олежку убил. Он добрый и хороший. Ну а бабник – не самый большой грех. Это я как жена говорю.

«Неужели никто на меня не думает? А если выяснится, то тут же застрелюсь. Это без вариантов. Никто не поверит. А если докажут, что я, то скажут, что Хворост с ума сошёл. А может, и вправду сошёл? Никто из нас медициной не занимался никогда». Семён сидел, повесив голову, как бы думая о разговоре.

Издатель пристал вдруг к нему:

– Так вы считаете, что нечто изменилось в составе мира? Что Ленин ошибался, когда нас поворачивал на новое, на самом деле в тот же, по сути, массовый мир капитализма нас привёл? Я о Ленине книгу написал, талантливый он был человек и юрист отменный. Я-то думаю, что нынешние наши вожди с ним связаны по сути. И это хорошая суть. Солнечная. Я вообще-то люблю астрологию, недавно одна юная дама книгу у меня в издательстве перевела об астрологии. Перевела неплохо, но не в том дело. Нужно яснее показать связь звёзд и человека. Она ведь есть, и магия была. Мне интересно ваше рассуждение о Немезиде. Вы могли бы составить книжку об этом, о влиянии Немезиды на людей? Оплата – тысяча американских рублей. Оригинальности не требуется. Главное – интерес читателя. А тема завлекательная.

Хворост даже удивился, как легко он вышел на контакт:

– Странно сказать, но вы угадали. У меня есть книга на эту тему. Написанная, но пока не опубликованная. Примерно десять листов.

Бубонов ухмыльнулся:

– Сейчас дам вам визитку. На мой мейл и пришлите. Обещаю ответ в течение недели.

Хворост отрицательно покачал головой. Нарочито пьяно вытаращил глаза:

– Нет, я, может, и лох, но не до такой же степени. Файл – потом никому ничего не докажешь. Любой использует, особенно такую клубничку, какая у меня получилась. Нет уж, я принесу вам рукопись моей книги с моими правками. Читается свободно. А как договор заключим, перешлю вам файл.

Бубонов улыбнулся во весь рот (Хворост увидел золотые коронки) и ответил снисходительно:

– Вы странный, но так и быть. Приходите ко мне в издательство ближе к вечеру, у меня там и свои две комнаты есть, иногда даже ночую. Можем договориться часов на шесть вечера. Часа ведь нам хватит для трезвого разговора. А к семи расстанемся, я кое-кого жду. Давайте я вам адрес на визитке напишу. У меня есть русский вариант, где только одна сторона заполнена. Напечатан юридический адрес, а будет у вас настоящий.

Он вынул из бокового кармана твидового пиджака позолоченную тонкую и изящную шариковую ручку и написал на обратной стороне визитки: «Это вам не тёмная сторона, здесь всё светло и ясно».

– Хорошо, – сказал Хворост, – завтра в шесть.

Бубонов словно в поддавки играл. Или не знал об их романе с Алёнкой. Или думал, что Хворост не знает о нём и его связи с его любимой переводчицей Леденёвой.

«А может, ничего не было и нет, – снова подумал он и сказал сам себе: – Ты чего нарываешься? Одного убийства мало? За него уже платить надо. А пугать Бубонова? Зачем?» Но дьявол вёл его. «Показал пистолет усатому, – вспомнил он рассказ Коли Грача, – он и отстал». А здесь пистолет зачем? Убить теперь Бубонова? Он-то и впрямь заслуживает». Безумие мутило рассудок.

Зазвенел мобильный, теперь у Сипуновой. Она поднесла трубку к уху:

– Привет, дорогой, – сказала она, стараясь правильно выговаривать слова. – Ах ты бедный мой! Подъезжай, тут же вынесу.

Погладила по плечу Осипа:

– Муж ключи от квартиры забыл. Сейчас вынесу ему и вернусь. Ты жди. Завтрашний вечер ты вон этому мыслителю отдал, а сегодняшний – мой, ну? Кузьмин ведь не пришёл. Мне тоже есть что тебе показать.

Она обеими руками взяла издателя за усы, наклонила к своей груди и поцеловала в макушку. Семён со странной растерянностью увидел плешь на макушке Бубонова, подумал, что Алёнка поменяла его на плешивого.

– У вас уже какие-то свои обжимания и договорчики пошли, – муркнул Лёня Гаврилов и взялся за грудь Зои, слегка её поглаживая.

А Глеб Галахов пошёл в туалет, его выворачивало. Хворост даже не заметил, когда тот успел так надраться.

Марго Сипунова вышла. Валька взяла Семёна за руку:

– Нам, наверно, тоже пора. Ты всё же куда поедешь? Ко мне с Кристиной? Ты же хотел, – как-то спокойно и с пониманием сказала.

Да уж сколько лет это понимание в ней вырабатывалось! Всё же он был негодяем, а теперь и убийца. Но дело надо доводить до конца.

Он как-то сладострастно подумал, что на ближайший день у него появилась цель в жизни.

Женщины-гости, за исключением слегка растерянной Танюшки Любской, потянулись в туалет, откуда уже вывели Глеба, даже физиономию ему помыли, дали воды. Семён смотрел на этих женщин, но его не покидала одна мысль: «Что же такого он наделал, что она его бросила? Более того, с каждым месяцем обрывала одну ниточку за другой. Перестала отвечать на его мейлы. То писала: «Ночью тебе отдавалась. И это было сказочно!» А последнее письмо, когда он позволил задеть Бубонова, как-то между прочим написав, что видел его выступление по телевизору и выглядит он старым, было для него совсем ужасно: «Семён Георгиевич! Вы вынуждаете меня занести ваш адрес в чёрный список. В этом случае ваши письма будут уничтожаться ещё до того, как попадут в мой почтовый ящик. Прошу вас избавить меня от ваших писем. Алёна». А всего год назад, как-то зайдя на его лекцию, со вздохом побеговав потом по своим делам, прислала эсэмэску: «Ты не только лучший любовник, но и лучший лектор. И моё счастье». Куда это всё сплыло? Он вспомнил, как в десятом классе бегал от влюблённой в него Ольги Коцвисской, которая, как казалось ему, преследовала его. Как в ужасе, так что всё опускалось, замечал её в трамвае. Понимал, что едет она к однокласснице, соседке его по дому, что они сейчас выйдут на улицу, будут гулять перед его подъездом, поджидать его. Так теперь боялась, наверно, встретиться с ним Алёнка. Но, скорее всего, ничего-то она не боялась. Прав был Бунин: *«Для женщины прошлого нет: / Разлюбила – и стал ей чужой!»*

Вернулась Сипунова. Кивнула Бубонову. Он стал подниматься из-за стола, вынул из верхнего кармана расчёску, провёл по усам. И вправду пора было расходиться. Кроме Галахова, никто не напился, бывшие друзья начали собираться по домам доживать свои жизни. Валька вдруг сказала, когда они вышли в прихожую:

– Я же знаю, что с Иветтой ты не расписан. Вот и сейчас домой поедem. Может, мы можем вернуть наши отношения? Я же тебя всякого знаю и ни на что не претендую. Немного мужской ласки. Чтобы ты иногда по волосам провёл. А надо будет к Ветке, ходи сколько надо. Я же тебя не держу. Половину недели – ей, а половину – мне. Я же знаю, что женщины у тебя сейчас нет. И знаю, что Хворост не может жить долго монахом. Я знаю это. И готова терпеть.

Но добавила, и некстати:

– Неужели не бывает любви без секса? Я ведь тебя по-прежнему люблю.

Он, несмотря на алкоголь, плескавшийся в мозгах, вспомнил интонацию отчаянья точно в таких же словах Алёнки, когда она искала прислониться к мужу или ещё к кому-то, но всё равно любила его: «Неужели нельзя любить без секса? Что бы ты ни говорил, я навсегда останусь твоей девочкой. И тебе этого не изменить! Я тебя люблю. Я просто перестала заниматься с тобой сексом».

Поначалу она так любила, что постоянно хотела его, что секс и был основой любви. Никто, когда любил, не различал любовь и секс. Достаточно вспомнить самого Пушкина:

*Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, иступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вивясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!*

*О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаёшься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле –
И делишь наконец мой пламень поневоле!*

Слушая Валентину, он думал, что без секса любви не бывает. А секс без любви? Разумеется. Он вспомнил историю с одной молодой латышской красавицей, которая пришла к нему на съёмную квартиру и вдруг затеяла длинный и нудный разговор о сравнении импортной и отечественной одежды, отстраняя его руки. Тогда он встал и сказал с досадой: «Я так с тобой монахом стану». Она даже перепугалась, воскликнула: «Ну уж нет!» Страстность её была фантастической, несмотря на разговоры о холодности прибалтийских женщин.

Семён вспоминал отношение женщин к собственному телу. Как он ехал из Польши, и в Бресте, где меняют колёса не меньше двух часов, поезд осаждали торговки: копчёная колбаса, драники, жареные и варёные куры, горячая картошка, малосольные огурчики, рыба горячего копчения. Входили, предлагали пиво и водку. Сосед, уже пьяный, спал на самой верхней полке. Одна из вошедших, лет тридцати пяти, была очень миловидной: «Ну купите, мужчина. У меня сегодня никто ничего не купил!» Хворост отрицательно покачал головой. Она вздохнула и пошла дальше по вагону. Минут через пять Семён вышел в тамбур покурить. Там стояла эта миловидная женщина с сумкой бутылок, сумкой, так и не опустевшей. Она подошла к нему: «Может, всё-таки купите, мужчина? Хотя бы одну!» Он пожал плечами: «Нет, вы уж извините. Не хочу». Она снова вздохнула: «Купите, всего сто рублей. Да и я бы с вами за компанию рюмочку выпила. У меня и драники есть – закусить. А на сладкое кабету получите». Семён знал перевод слова: «женщину». Но не понял: «Какую кабету?» Она так просто ответила: «Ну, меня. Ваш же сосед спит наверху, он пьяный и ничего не увидит». Семён шархнул и отрицательно замотал головой, хотя ему жалко её стало.

Когда уходили, на мобильный позвонила Ветка:

– Ты куда ночевать едешь, Хворост?

Тот ответил:

– Наверно, в старую квартиру. Там проблемы с Кристиной.

Ветка взорвалась:

– А со мной проблем нет? Ты, Хворост, определись, с кем ты живёшь! Хочешь ли ты меня или нет? Мне надо знать, чтобы в самой себе разобраться.

Валентина выжидающе смотрела. Хворосту не понравилась необходимость объясняться прилюдно, да и душа горела ужасом случайного убийства:

– Слушай, Ветка, я не могу сейчас с тобой отношения выяснять.

– Ну смотри, Хворост! Касымов мне каждый день звонит.

И она отключилась.

Так что вариантов не осталось. Он поехал к Вальке. Да и туда не хотелось. Он думал: «Мне нет места ни в чьём доме».

Глава 6

РАЗБОРКИ

Вышли они первыми. Впрочем, Семён так и хотел. Пока остальные мешкали в прихожей, целовались с Танюшкой, ругали, но нежно, гулёну и пьяницу Олега, он твёрдо взял Вальку за руку, вывел из квартиры и, не ожидая застрявшего где-то лифта, сбежал вместе с ней по ступеням. Какой-то ужас, какое-то странное предчувствие, говорившее, что надо уйти как можно скорее, гнало его. Они почти выскочили из подъезда. И быстро пошли к остановке.

– Куда ты несёшься? – спросила Валя, стараясь идти в ногу с Семёном.

– Надоело всё, всё осточертело! – ответил Хворост, не снижая скорости.

Им надо было пройти мимо мусорных баков. Семён скосил глаза и замедлил шаг. Около баков толпились люди, перед ними стоял милиционер и руками отпихивал наиболее настырных, выкрикивая: «Машину жду со следователями, приедут, будут всё обследовать. А пока не мешаемся».

Хворост сделал вид, что хочет тоже туда подойти.

– Зачем тебе это? Опять кого-нибудь убили! Пошли лучше домой.

И Семён дал себя увести. Но в автобусе и в метро он молчал, стараясь казаться более пьяным, чем был. Они вошли в квартиру. Валька, беспокоясь, хотела взять портфель из его рук, но он почти грубо оттолкнул её.

– Это отнесу сам в мою комнату, а ты иди в душ. Потом я. Потом к тебе приду.

Ему хотелось спрятать себя куда-то. Самое верное и привычное – в женщину.

Валька слабо охнула и даже вся засветилась:

– Только Кристине скажу, чтобы нас не беспокоила.

Семён зашёл в свою комнату, быстро снял пиджак и принялся пристраивать портфель. Хотел поставить рядом со столом, но потом запихнул его под диван. Распрямился, сел за письменный стол. В дверь просунула голову Кристина. На удивление, она как-то очень светло улыбалась:

– Папа, ты вернулся? Мама счастлива. Неужели так бывает? Мама уже в ванной душ принимает. Ты к ней пойдёшь?

«Взрослая уже дочка, все понимает и как по-женски», – подумал Семён, а Кристина прижалась щекой к его щеке и выскочила, шепнув:

– Ванная свободна, можешь идти.

После душа, крутя головой, но, не сомневаясь в себе, возбуждённый водкой и убийством, Хворост вошёл к своей истончавшей жене. Она и всегда-то была худенькая, а сейчас, когда он сдёрнул с неё одеяло, он увидел вдруг, что маленькие и худые женщины почти не стареют. Но она закрыла лицо руками, сжала колени, словно невинная девочка. Он сел рядом, потом лёг, отвёл руки и впился ей в губы, разжимая своими ногами её ноги. Она вдруг вздрогнула, на глазах появились слёзы:

– Сёмушка, я боюсь, что совсем разучилась. Я ведь уже несколько лет соломенная вдова, прости, если что не так будет. Я словно девушка снова.

Но Семён так и не снял напряжения, разве что как бы отодвинул мысль о случившемся.

– Ты к себе пойдёшь? Не останешься? Понимаю, понимаю, тебе трудно перестроиться.

Он ушёл в свою комнату, включил компьютер и открыл почту. Там было только письмо от Ветки, как всегда, лаконичное и недосказанное: «Надо тебе со мной немного поговорить». Кому надо? Ему надо? Или ей надо?

Запутался он в своих как бы жёнах. Связал их с собой. Из-за этого Алёнку потерял – не третью же на себя взваливать! Почему-то отчётливо понял, что желание к каждой из них появляется лишь при встрече. Страсть, когда, не видя женщины, только думая о ней, ты испытываешь эрекцию, к обеим этим женщинам уже угасла. К Алёнке, пожалуй, тоже.

Что за существа женщины? Он открыл листавшуюся не раз книгу Отто Вейнингера про пол и характер на случайной странице и прочитал: «Мужчина никогда не любит женщину, и женщина недостойна любви, – он лишь влагает в женщину «душу», влагает свою идею совершенства, свою ценность. Такова идея чистой эротики. Сексуальное же отношение к женщине есть источник греха и рабства». И ещё: «Женственность есть стихия, враждебная личности, враждебная разуму и совести, привязывающая к роду, к родовой производительности, стихия, враждебная бессмертию».

И тут зазвонил телефон. Семён глянул на часы – было уже около часа ночи. Так поздно обычно звонил только Лёня Гаврилов. И точно, это был он. В трубку зарокотало:

– Знаешь, что произошло? Представить себе не можешь. Олега убили. Застрелили. Зоинька так испугалась!

– Кто?! Как?! За что его-то? Не банкир, с мафией не связан... Ты бредишь! – голос его, на удивление, звучал естественно, выражая удивление, шок, ужас.

– Никто ничего не знает. Подозрения, конечно, есть...

Тут Лёня замедлил речь, и Семён похолодел, ожидая каких-то опасных для него соображений. Но Лёня просто жевал:

– Знаешь, старичок, с перепугу жор напал. Ем, не могу остановиться. Тело Олежки соседи за мусорным баком нашли. Убийца его туда затолкнул. Но так, что обнаружили. Его из пистолета Макарова застрелили. Это менты нам сказали. Вы-то с Валюшкой первыми ушли. А мы пока целовались, вдруг менты явились. Знаешь, даже обыск устроили. И представляешь – нашли пистолет. В сумочке Сипуновой. У неё ведь муж из органов. И одной пули в обойме не хватает. Она же, помнишь, грозилась Олежку убить. Вот спяну и шамальнула. И так, сука, потом к этому Бубонову пристраивалась, следы заметала...

– Ну и что?

– Забрали до выяснения.

– Господи! Бедная Танюшка! – сказал Семён вполне искренно. И вдруг обмер от собственного двоемыслия, двоячества. Нельзя раздваиваться. Так пропасть раньше времени можно. А ему продержаться надо до завтра, до шести и даже до семи вечера. Он почему-то был уверен, что к семи Бубонов ждёт Алёнку.

Лёня хмыкнул, слышно было, что удивлённо:

– Знаешь, Танюшка как-то спокойно это приняла. Даже, скорее, сурово. Сказала, что, мол, допрыгался кобелина. Какой-нибудь муж или чей-то отец дознался от дочки, ведь, мол, Олег Иванович, как известно, своих учениц всегда любил использовать. Раньше из-за денег их набирал, а потом из спортивно-сексуального интереса. А Сипунову она плохо знает. Я-то считаю, что её муж отмажет, всё-таки из органов. Ладно, надо бы Олежкиных девочек обзвонить. Вдруг перехвачу какую-нибудь. Олежка их хорошо дрессировал.

Лёня положил трубку. Семён стоял не шевелясь, трубку держал в руках. Из своей комнаты вышла Валя, уже надевшая просторную ночную рубашку, смущённая и ласковая, какой не была уже многие годы.

– Что-то случилось?

– Олега кто-то застрелил, – тон был спокойный, но внутреннее беспокойство ей явно послышалось.

– Какой-то караван смерти. Но не переживай. Я понимаю, что в два дня потерять трёх друзей – это тяжело. Но зато у нас всё вернулось. Ты рад, правда?

– Рад, – соврал он, а сам подумал, что, будь в тот момент на месте Валентины Иветта, было бы то же самое. Он просто прятался в женщину от самого себя.

– Спокойной ночи, дорогая, – он поцеловал её в маковку. Хотел сказать «родная», но мысль о Ветке удержала его. Кто из них родная?

– Давай я хоть перестелю. Ты уж месяц бельё не менял. А сейчас ты душ принял. И вообще хочу к тебе, хочу спать с тобой. Я так устала быть одна. Я много глупостей наделала. Но и ты тоже. Мы помудрели, да?

Семён подумал, как одинаковы любящие женщины. Сколько эсэмэсок в командировках он получал от Алёнки: «Хочу к тебе!» Даже иронично-трезвая Ветка, когда его занесло в какую-то африканскую глушь, где путешествовал со случайными попутчиками, написала ему

смс: «Хочу с тобой». Интересно, сколько подобных ответов он ещё получил?

Да уж! И, полюбив Вальку, подвёл к двери и сказал:

– Не будем торопить события.

Она покорно кивнула головой:

– Ладно, не будем. Я понимаю, тебе сызнава надо привыкать. Но знай, я всё пойму и всегда тебе помогу. Хочу только тебе сказать, что через два дня приезжает Кристинин швед. Они решили пожениться. Так что, может, внуки пойдут и я стану совсем счастливая. Ну, иду-иду.

Он уже был полураздет, влез в пижаму и рухнул поверх одеяла. И все ужасы дня словно отступили. Пьяный, насытившийся и обесиленный любовью, убийца тут же заснул. Часа два он спал безо всяких сновидений. Проснулся от жажды и дикой головной боли. В полусне соображая, что не надо никого будить, он босиком выскользнул на кухню, налил в кружку воды из кувшина, выпил одним глотком, перевёл дух, нашёл анальгин, разжевал таблетку, чтобы скорее подействовала, и запил нажёванную смесь водой. Потом так же тихо вернулся в свою комнату.

«Что я творю? – думал он. – Где я живу, в конце концов? С кем? И на хрена тебе Бубонов? И не всё ли равно, спал он с ней или нет. И тем более – спит ли сейчас? Ведь и вправду сексуальность – источник греха и рабства. Несёт как щепку неизвестно куда. Своей воли, что ли, нет? Мы, конечно, по очереди вкладываем в каждую женщину, с которой спим, идею совершенства. Но женщина поначалу хочет от мужчины получить своё бессмертие, а кончается тем, что она либо толкает его в быт, либо находит другого, устроенного в быту лучше, «упакованного». А это ведёт к смерти. Видимо, так. Вейнингер прав: бессмертия женщина не даёт. Да, смерть. Смерть и любовь неразрывны. Или уже решение принято?»

Он снова улёгся, на сей раз укрывшись одеялом, сердце стонало. «Бедный Олег! Как вдруг он мне под руку попал? Проще было себя убить. Да, себя. Хотя ненависть к Бубонову у меня всё же никак не уйдет...»

И он уснул – будто попал в другой мир.

Он сидел с Колькой Грачом за длинным деревянным столом под башней, стоявшей напротив метро «Сокольники». Перед ними стояло по три или четыре кружки с пивом. Только будто как-то всё смешалось. По улице едут троллейбусы и пролётки, кареты с дамами в шляпках со страусиными перьями, гвардейцы кардинала, мушкетёры в шляпах с плюмажами, идут трамваи, автобусы, сумрачные прохожие, в открытом авто едет Лужков в кепке, машет рукой, приветствуя москвичей, из метро вываливаются усталые люди. Много южных людей, стоявших у лотков на бульваре, зазывают к себе прохожих, предлагая разный товар. Рядом почему-то парает Невы, а не Москва-реки, которой в этом месте тоже не должно бы быть.

– Ладно, – сказал Семён, – раз так встретились, то давай пива-то всё-таки попьём.

– Ох забыл ты, как хохлы о пиве говорят. Помнишь мой анекдот?

– Ну?

– «Мыкола, знаешь, как москали называют пиво?» – «Как?» – «Пииниииво!» – «Поубывав бы..»

Семён засмеялся, Коля схватил его за руку. И дружески сжал пальцы:

– Посидим подольше, Марьяна подойдёт. Она поняла и приняла моё раскаяние.

– Раскаяние в чём?

– Потом поговорим. Смотри: террорист, – сказал вдруг Грач, указывая на бледного, с узкой бородкой паренька в косоворотке. – Сейчас Лужка взорвёт.

Паренёк взмахнул рукой – раздался взрыв, дым, ничего не видно. Когда дым рассеялся, вместо Лужкова лежал император – Александр Освободитель, а автомобиль Лужкова скрывался в заграничной дали. А мимо метро «Сокольники» ехал царь Алексей Михайлович, около него на лошадях скакали мужики с соколами на руках, потом соколы взмыли в небо, а высокий мужчина, похожий на Маяковского, громогласно читал: *«И соколы –/сталь в моторном клёкоте –/глядят,/чтоб не лезли орлы»*. Рядом стояли люди в кожаных куртках. Потом один достал пистолет и протянул поэту. И тот выстрелил себе в грудь... Или не выстрелил. Но упал, а человек в кожаной куртке вдруг исчез. И поехали чёрные машины, из них выскакивали кожаные куртки, хватали прохожих и засовывали в эти машины, понятно, что это были «чёрные вороны». Вороны прилетели на место соколов, а может, соколы превратились в воронов.

Семён оторопело смотрел, как на месте Алексея Михайловича появился Пётр Великий, а рядом лобное место, и он топором рубил склонённые головы стрельцов, с трудом перерубая жилы, мясо и кость. «В крови выростала великая Россия! – сказал маленький кучерявый негр. – Измены никому не прощал, словно сам был арап». И точно – уже поднимал отрубленную голову бывшей своей любовницы Анны Монс, целовал её в губы и объяснял дрожащим придворным устройство жил и костей, демонстрируя их на отрубленной шее.

– Ужас! – прошептал Хворост, думая, что он-то Алёнку просто застрелить хочет.

– Ну, наш-то Преобразователь ещё ничего. Вспомни английского Генриха, который всех жён показнил. А вот и наше всё.

И Семён увидел кучерявого маленького камер-юнкера, стрелявшего с земли в красавца гвардейца и с криком: «Попал! Попал!» упавшего в снег. А потом библиотека, где умирал за измену своей жены хотевший убить соблазнителя великий русский поэт, вернувшийся перед смертью к вечным ценностям: «Прощайте, друзья мои, книги», – шептал он, глядя на книжные полки.

И Коля, улыбаясь своей хитроватой и смущённой хохляцкой улыбкой, пояснил:

– Он здесь застрелился у двери любимой. Помнишь, мы об этом говорили с тобой, что на том свете мы будем жить в пространстве наших разговоров о России. Только и здесь такая же чересполосица. Мы ведь прыгали с одной темы на другую. И здесь то же.

И точно: граф Орлов шёл рука об руку со своей венчаной женой – княжной Таракановой, налетели вдруг преображенцы, граф, вроде бы, не сумел справиться с ними, и отправилась княжна умирать в камеру Петропавловки, куда её привёл любимый.

– А я тоже на том свете?

– Ну нет ещё, но на пути сюда. Ты погляди, вон и блоковские «двенадцать».

И точно: вдруг из-за угла вышла компания блатных – в шинелях, примятых картузах, с сигарками, прилепленными к нижней губе. В руках эта нелюдь держала винтовки. Начинаясь метель. Из метели вылетела пролётка, в ней солдатик и какая-то черноволосая красотка. Солдатик обнимал её, она запрокинулась лицом, зубки блещут жемчужом. Странно, вроде, этого нельзя было увидеть, но они видели. Один из обезумевших «двенадцати» начал палить из винтовки по пролётке с криком: «Моя! Моя!» И вот девица выпала оттуда с пулей в спине. И Петруха прошептал: «Ах ты, Катя, моя Катя, толстоморденькая!» И пьяный убийца бормочет: «Из-за родинки пунцовой возле правого плеча...»

Семён спросил:

– А из нашей жизни?

– Часто её вижу. Ведь я её убил.

– Ты что, с ума сошёл? Ты себя убил из-за её смерти.

– Нет, дружище! Хотел похвалиться, чтоб знала, как меня уважают, что её и без меня примут как важную персону. А надо было вместе ехать. А если совсем честно, то хотел её проверить, всё же почти на тридцать лет моложе меня. Вдруг за три недели без меня мне заместителя найдёт. А Клавку, в машине которой она погибла, просил проследить за Марьяной. Вот и получается, что сам на смерть её пристроил.

– Ты сейчас на себя наговариваешь с горя.

– О нет! Ты понимаешь, мы за наших женщин в ответе. Особенно за любимых. Но их-то мы и губим. Помнишь, я тебе говорил о Немезиде, тёмном двойнике солнца, и говорил, что Немезида – это богиня мести, а потому это тёмная сторона нашей жизни. А тут я читаю, благо, все книги есть, и у твоего любимого Камю наткнулся на Немезиду.

– Кажется, я читал, что Немезида – это безумная ясность ума.

– Нет. Он, видимо, не раз об этом думал. Да я тебе прочитаю.

Грач откуда-то из воздуха вынул книгу, раскрыл и начал читать:

– «Немезида. Любовь может убить, причём без всякого оправдания, кроме самой любви. Можно даже обозначить границу, за которой любовь оборачивается убийством других людей. В некоторой степени любви вообще не может быть без виновности – и личной, и абсолютной. Но виновность эта всегда одинока».

Он закрыл книгу:

– Ну и так далее. Оправдать тебя в этом деле никто не сможет. И ты меня не оправдаешь. И я тебя. Мой пистолет у тебя. Но могу и хочу сказать, что ты всё же еще *пидумай*.

– Он тоже казак, как и ты!

– Что значит тоже? Он бандит. У друга дивчину увёл. А дивчина твоя, небось, балованна. Что? И этого анекдота не помнишь? Ну, слушай. Баба сына приводит к соседке и спрашивает: «Агрипина, шо не люб твоей Гале мой Микола?» – «Ем, зовсим не люб». – «А ну, Микола, скидай портки». – «Стыдно, мамо». – «Кому сказано: скидай!» Агрипина: «Ого!» – «Вот и я говорю: «ОГО!» А Галя ваша балованна!»

– Точно! – вдруг со смешком сказал кто-то.

Они повернулись, и Семён почти с ужасом увидел Олега Любского, одетого во вчерашнюю кожаную куртку, только следов выстрела, крови и прочего на ней не было.

Олег подвинулся по скамейке к Семёну:

– Да я не сержусь, знаю, что убил меня нечаянно. А я зато, как невинно убиенный, в рай попал. Да и когда-нибудь надо помирать. А тут раз-два – и в раю. А там – словно меня ждали: и девочки, и выпивка, и всё высшего сорта. Нет, правда. Ну там высшие на меня посмотрели: бабник, пьяница, но никому зла не причинил, никого не убил... Это, Сёмкин, я не упрекаю тебя, просто так было. В рай отправили. Просыпаюсь сегодня на траве-мураве, «надо мною небо – синий шёлк», солнышко, птички песни поют. Встал, потянулся, ничего не болит. Смотрю: передо мной трактир как в английских романах. Иду, все вежливые, по-русски говорят, желания угадывают. Налили ирландского виски, какой-то жареной снедью накормили. Вышел, а кругом девушки в прозрачных хитонах почти порхают. И ведь, представь себе, не путаны, но мне отдаются охотно. А у меня на это дело и сил, и охоты больше даже, чем на Земле. Я пошёл бродить, смотрю – никаких ангелов, ни серафимов, ни херувимов. Вдруг дедка вижу и спрашиваю про ангелов. А он мне в ответ поучительно объясняет, что ангелы в раю для верующих, а я, мол, попал в рай для неверующих.

– Он прав, – сказал Грач. – Кстати, Олег, нас же Семён знакомил. Привет! Давай лапу! А прав ты в том, что у меня свои тут проблемы. Я всё время получаю извещение о смерти Марьяны, везу её гроб из Пекина в Москву, хороню и начинаю снова пить.

– И как ты это объясняешь? – спросил Семён, не понимая, грезится ему всё это или нет.

Ответил Олег:

– Как? Да очень просто. Вот на воротах концлагерей писали: «Каждому своё». Так и тут. Все получают по заслугам. Что и как происходит, кто решает – не знаю. Бога не видел. Но как-то посмертные судьбы раздаются. А может, Он все закрутил, а Сам со стороны смотрит. И воздастся каждому по делам его... Так и получается. Здесь как бы издеваются. Дают каждому прожить так, как он жил. Это на самом деле наказание. Мне уже надоело трахать этих гурий и пить виски. Расскажу тебе комическую историю о Льве Тол-

стом, помнишь такого? Он всё призывал образованных людей пахать по восемь часов в день, потом заниматься другой крестьянской работой, а потом писать и уверял, что их произведения от такого труда только выиграют. Так вот, он пашет, хозяйством занимается, а перед сном плачет, что сил на писание не остаётся. Запомни, Семочка: у тебя будет другой «тот свет».

– Олешка, ты неисправимый болтун. Даже «тот свет» тебя не изменил.

– Семка, я же тебе сказал, что там ты получаешь то, что было для тебя самым важным на Земле. Перестань рефлексировать, а то тебе в новом мире хана. Будешь думать и переживать, а при этом даже лопнуть от напряжения не сможешь. Просто ты свою судьбу носишь в себе.

– Да ладно тебе. Банальность это! Если бы всё было так просто! – Семён засмеялся.

– Почему банальность? – склонился к нему Олег. – Всё и в самом деле просто. Вселенная просто существует, и там всё устроено по банальным законам, иначе давно бы всё кончилось. А ты на такое дело решился! И зачем? Усложняете всё, Семён Георгиевич! Ни девушку свою, ни её хозяйина пулей не изменишь. О себе подумай.

– Думай, хлопец, думай, – сказал Грач. – Жизнь и без нас убивает. Ведь смерть – это корень жизни. Не знал? Я тоже не знал, тут узнал. Жизнь вовсе не способ существования белковых тел. Она ведёт к не отменимой никем смерти. Надо ли ускорять её ход?

Хворост думал: «За что убивают? Её за что? За то, что хотела быть его нобелевской премией, а сама оставила его! И почти убила. Чуть руки на себя не наложил. Принести жертву Афродите. Сама же говорила, что послана мне богиней. Богиня и отомстит моей рукой. Боги сами не мстят, у них всегда подручные».

– Да, – сказал Семён, – как писал ещё один поэт:

*Убил возлюбленную Он,
И потому казнён.
Но каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один – жестокостью, другой –
Отравой похвал,
Трус – поцелуем; тот, кто смел, –
кинжалом наповал.*

Но тут друзья и стол, за которым они сидели, и пиво, и павильон метро «Сокольники», и парапет реки, и улица с историческими персонажами растворились в воздухе. Семён остался один и должен был сам решить, насколько он прав в своём решении.

Хворост проснулся, чувствуя в голове какую-то мистическую дурь. Ощущая, что ждёт его сегодня какая-то неприятность. Бывает, что люди просыпаются с ощущением, какой для них сегодня день:

будет ли всё ладиться или всё будет валиться из рук. Ещё лежа щекой на подушке, он вдруг ощутил страшный холод внизу живота, и тут же пришло осознание этого холода: он вчера почему-то застрелил Олега Любского-Многолюбского-Безлюбского... Сейчас он не мог даже вообразить, как получилось, что пистолет выстрелил. Так после дикой пьянки с ужасом думаешь: что же именно ты натворил вчера? Какой из очевидных грехов он вчера совершил? А просто убил старого приятеля. И наметил ещё одно или два убийства. И ещё гадкое сделал: дал вдруг надежду Вальке, что он к ней вернулся. И Кристина так обрадовалась. Теперь она меня окончательно возненавидит. А ещё Семёнка и Ветка... Он взял мобильный, включил звук. Автоматически, когда был с какой-то из женщин, звук на ночь отключал. Звуча не было, но пришла от Ветки пара эсмэсок: «Нежно целую и сегодня навещу тебя вместе с Морфеем. Люблю тебя». И ещё: «Ты меня совершенно измучил своим молчанием. Без тебя плохо».

Семён прислушался. Похоже, квартира была пуста. Он тихо выполз. Увидел, что дверь Кристины заперта на ключ. Она всегда запирала, когда уходила надолго. Комната Валентины открыта, но её там не было. Он зашёл на кухню, запахло вкусным кофе, стояла на тихом подогреве кофейная машина, овсянка, сваренная как он любил. Лежала записка: «Сёмушка! Увы, убежала на работу. О планах твоих не спрашиваю. Сам решишь. Но кофе сварила. Кашу подогрей, холодную не ешь. Позвони только, если сможешь, где будешь ночевать. Целую. Твоя Я».

Почистив зубы, вернулся в комнату и стол же автоматически сделал привычные отжимания и качания пресса. Стараясь ни о чём не думать, Хворост съел овсянку, не разогревая её, одновременно прихлёбывая из чашки кофе с молоком. Если он пил кофе с молоком, то вкуснее было без сахара, а чёрный требовал ложку или две сахарного песка. Газет он давно не читал, неинтересно стало. Когда-то чтение «Правды» между строк и то было интереснее. Был ясен противник, понятно, что он что-то скрывает. Надо было понять, что. Теперь, вроде бы, всё открыто, но надо было всё считать. Какой олигарх оплачивает, какому под хвост перцу насыпали, а политика была так понятна, как международная, так и внутренняя (от Грузии, Украины и Штатов до Ходорковского, Немцова и Чечни), что даже думать об этом не хотелось. Произошли какие-то необратимые изменения в культуре. Вдруг сам себя схватил за руку. Почему я не думаю об убитом мной человеке? Уже неинтересно? Посмотрел на часы.

На три часа, как всегда по вторникам, назначил директор Учёный совет. Но Хворост знал, что статус позволяет ему не ходить. Он включил компьютер, но писем не было, Facebook тоже безмолвствовал. «ВКонтакте» кто-то предлагал ему дружбу, он навёл курсор на фото девицы, излагавшей свои житейские максимы:

Она: «Путай любовь с влюблённостью – это одно и то же, шлюху сравни с нетронутый – женщины так похожи».

«Неужели так и есть? Между шлюхой и нетронутый разницы нет? Устами пигалицы... Какие-то куриные мозги, – опять с тоской подумал Хворост. – Для них и газет не надо, достаточно компьютерных сайтов.

Ладно. Вообще-то пора и о себе подумать». Если он и в самом деле совершит то, что хочет, надо бы последний раз поговорить с Иветтой и Семёнкой. Он достал мобильный, в задумчивости посмотрел на него. Надо бы с домашнего, на мобильном немного денег, а он может пригодиться. Но звонить на домашний боялся, могла подойти мать Иветты. А слушать в свой адрес гадости не хотелось. Уж хуже того, что он сделал и ещё собирался сделать, не придумаешь. Тут, конечно, мобильный зазвонил. Это была Ветка.

– Кикимора твоя дома? Ну извини, я без злобы. А как мне её ещё называть? Она держит у себя моего мужчину, что, я ей спасибо за это должна сказать? Вспомни, когда мы занимались любовью, сколько раз она звонила и снимала тебя с меня. Забыл? А я нет. Ну, раз её нет, значит, можешь говорить. Что же ты мне со вчерашнего вечера ни разу не позвонил?

– Скажи, я могу перезвонить на домашний?

– Входящие бесплатны. Но тебя всегда жаба давила. Матери нет. Звони!

Семён перезвонил и принялся оправдываться. Веткин напор его всегда ошеломлял:

– Я вчера на похоронах старого приятеля был. Ты его не знала. Сравнительно молодой – пятьдесят девять лет!

– О да! Все вы мальчишки-кибальчишки!

– Шутишь – уже неплохо, – попробовал улыбнуться Семён. – Но он как-то глупо помер... – И вдруг остановил себя: сказать, что от пьянства, как Грач, то как-то жутковато его друзья выглядят. – Сердце отказало.

Но Ветка понимала.

– Перепил, что ли? Вот мой Касымов не пил и не пьёт.

– С каких пор он опять твой?

– А с тех, как ты меня кинул. Ты же меня кинул, Хворост. Я дочку тебе родила, из дома к тебе ушла, а ты остался у своей кикиморы. Скажешь, не так?

– Ну не совсем так. А потом пойми. Вчера вечером кто-то моего приятеля, которого с юности знаю, Олежку Любского, застрелил. Подозревают, кстати, твою знакомую Марго Сипунову. Вряд ли она, но кто застрелил – непонятно.

– Как кто? Ты и застрелил. Поэтому и торопишься мне рассказать. Разве не так, Родион Романович? Сипуновой-то слабо такое сделать. Баба!

Она, конечно, ёрничала, но Семён растерялся и замолчал. Язык почему-то перестал шевелиться. А вдруг что-нибудь известно? Ветка решила, что он обиделся.

– Ну не сердись. Я не хотела тебя обидеть. Что-то тебе на друзей по-плохому везёт. Не ходи больше на похороны. Приезжай наконец домой. Моя подружка устала ждать своего друга. Ты там где-то удовлетворяешься, а я тут соломенной вдовой сиди! Хватит. Иди, обрабатывай свою делянку, раз её выбрал. Короче, вечером к шести я тебя жду. Вначале в консерваторию. А потом домой – и в койку. Хочу тебе сказать, что я в банке взяла ссуду без процентов на однокомнат-

ную квартиру и уже внесла первый взнос. В нашем подъезде. Будет у тебя отдельный кабинет, по ночам я буду к тебе захаживать. Как тебе это нравится? Потом ты состаришься, Семёнка в девушки выйдет, мы ей эту квартиру и отдадим. А мама, думаю, поуспокоится. Она тоже не молодеет.

– Здорово! И всё правильно. Могу признаться, что и я скопил на однокомнатную Молчал, хотел сюрприз тебе сделать. Так что ещё и съездить куда-нибудь на лишние деньги сможем. Но пойми: я сегодня не смогу прийти – у меня на шесть встреча с издателем назначена.

– Ох, Хворост, что же ты резину так долго тянул и молчал? Лишних денег, конечно, не бывает. Но я с тобой сегодня пойду. Надеюсь, я тебя не скомпрометирую. Всё же я ещё ничего себе дамочка. Мужики оборачиваются. Была сегодня на открытии выставки, мне сообщили, что я обворожительна. Еле ноги унесла. Поторопись! Ты все разговоры с издателем переговоришь, а потом на такси. Можем и опоздать немного. Он где живёт?

– Послушай, Ветка. Ты можешь говорить мне что угодно, но вечер у меня занят. Это для меня слишком серьёзно. Я тебе потом объясню.

– А сейчас что тебе мешает? Опять убить кого-нибудь хочешь?

– Не сходи с ума. Просто сейчас не могу.

Иветта замолчала. Молчала долго. Хворост тоже замер. Что ему было говорить?

Потом она сказала:

– Ты, Хворост, перетянул резину. Я возвращаюсь к мужу. Он меня и с твоим ребёнком, с Семёнкой, примет. Касымов мне всё время говорит: «Душа моя, джаным, моя сладкая, шекерим, вернёшься – ковёр от подъезда по всей лестнице расстелю до самой квартиры. Чтобы моя королева знала, какая роскошь её ждёт». Он меня любит, а ты нет. До сих пор норковой шубы не купил. Я думала до завтра подождать. Теперь вижу, что опять дура. Пусть заберёт нас сегодня.

– К какому мужу? Я твой муж.

– Ты забыл, что мы даже не расписаны. Ты сколько лет тянул, хотя деньги, мне кажется, у тебя уже были. Чего-то выжидал. А может, и другую зазнобу завёл. Но это уже твои дела. Меня они не касаются. Мне всё надоело. Больше не хочу тебя ждать.

Она резко положила трубку.

Кажется, бессмысленно завязавшийся узел его жизни сам собой развязывался. А впереди ещё и тюрьма. «Не дай мне Бог сойти с ума, нет, лучше посох и тюрьма!»

Глава 7

РАЗВЯЗКА

Раньше он тосковал по её запаху, по её телу, поцелуям. Сам не знал, по чему именно. По всему. Лёжа на диване, закрывал глаза подушкой, чтобы подавить слёзы. Потом отправлял Алёнке смс: «Хочу умереть. Не могу без тебя». Ответ тогда как-то вдруг пришёл: «Крепитесь. Вы же сильный. Займите себя чем-нибудь. Или уж умри-

те. Но не дёргайте меня за нервы!» Но он не мог, не хотел больше жить без неё. «Дорогая подруга моя из созвездия Лебедь». Да, когда-то он хотел умереть. Но сейчас он как-то со стороны оценивал недавние свои чувства. Они казались нелепостью. Просто мысль двигалась автоматически.

«Человек – единственное существо, которое знает смерть. Все прочие старятся, однако с сознанием, всецело сосредоточенным на мгновении, которое должно представляться им вечным», – думал он. Он как-то всё время их романа не понимал, что у неё есть муж, знал про него, иногда она говорила о его ревнивой подозрительности, призывала быть осторожнее. Иногда бранила его. Он в какой-то момент перестал понимать, что она замужем, настолько она была и душой и телом в его власти. Она была его женщиной, а муж словно бы и не существовал. И то, что он не был с ним знаком, облегчало ему власть над этой женщиной. А если что-то попало в руки мужа? Он вдруг подумал о муже всерьёз и с ужасом вспомнил рассказ Герберта Уэллса «Над жерлом домны», когда муж, узнав об обмане, сбросил любовника жены в пылающую пропасть домны. И наблюдал, как плавится тело человека, червяком скользящего по раскалённому пространству купола, слушал его крики, пока любовник, уже практически мёртвый, ещё хрипел и вращал глазами, пока не рухнул в пламя. Бездна страсти, куда бросается влюблённый, – это бездна, то есть пустота, пустота небытия. Он почувствовал, как снова ожгло тело по груди, словно вернулся пояс герпеса. Он встал, пошёл в ванную комнату, поднял перед зеркалом рубашку в поисках красных пузырьков: их не было. Неконтролируемая реакция тела на очередное нервное потрясение. Самое странное, что не на случайное убийство приателя, а на воспоминания об Алёнке.

Отказ от высших ценностей обращает наше бытие в небытие, в то, что не останется в мире, в том высшем мире, где остаётся дух. Греки не случайно говорили, что душа философа не умирает. А умирают души остальных людей. Христианство дало надежду всем. Но быт – это то, что важно для бытия, но не им держится бытие, он даёт возможность реализации. Но он не хранит отпечаток личности. Хотя всё музейное искусство построено на том, чтобы из быта, из квартиры писателя или художника вычислить его дух, его душу. Но это невозможно. О Галине Кузнецовой помнят лишь потому, что она была прикосновенна к духу Бунина. Но ей это было совсем не нужно.

Снова позвонил Лёня Гаврилов. Сердце сжалось.

– Сёмка, я по поводу Олежки. Меня в ментовку вызывали. Спрашивали, что и как. Кто мог, кто был. Сипунову между тем отпустили. Её муж забрал оттуда. Крутой, видать, детина. Но вот что тебя касается. Когда они спрашивали, кто был, я, старичок, не мог не назвать тебя. Ну и дал твой, то есть Валькин, телефон и её же адрес. Звоню предупредить.

Он не успел решить, надо ли ему слинять из дома, как зазвонил телефон. После колебания – хотя чего было колебаться – Хворост снял трубку.

– Мне нужен Хворост Семён Георгиевич. Это из районного отделения милиции вас беспокоят, – несмотря на вежливость, голос был грубый и пропитой. – Ему надо явиться в отделение по поводу совершённого убийства. Он один из тех, кого мы хотели бы допросить.

– То есть как? – напряжённо воскликнул Семён. – Я об убийстве узнал, только вернувшись домой. Мы с женой приехали, а через час нам позвонили. Я профессор университета и не потерплю огульных обвинений!

– Вы неправильно поняли. Вас никто не обвиняет. Просто мы хотели бы с вами побеседовать об убитом. Скажем, завтра в двенадцать. Комната одиннадцатая, второй этаж. Устраивает?

– Вполне, – ответил Семён. И поехал к издателю.

Квартира Бубонова была огромная. Не квартира – впрямь издательство. Вход во дворе, подвал, домофон, вопрос, кто пришёл. Семён назвался, дверь отворилась. Он вошёл, спустился по ступенькам вниз. Спуск по лестнице был длинный, вдоль бетонных стен, напоминал не то спуск в бомбоубежище, не то в пещеру дракона, похитителя девиц, а он вроде рыцарь, нашедший пещеру и готовый жизнь положить за свободу пленницы. По правую руку на небольшой площадке находился туалет, слева гардероб. Потом, ещё ниже, кабинет директора. По правую руку от кабинета увидел проход в другую комнату, любопытствуя, глянул, увидел столовую, где, видимо, обедали сотрудники издательства. Перед директорской дверью были в простенках стеллажи с книгами издательства. Литература в основном переводная, но изданная прилично, в твёрдых переплётках. По левую руку увидел несколько запертых комнат, видимо, для уже разошедшихся по домам редакторов. Дверь в кабинет начальника была открыта. Хворост вошёл туда, дракона не увидел, за столом уже не в английском твидовом, а в мягком вельветовом пиджаке сидел Бубонов, в больших, на сей раз прозрачных очках без оправы, крупная голова, седоватые, с пробором, густые, лежащие волной волосы, большие усы, немного свисающие по бокам. На лице сохранялось выражение значительности, но щёки уже дрябловатые и рот почти старческий, будто провалившийся. Но зубы были, отчасти и золотые, говорил не шепелявя, курил длинную сигарету, пуская дым кольцами, отставив руку в сторону. Увидев Хвороста, привстал, протянул руку и показал на кресло напротив, повернулся вместе со своим креслом, достал из шкафчика под стеллажами бутылку виски «Teacher» и два стакана. Вынул кусок салями и карбонат, нарезал ломтиками на тарелку. Плеснул примерно на три пальца и спросил: «Вам со льдом?» Семён кивнул, оглядывая кабинет. Ничего особенного: папки, пепельница, шкафы с книгами у него за спиной, такой же шкаф рядом с хозяином, внизу отделение для мини-бара. За спиной Бубонова висели фотопортреты женщин, и лицо одной женщины, толстоморденькой, черноволосой, с горящими глазами, ямочками на полных щеках, улыбающееся застенчиво-открытой и одновременно зовущей улыбкой, он не мог не узнать.

Заметив его взгляд, Бубонов чокнулся с ним, отхлебнул виски и пояснил:

– Это лучшие авторы и переводчики издательства.

– Женщины в основном, как вижу, – отметил Хворост.

– Ну да. С ними легче работать. Многие через этот кабинет прошли. Когда они приходят на интервью, они на всё согласны. Сидят передо мной, руки нервно трут. Ну, я и беру их, девушек, и их интервью на этом кресле.

И тут только заметил Хворост, что кресло у Бубонова было не простое, а откидное, превращавшееся в односпальную кушетку. «Тоже своего рода кушетка психоаналитика, все женские тайны наружу», – подумал Семен. Поймав его взгляд, Бубонов ухмыльнулся:

– *Это*, конечно, им помогает выйти на деньги, но не зарабатывать, для этого работать надо уметь. Хорошо, когда они отдаваться умеют, но этого совсем недостаточно. Пусть тогда на панель идут. Я прагматик. Я ведь за них тексты писать или переводить не буду. Рынок, друг мой!

Он гордо потянулся:

– Я ведь из очень далёкой провинции, из тьмутаракани, ближайший город был Жданов, вам, москвичу, это не понять. Но я решил, что буду в Москве, и не из последних тут буду. И стал, кем хотел. Главное – воля была. Жить, конечно, в России нельзя. Я хочу, чтобы дочки мои в Вене жили. Я на их образование по три миллиона в год трачу. Девки девками, а дочки дочками. Я хочу, чтобы они в цивилизацию попали, где человек защищён законами. Мать их уже в Вене, я там им и в школе уже заплатил, чтобы учились. Там будет чистый английский и немецкий. А они хоть маленькие – по восемь лет, они близняшки, – но умные. Мать загоняли поручениями. Она им и говорит: «Вот умру, будет у вас злая мачеха». А они ей отвечают: «Почему злая? У нас добрая мачеха будет. Папа постареется». Всё уже понимают.

Они допили виски. Бубонов снова плеснул, положил лёд, но вдруг вскочил, бросив: «Я сейчас» – и скрылся в маленькой соседней комнате, где, как понял Хворост, был туалет. Потом вышел с довольной ухмылкой, вытирая руки мягким полотенцем, бросил его на кресло рядом.

– Хорошо, что освежитель воздуха придумали. А естественных потребностей стесняться не надо. Мы же живые люди! Извините, но у меня уже несколько дней нелады с желудком – врачи теряются в догадках. Но вот облегчился. Надеюсь всё же, что мой желудок за ум возьмётся. А то как забурчит у меня в животе, подумаешь, бык заревел. Если и у вас подобная надобность возникнет, так не стесняйтесь. Никто из нас не родился запечатанным. Я лично считаю, что нет большей муки, чем удерживаться. Никому в моём доме я не хочу мешать облегчаться; да и врачи запрещают удерживаться. Поверьте мне, ветры попадают в спинной мозг и производят смятение во всём теле. Я знавал многих, которые умерли оттого, что не решились в этом деле правду говорить.

Перевёл дух, глотнул виски и сказал:

– Теперь всё же к делу. Портфель, вижу, вы принесли, значит, и рукопись с вами. Про Немезиду, как и обещали?

– Про Немезиду?

Семён открыл портфель, и вдруг Бубонов отчего-то вздрогнул:

– Не знаете, вчерашнего убийцу не нашли? Ведь наверняка Марго тут ни при чём. Она пистолет для самообороны носила, я знаю.

«Определи виноватого и прости, переболей этим, прости, и тебе легче станет», – сказал ему психотерапевт Солопов. Определил, решил, не простил и убил не того. И сейчас прощения в себе не находил, только отвращение к этому хозяину жизни и женских тел.

– Наверно, вы правы, – чувствуя его непонятный испуг, сказал Хворост.

Он открыл портфель, достал папку, как бы раздумывая, куда её положить. Но стол был завален рукописями, папками, прозрачными файлами с текстами внутри. И Семён спрятал папку. Покачал головой, даже шеей дёрнул, как попугай, посмотрев искоса на Осипа Тимофеевича.

– Нет, я здесь не оставляю, затеряется. Вы говорили, что у вас есть особая комната для приёма дорогих гостей. И приглашали меня туда. Вот туда и пойдём. Там я вам её и вручу.

Бубонов снисходительно усмехнулся его причуде:

– Ишь, запомнили. Ладно, пойдём. Первый раз покупаю кота в мешке, а – доверяю.

– Так вы ещё не покупаете.

– И то верно. Пойдёмте.

Они прошли мимо столовой с длинным, покрытым скатертью столом, потом прошли большую комнату – вроде складского помещения, с грудой пачек разнообразных книг. И вошли в апартаменты, где за деревянной дверью он увидел нечто грандиозное. В первой комнате стол с двумя креслами, куда они и сели. Бубонов достал всё тот же сорт виски, пояснив: «Мы же с вами учителя». Дверь в соседнюю комнату была открыта, Семён увидел большое джакузи. А за ним комната с огромной кушеткой, застеленной кружевным покрывалом, с пятью и шестью мелкими подушками, которые так хороши в любовной игре. Ну а сзади комнатка общего пользования – душ и туалет. Из комнаты, где они сели, видна была прихожая. И входная дверь.

– Да-да, второй вход. А что, могу себе позволить, – сказал Осип Тимофеевич. – Знаешь, как хорошо, когда три голенькие девочки-переводчицы тебя в джакузи обслуживают. – Он неожиданно стал ему «тыкать», как своему.

Сам спохватился:

– Ничего, что я вас на «ты»?

– Да какая теперь разница? – уклончиво ответил Хворост. И тут же, не давая собеседнику задуматься над его словами, добавил: – Если говорить о переключке космической и земной жизни, то напомню постоянную тему, которую обсуждают фантасты и теоретики фантастической литературы. Я имею в виду разговоры, способен ли человек сотрудничать с инопланетянином... А в старину – с драконами? Ведь женщин они похищали, те у них жили, наверно, любовью зани-

мались. Вообще я бы присмотрелся к этой теме похищения женщин. Как беседовать с чуждым разумом? Женщинам дано, поскольку большинство из них не общаются, а приспособливаются. Поэтому мне кажется, что на эксперимент общения с чуждым миром надо посмотреть сквозь эту призму. Я считаю, что подобный эксперимент проходит на Земле уже давно, несколько тысячелетий по крайней мере.

– Ну-ка, ну-ка! – воскликнул, наклоняясь к нему, Бубонов.

– Да очень просто. Отношения мужчин и женщин. Это ведь два типа существ, абсолютно по-разному организованных. Но ведь уживаются. Я-то думаю, что идея матриархата подсказывает нам, что автохтонными жителями Земли были женщины. Вспомните библейское, что сыны неба сходили к земным женщинам. Всегда мужчины были пришельцами, неслучайно именно они остались мореходами, первопроходцами, конкистадорами, лётчиками. А женщины как-то к ним приспособливаются и стараются сексом, домашним очагом услужить мужчинам, приручить мужчину. Да хоть «Душечку» Чехова вспомните! Всё мировоззрение героини зависело от того, с каким мужчиной она была в тот или иной момент своей жизни.

А сам подумал, что это и про Алёнку.

– Шикарно! – выдохнул Бубонов. – И президенты у нас мужчины. Женщин не было. Только на подхвате, вроде Катьки Фурцевой. И папы римские. Да ведь это сюжет для хорошей фантастической повести, нарасхват пойдёт. Ну или, если тебе ближе, для научно-популярной книжки. Тоже хорошо продаваться будет. На эту тему готов к вам в соавторы пойти. Общее дело сделаем. Будет у нас, ха-ха, общий ребёнок!

Семён почувствовал, что снова мрак заволакивает ему голову. Как брат язык, его учили. Прямой удар в челюсть, чтоб враг сознание потерял. Вдруг так заболела голова, что он от боли даже прикрыл глаза.

– Может, ещё виски плеснуть? – заботливо спросил Бубонов.

Но у Семёна и так какая-то муть и тошнота подкатывали к горлу. Он отрицательно покачал головой. А потом неожиданно для себя сказал:

– Впрочем, плесните.

Бубонов налил, а сам продолжал говорить, рассуждая вслух:

– Но лучше сделаем не так. Мы примерно одного интеллектуального веса, а тебе нужен кто-то на подхвате. Я тебе дам одну девочку-переводчицу. Переводит дамские романы, книги по астрологии и детективы. Во всех этих криминальных делах разбирается так, будто сама преступница. И в астрологии собаку съела. Даже интимные дела объясняет с помощью астрологии. Да ты её должен немножко знать. Она какое-то время числилась у тебя в секторе. Но жаловалась, что ты ей совсем внимания не уделяешь. Но, видимо, и сама не хотела. Захотела бы, взяла на абордаж. Да ты видел её фотографию. В моём рабочем кабинете – среди лучших переводчиц. Или не заметил? Работать умеет, даже за плохими переводчиками подчищает. Отдыха не знает. Сама себя «электровеником» называет. Что-то в этом есть. А к тебе в институт зря пошла. Я ей говорил, что, конечно, она

в удаче, что у неё явный драйв, но наука не её дело. Ты правильно сделал, что ей не помогал. У каждого свой шесток.

– Да-да, – сделал напряжённое лицо Хворост, – что-то припоминаю. Она потом вдруг резко работу в секторе бросила.

Строго говоря, пока ничто не указывало на их сексуальную связь. Только факт её принадлежности к переводческой гильдии Бубонова. Но была она всё же замужем, да и роман с ним, с Семёном, должен был её удерживать от этого.

– Но тут тебе придётся поближе познакомиться, – вдруг разрушил его умственные построения хозяин. – Сейчас фото покажу, чтоб вспомнил.

Он открыл стол и достал файл, в котором лежало несколько фотографий: «Всё Алёнкины», – успел заметить Хворост. Как же она ласково звала его? «Мой Осик»? «Мой Бубончик»? Сифилитический? Ох, злоязычно-точен был покойный Любский. Осип Тимофеевич вынул из файла верхнюю фотографию. Почти как в старину парадные портреты – парадная фотография. Распущенные волосы, ямочки на щеках, немного с монгольским разрезом чёрные большие глаза с выражением задумчивости – специально для фотографа.

– Узнаёшь? – И отодвинул файл с другими фотографиями.

Но просто в глаза бросилось: обнажённая Алёнка, с распущенными чёрными волосами, большая чернобурая кошка, и её задорный росчерк. Он замер. Точно такая же фотография была когда-то послана ему в Вильнюс. Потом она попросила её уничтожить. Она так переживала его отъезды, требовала по две, по три смс, звонила, писала: «Ну чем ты там занят? Почему не пишешь? Я жду-жду... Или ты уже начал тренироваться не общаться со мной? Еще успеешь!)). А потом послала фото и приехала. Но Семён сделал вид, что рассматривает парадную фотографию. Бубонов проследил его взгляд: «Нравится? Не догадывался, как хороша твоя сотрудница. Но она рассказывала, какой ты робкий. Она видела, что тебе нравится, но ты даже поцеловать её не осмелился. Красавица! И умница! Думаю, с ней сработаетесь. Только глаза на неё всё же не пяль. Моя женщина. А в постели – просто сказка! И слова говорит, как никакая другая не скажет».

И зачем пистолет? Кого пугать? Чего выведывать? Он сам всё сказал, да ещё так откровенно, таким прямым текстом! Просто в зубы ему сунуть «Макарова», чтоб сопли пустил, чтоб задрожал, чтобы самодовольная рожа скривилась от страха...

Голова у Семёна просто раскалывалась. В детстве от таких головных болей он спасался анальгином.

– Обсудим, – сказал Хворост, – пока же отдам рукопись. Так и называется «Немезида». Может, название поменять надо? – Он старался избегать и «ты», и «вы».

– Почитаем сначала, – сказал издатель.

Когда-то Алёнка говорила ему: «Всё-то тебе кажется, всё ты не поймёшь, любишь меня или нет. Всё-то тебе мерещится. Мне вот не кажется, я в тебя безумно влюблена. А ты? Когда же тебе перестанет казаться?» А теперь?..

Семён открыл портфель, достал папку и положил перед Бубоновым. Тот принялся развязывать тесёмочки. В этот момент Хворост вынул пистолет, тихо сказал «эй», Бубонов поднял глаза, невольно распрямившись. Несмотря на некую телесную дряблость, он не испугался, резко вздёрнул голову и бросил:

– Ты что? С ума сошёл? Чего тебе надо? Ты меня распальцовкой своей не пугай. И пугач убери. Бабок я здесь не держу, редактору дал. Чего ещё надо? Чего ты меня пугаешь? Ты понимаешь, что ты сделал? Ты меня пугачом стращаешь, а с завтрашнего дня – запомни – тебе не жить. Порадуйся, если ночь переживёшь! С ума от страха сходить будешь.

Здоровый, широкоплечий, он вдруг схватил со стола толстый том, взмахнул им, собираясь сбить им Хвороста с ног. И сбил бы...

Семён выстрелил, хотя до самого последнего момента не был уверен, что собирается сделать это. Хотел увидеть страх, униженность. Но увидел агрессию. Бубонова почти выбросило из кресла, он сполз под стол, и крови из него вылилось немало. Семён приложил руку, казак и директор был мёртв. Любовь и в самом деле ведёт к смерти. Надо звонить в милицию. В голове прыгали шары и шарики, перед глазами тянулись ленточки.

Вдруг кто-то открыл дверь своим ключом. С порога раздался голос Алёнки. Он замер, не смея вздохнуть.

– Осенька! А я с цветами! Соскучилась! Ты, небось, забыл, что сегодня пятилетний юбилей нашей любви. Пять лет назад ты меня взял, и именно здесь. Надеюсь, я тебя ни с какой девушки не сняла! – голос звенел счастьем.

Да, так когда-то это счастье его жизни входило в номера снятых отелей, в мастерскую приятеля.

Хворост обер. Горло сжалось так, что дыхание почти остановилось. Как быть с датами? Два года назад она прекратила их роман, который длился почти два года. То есть роман с ним она завела, уже будучи любовницей Бубонова... Обижалась на Хвороста, он не понимал, на что. Разве на недостаток секса? Правда, он много ездил на конференции. Но думал, что она удовлетворяет свою страсть, гасит её с мужем. Он вышел в коридор из комнаты, где лежало мёртвое тело и сказал сухо, очень сухо:

– Как же прикажешь понимать твои сладкие письма в течение полутора лет, которые как раз на эти пять лет приходятся, толстоморденькая моя?

Хотя обращение «толстоморденькая» не могло её не обидеть, но она собралась. И удивлённо сморщила носик:

– Семён Георгиевич? А вы откуда здесь?

Он усмехнулся криво:

– А может, меня нет? Помнишь свою давнюю эсэмэску, я их все помню.

– Какую?

Он скривился:

– Когда-то она меня радовала. Ты писала: «Куда ты пропал? Мне начинает казаться, что я тебя придумала».

Она быстро ответила:

– Стало быть, придумала. – Глаза опустила, но не смутилась: – Я же писательница. А потом, вы знаете, вы же философ, что рано или поздно любой роман кончается.

Она шагнула вперёд, невольно отодвигая его, и тон её сделался резким, противным, как тогда, в Вильнюсе, когда она закатывала ему скандалы из ничего:

– Ты что здесь делаешь? Где Бубонов?

И сделала пару шагов мимо него. Он отступил, давая дорогу, сам открыл дверь. Как и ожидал, она замерла на пороге:

– Он умер? Сердце?

Подбежала, присела перед телом на колени. Обмерла, увидев чёрную кровь на светлом вельветовом пиджаке, закатившиеся глаза и прикушенный язык, повернула голову и крикнула:

– Ты что натворил? Я всё равно к тебе не вернусь!

И увидела направленный на неё пистолет.

Она выставила вперёд две ладони, как бы защищаясь:

– Хочешь застрелить? А ведь моя мама считала тебя идеалом мужичины, единственным, кто мог оценить женщин по достоинству.

Он сказал, объясняя, как во сне:

– Потому что убил того, кто хвалится, какая ты сладкая в постели. А у нас с тобой было то, что обычно не бывает, был не роман, а романс. Но, – он усмехнулся, повторяя строчки, всё время вертевшиеся в голове, – моя Земфира неверна, моя Земфира изменила.

Она быстро ответила:

– Я не твоя.

– Была моя, моя неспящая красавица, моя девочка, так ты подписывалась. В парке Чаир распускались розы... Обещала навсегда остаться моей девочкой, какие бы обиды я тебе ни причинил. Сама же говорила, что послана мне богиней Любви. Богиня и отомстит моей рукой. Ты ведь меня предала! – бормотал Семён, чувствуя, что говорит что-то мелодраматическое и пошлое. – Предала! Я думал, ты к мужу вернулась! Ты так мне говорила. А ты? И как же муж? А ты сама пошла в пещеру к дракону.

– А что муж? Он про тебя не подозревал, тем более ничего не может подумать об издателе. И куда мне было идти? Куда мне было деваться?! – вдруг с отчаянием, гневом и горем в голосе сказала она. – Я искала кого-то высшего. И решила, что это ты. А ты оказался таким же, как другие. Тебя только моё тело интересовало. Ты был занят своими делами. Я для тебя оказалась не более чем развлечением, ну не развлечением – отвлечением. Частью твоей жизни я не стала. Муж занят работой и картами. А ты?.. Ты даже найти мне работу с нормальным заработком не мог. Ты хоть раз поинтересовался, на какие деньги я живу, чего мне стоят эти ежегодные поездки в отпуск с мужем? Да, у меня был Осип. Другого варианта жизни не нашла. Ну, не нашла! Осуди! Почему Настасья Филипповна ушла от князя Мышкина, *этого бедного рыцаря из твоей статьи*, к Рогожину? Потому что князь только красивые слова говорил, а Рогожину сама она была нужна. Когда мы встретились, я думала, что моя судь-

ба изменится. Я так тебя любила, так искала в тебе опору! И готова была куда угодно, лишь бы с тобой! А что ты?!

– Я же на тебе жениться хотел. По-настоящему. Помнишь, ты всё спрашивала: «Целоваться будем по-взрослому?» Так вот, в Вильнюсе я, по сути, предложение тебе сделал. Хотел сыграть с тобой свадьбу по-взрослому!

– Что-то я не заметила. Такое бы я не пропустила. В Юрмале, вроде, хотел, но...

– Значит, хотел. Да и тогда хотел. Но то, как ты себя вела: насакивала на меня, любить отказывалась... Вот уже готовые слова с языка и не сорвались. Любящие женщины так не делают. А замуж зовут не только любимых, но и любящих.

– Опять я виновата. А я любила тебя как никого другого! – И, вроде бы, даже сделала движение к нему, но тут же отпрянула.

В голове у него всплыли другие её слова во время последнего свидания в кафе, что нет на свете другого такого человека, который причинил бы ей столько зла, как он.

Хворост пробормотал:

– Мне кажется, за эти полтора года – после нашей встречи и до того, как ты меня оставила, – прошла целая жизнь.

Он думал о зарождении страсти, о её разливе и ужасе оставленности. Так люди проживают жизнь с начала до конца, от молодости до старости.

Она тяжело выдохнула:

– Да, целая жизнь... И больше ничего.

– «И всё-таки я вас без памяти люблю», – повторил он вдруг откуда-то всплывшие слова Чацкого.

Она пожала плечами, стиснув зубы и глядя в пол. Хворост с ужасом посмотрел на Алёнку:

– Кажется, из-за тебя я двух человек убил... А может, и не из-за тебя... Просто в бреду...

Боль, раздражение, отчаяние – всё ушло. Было просто ощущение пустоты в душе.

*Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин...*

Он повторил про себя: «Кроме самых любимых и преданных женщин...» «Преданных? Преданных? Мне или мною?!»

В голове стучали молоточки. Душу окутывал мрак. Но вовне он всё отчётливо различал. Он навёл на неё пистолет. Но не выстрелил. Вдруг у Алёнки подогнулись ноги, и она сползла на пол. Чернобурка то ли прикинулась дохлой, то ли потеряла сознание. Он склонился к ней, Алёнка явно была жива, хотя старалась не дышать, но веки были слишком плотно сжаты, что указывало на сознательное усилие глазных мышц, да и дыхание было слышно. Чёрные волосы красиво легли вокруг головы, окутали плечи. «Я искала кого-то высшего. А ты!..» Бедная девочка! Всё равно он виноват, и никто другой. Семён выпрямился, подошёл к телефону, набрал 02 и вызвал милицию, ска-

зав, что в квартире два трупа, назвал адрес, положил трубку и прижал дуло к своему сердцу. Всё ещё до этой секунды в тайном уголке его существа жило ощущение, что она вернётся. Но вдруг стали отчётливо вняты бунинские строчки: «*Но для женщины прошлого нет: / Разлюбила – и стал ей чужой*». Он понял, что не может жить без неё. И выстрелил, потому что и в самом деле не мог без неё жить.

Эпилог

Он умер.

На том свете наказание ему определили сразу. Убийца, да ещё самоубийца. И вправду, наказанием там оказались не костры, котлы и сковородки, а продолжение тех же земных страданий, душевных мучений. Хотя как же без огня! Но боль внешнюю ещё можно перетерпеть. Ужас был в том, что он лишился шанса на перемену своей жизни, шанса, который у живого человека всегда остаётся. Он был в вечности, где ветер кружил таких же, их было совсем немало, поддавшихся искушению любви. Костров не было. Однако это был огненный ветер. Огненная пустыня, которая жгла всё тело, лицо, душу, изо рта вылетало пламя, и каждый вздох жёг лёгкие и горло. Было больно, страшно и хотелось помощи, просто сочувствия. Но наказанные друг с другом не общались, погружённые в свои мысли. Да и не могли бы: огонь не давал возможности говорить, всё горело внутри. И всю эту вечность он был обречён думать о той беде, которую сотворил.

*И я узнал, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вождений.
И как скворцов уносят их крыла
В дни холода густым и длинным строем,
Так эта буря кружит духов зла
Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роєм;
Там нет надежды на смягченье мук
Или на миг, овеванный покоем.
Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной, стеная, нёсся круг
Теней, гонимых вьюгой необорной.*

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Виктора Петровича Астафьева (1 мая 1924 года – 29 ноября 2001 года). Книги Астафьева были чрезвычайно популярны в СССР и за рубежом, были переведены на многие языки мира и издавались многомиллионными тиражами.

Кроме романов, повестей и рассказов, Виктор Астафьев оставил огромное эпистолярное наследие. Это его переписка с друзьями, родственниками, коллегами по перу. Многие письма В. Астафьева публиковались в центральных журналах, например, в журнале «Подъём».

В нашем распоряжении оказались письма Виктора Петровича Астафьева к саратовскому писателю Виктору Ивановичу Политову. Переписка между ними длилась 15 лет. Мы предлагаем читателям публикацию писем, посвящённых в основном литературной тематике, и один из рассказов В. П. Астафьева из сборника «Затеси».

Редакция журнала «Волга–XXI век»

«ГЛАВНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ НЕ ДЕЛАТЬ, А ДОДЕЛЫВАТЬ...»

ПИСЬМА В. П. АСТАФЬЕВА К В. И. ПОЛИТОВУ

11 января 1972 года

Дорогой Виктор Иванович!

Рукопись Вашу получил, но прочесть не успел – был очень занят (семинар, домашние дела), а сейчас срочно уезжаю на родину, в Сибирь, – умирает брат. Когда приеду и прочту Вашу вещь – не знаю. Подождите, если можно, а если нет, напишите моей жене, Астафьевой Марии Семёновне, по адресу: Вологда 4, ул. Ленинградская, дом 26, кв. 12. Она вышлет Вам рукопись, если нужно. Желаю Вам здоровья.

Ваш В. Астафьев.

Дорогой

Виктор Иванович!

Расскажите бабушке, что
процесс не ушел – был самый
зачин, (самый, домашний
зачин), а сейчас ушло ушло
на родину, в Петербург – ушла
бабушка. Когда между и бабушкой
бабушка была – и жила.

То же самое, если кто-то, а
если не изменилось пока
мне – Александрович Марин
Семенович, по адресу:

Полоня-4, ул. Ленинградская,
дом 26, кв. 12.

Моя бабушка вам расскажет,
если нужно.

Меню вам уговорю –

Ваш В. Асеев

11 января – 72.2.

(без числа)

Дорогой Виктор Иванович!

Наконец-то добрался я и до Вашей рукописи. Прочёл с удовольствием. Талантливо, местами очень, хотя и есть налёт некоей романтической дешёвизны, такого бодряческого литературного допинга, коим заменяют настоящую жизнь и мускульную энергию авторы журнала «Юность» и киношники типа Герасимова, «отвечающие на насущные вопросы современности». А она, современность, как верблюд, бредёт себе, жуя коноплю и запивая это дело «Экстрой» или современным вином «самогнали».

Повесть кончается на том месте, где мужики пристают к берегу. Всё! Дальше начинается трёп на тему: «Какие мы хорошие, хотя и забуддыги». Не надо этого. Всё там серьёзней и талантливей. И уберите эти драно-рваные разговоры тёзок, оставьте самое необходимое. Ведь ветер, а без ветра у мотора ни хрена не слышно, кроме того, тошнит людей, кроме того, замёрзли, кроме того, дядька старый сидит и помалкивает, его стыдиться надо. Кстати, дайте ему побольше места в повести.

И сократите повесть (а может, рассказ, а?). Рассказ, рассказ! Со сквозным сюжетом, непрерывным внутренним монологом, со взглядом обострённо-беспощадным, какой бывает на грани жизни и смерти... Сократите страниц до пятидесяти, будет очень славно, динамично и драматично. А образности, внутренней самоборьбы, хорошего языка и даже пластичности в вещи уже достаточно. После этого пошлите в «Н. современник», и непременно. У нас там плохо с прозой. Подают хорошие вещи, печатают порой всякую <...> потому что печатать хорошее тяжело.

Ну даст Бог! Будем надеяться. Тем более что материал необычный, не на Чукотке, не в Охотском море, а на своедельной луже погибают люди. Добавить бы ещё кое-что об этой луже, меняющей быт и мораль людей, — совсем бы немножко, а то одной образности маловато.

Успехов Вам!

Будьте здоровы.

В. Астафьев.

P.S. И в этой повести нашли у Вас «крамолу»? Ну, знаете ли! Как же мне тогда быть с моим романом о войне? Ах ты бедная, бедная «Русь литературная»... Совсем ребятишек затуркали...

За добрые слова о моей работе спасибо. Тяжело мне даётся доброе-то имя, ох как тяжело! Но держусь, как Ваши рыбаки, на последнем бензине. А берег всё одно видать в трубу...

10 января 1973 года

Дорогой Витя!

После тяжёлой и долгой болезни я первый раз за столом, и, как и что напишу, не взыщи, голова всё ещё плохо работает. Во время болезни, когда уже мог читать, но не мог работать, я прочитал все

Если в «Доне» повесть не напечатают, присылай мне, но уже в божеском виде (иначе верну). И вот ещё чего: может быть, удастся тебе доработать линию «он и она» более «сближенно», а то всё на удалении происходит, ты так и не даёшь заглянуть в нутро этой пока лишь загаданной «драмы», а раз она на отдалении, то и драмой не выглядит, а так, привеском.

Много рыбалки. Я-то готов про неё хоть неделю подряд читать, про сам процесс, но учти, что не все читатели – рыбаки <...>

Кстати, насмешил ты меня, когда позвал рыбалить леща... на блины! А как он, сука, ваш донской лещ, на шоколад «миньон» и на пирожные «наполеон» ещё не берёт? У нас все ловят и все – на червяка, в крайности – на мотыля, а больше на голую блесну. Этого костлявого <...> леща и ещё как-то прошлой весной ребята на моих глазах наладились голыми тростинками петлить, которого за ж..., которого за пузу, а которого за глаз, так только свист стоит. Я лучшей наживки, кроме червяка дождевого, и не знаю, и знать не хочу. Блины-ы! Тут самим жрать нечего, а лещам – блины!!! Хоть им на постном масле. Ну, обнимаю тебя! Из-за болезни ещё на льду не бывал.

Твой Виктор Петрович Астафьев.

22 сентября 1972 года

Дорогой Витя!

(Я имя не перепутал?)

Мне очень приятно посвящение, а ещё приятнее, что оно поставлено не над пустяком. Поэмка, а также начало какой-то большой стихотворной вещи сколочены крепко, стих ладен и складен, местами от драматизма и накала повествования даже спину холодит. Думается мне, что надо эту вещь работать шире, глубже и дальше, делать что-то вроде повести в стихах, где бы правда о тех, кого война сделала бродягами и преступниками, была не только констатирована, но и со всей страстной и горькой правдой изображена. У нас очень не любят да и не умеют взглянуть на обратную сторону военной медали, потому что с обратной стороны от грязи и пота заводились ржавчина, гниды и прочие некрасивые вещи. То, что блестит и светится, всегда легче и спокойнее изображать, да и печатается это охотней, а вот чем страшна война – то у нас как-то стыдливо замалчивается.

«Чайки» – это какая-то интеллигентская штучка, такого у нас много пишется и печатается, они на меня особого впечатления не произвели, а над войной работайте, наберитесь сил и мужества, и коли я Вам какой-то пример, то возьмите из этого примера главное: я сейчас совершенно болен, контуженная голова кружится, сердце отказывает, желудок барахлит, а я работаю и работаю, потому что знаю, как коротка жизнь, и перед тем, как поехать отдохнуть и полечиться, вот и на письма на все отвечаю.

Ну, это не в укор, а в назидание. Рассказ «Девятый вал», как добьёте, обязательно пошлите в «Современник» на имя Марченко, с припиской, что я его читал и одобряю.

Будьте здоровы, дорогой.

Извините за почерк, совсем он у меня разгулялся от болезни, а и без того был небезупречен.

Ваш В. Астафьев.

22 февраля 1981 года

Дорогой Витя!

Поздравляю тебя с Союзом. Это необходимо не только для самоутверждения, но и для всего прочего – пенсии, жилплощади, пропитания. И т. д. и т. п. Отныне ты числишься принятым на работу в Союз писателей.

Да, скала, которая изображена на снимке, недалеко от моей родной деревни, она почти напротив гостиницы г. Дивногорска и памятна тем, что с неё сорвалась и разбилась насмерть моя семнадцатилетняя сестра Нина, родная мне по отцу. Нынче здесь снималась одна часть будущего фильма «Звездопад», и я имел возможность насмотреться на эту скалу и на всю окружающую природу.

Сейчас я нахожусь в городе (с осени), позавчера прилетела и Мария Семёновна, а то находилась в Вологде и «высидела» квартиру для дочери – высидела! А дочь посчитала это само собой разумеющимся, её не томили наши заботы и терзания и житьё по чужим углам, да ещё «весёлым». К ней всё пришло и идёт папиным именем, и, когда папы не станет, только и поймёт суть, что не всё так просто даётся.

Я живу здесь, в Красноярске, с июля прошлого года, уже привык, да к родине и привыкать не надо. Здесь мне хорошо. Я успокоился, и со здоровьем лучше – зима настоящая, с морозцем, с солнцем, и все мои пневмонии, сопли, гриппы и прочие прелести унялись. Живу от города в восьми километрах, в лесу, в тишине, знакомых почти нет, друзьями не обзавёлся, а с апреля уеду в деревню. Это недалеко, там у меня постоянный дом, и я насадил в огороде лес. Очень хорошо, что я решился на этот шаг, хотя от внуков и детей далеко, но и подустал я от семейных тягот, пора и передохнуть.

Заканчиваю «Зрячий посох», делаю «Затеси» и потихоньку подбираюсь к роману. Такие мои дела. На лето намечена сотня маршрутов на рыбалку, зовут и «рыбнадзоры», и браконьеры, и у тех, и у других «Царь-рыба» – настольная книга, так к кому-нибудь да попаду на рыбалку, а рыбка, и хорошая, здесь не переводится; кто-нибудь да занесёт, то рыбаки, то геологи, то сестра из Игарки прийдёт. А один раз просто незнакомый рыбак принёс под дверь кошелек, а в нём окунишки, три хариуса и сорожка – зимой ловил, любитель – самый дорогой подарок.

Обнимаю. В. П.

20 июля 1974 года

Дорогой Виктор!

Наконец-то и я смог приняться за дела – будучи в Сибири, опять заболел, обострилась пневмония, даже и в больнице снова полежал, но на этот раз убежал домой и долечиваюсь тут. Уезжать из дома, да

ещё в середине лета, когда всюду реют сквозняки, ибо везде открыты окна и двери, мне нельзя, буду теперь сидеть летами в «своих лесах» и в своём доме.

Рыба твоя пришла, подопрела, сейчас на неё мухи летят, но потихоньку грызём – спасибо! Надо сказать, что рыба твоя лучше и свежее, чем повесть. Что-то ты «вытужил» из себя очень смутное и длинное. Читать трудно, всё время ощущается потуга автора рассказать про ребят и «по-ребячьи», где-то в интонации, в языке идёт подделка под «детскость», а вот этого вытворять не следует, для «их» тоже надо писать как для взрослых, вроде бы Горький говорил и был на сей раз прав...

Мало чего происходит в повести: один поход за тем, чтоб застрелить уток, несколько ретроспекций о других походах (иной раз запутаешься, где и когда они идут) – и всё завершается недоразумением, не смешным и «не стреляющим». Язык местами совсем уж изверчен и такими оборотами повреждён, что уму непостижимо.

На всей повести лежит налёт какой-то самодеятельности, недоработанности, недодуманности, я не знаю, как в повести про рыбаков, последние варианты читал Евгений Иванович, но, когда мы ругались в редакции и поодиночке разговаривали, зам. ред. Богданов, человек, который был и есть «за нас», сказал: «Всё-таки ощущается какая-то незавершённость, ещё бы одно усилие сделать автору – и повесть стала бы выглядеть и читаться как вполне профессиональная вещь...»

Это самое «усилие» очень сложное, ибо ощутить, в чём потребность, должен сам автор, и делать его тоже ему, а где, как, что делать, иногда никто не знает, даже сам автор, но именно с этого всё и начинается, т.е. писатель и его настоящая работа. Ты можешь сказать, что таких полуповестей хоть пруд пруди – живут да ещё хлеб с маслом жуют. Всё верно, только они и разговора никакого не стоят. Что же касается «Н. современника», то рукопись тебе стоит у них забрать: ни я, ни Е.И. больше предлагать им ничего не станем, ибо пошло у нас с редакцией наперекосяк, они ждут и требуют от нас выдающихся произведений, а таких нету, не только среди молодых, но и среди старых чего-то совсем не видно, пусть ищут или пишут выдающееся сами, а сотворивши или найдя, умудряются напечатать при современной цензуре. Мои новые главы из «Поклона» до того устранили и порезали по-живому, что горе сплошное...

Надо тебе, Витя, завязывать связи с «Волгой», очень мудро и трудно в столицах, тут всё же свой народ, и журнал ближе по духу и адресу. Не обижайся.

Твой Виктор Петрович.

февраль 1979 года

Дорогой Виктор!

Напишу тебе маленько, ибо сию в той самой избе, которую ты видал осенью и которую не узнал бы: трудами неугомонной Марьи свет Семёновны она превратилась в уютную светёлку. И только халтурщики загробили дело с печью, придётся весной переключивать.

Здесь я сижу и вкалываю безвылазно уже больше месяца. Очень устал, работа идёт туго, многое меня в ней не устраивает, но бывало и хуже, в таком случае надо себя насиловать <...> вдохновения счастья нечасто и удел гениев – нам надо трудиться и трудиться. В марте, как думал, книгу не закончить – дай бог управиться к лету полностью да передохнуть хорошо, а то устал, выжат. Числа 26-го уеду в Минск на совещание по военной литературе – хочется на людей взглянуть, Белоруссию тоже не видел, да и с Василём Быковым повидаться.

Я был у Жени Носова на юбилее <...> Женя перед самым юбилеем перебрался со своей семьёй на новую квартиру, всё лежит вверх дном, стол завален бумагами, я даже непрочитанные вёрстки видел, одна из юбилейного сборника, в котором есть и я, и вёрстку просят уж месяца два как – он вообще на руку и подъём тяжёл, ему письмо написать – целое событие.

<...>

А тебе надо всё же работать, Витя, и не в рыбацкой артели. Понимаешь, вольность хороша, но до поры до времени, и вольному человеку не надо обременять себя семьёй, а коли впрягся – надо везти. Я, честно говоря, и то удивляюсь тому образу жизни, который ты вёл: семья – в Саратове, ты – на Дону, на воле и просторе, а жена с дочкой в коммунальной квартире, в городском содоме, – это слышном роскошно. И прости меня, но это истина, потому тебя и раздражает, бесит всякая условность, мягко говоря, городской жизни: отказали или плохо поговорили на двух предприятиях – и ты бы уж и «морду бы набил!» Этаким приткий какой! Так все и будут – подлые с битыми мордами! Ведь они несут какую-то ответственность, как пастухи рабочего скота, который вон вовсе из ярма выбрался, хлебает рассыпуху, матерится, жён и детей покинул на советскую власть, абы тешить прихоть свою и глотку. Давай-ка, парень, поддержи дитя и жену постоянным присутствием, устойчивой зарплатой, добудь квартирку, а тогда уж партизань и атамань по Дону... во время заслуженного отпуска! Баба твоя, судя по письмам, разумный человек, а по терпенью – и редкий, года твои не жениховские, у матери приюту нет, так что тебе остаётся, как не жить настоящей жизнью?!

У меня ханыга в Киеве знакомый есть, он тоже писал, «надежды подавал» и от мнимой одарённости ни хрена не делал, да ещё и бабу с колом гонял по окраине Киева, а две девчонки-умницы росли, я его пилит-пилит – и допилил: пошёл в какую-то охрану, где главная забота, чтоб ружья не украли. Сутки дежурит, обдумывает сюжет, двое отдыхает и пишет. Вот и ты поищи себе такую работу, Саратов огромен, тряхни его, походи. Ханыга киевский, кстати, выпустил уже две книги, не очень, чтобы очень, но грызёт бумагу, не пьёт, не лается похабно при девчонках и даже одну, благословясь, замуж выдал... Да будет тебе пример того дурного сибиряка, застрявшего в Киеве, негасимым маяком в этом многолюдном мире!

Стихи ты пишешь мрачные, но умные, где-то они, в чём-то, не знаю, глубже и крепче твоей прозы. Дерзай! Гале – поклон, Алёнку целуй! Мария Семёновна кланяется, я – обнимаю.

Виктор Петрович.

Р. С. Мария Семёновна в декабре чуть не умерла. Летела из Красноярска в Вологду, и в самолёте случился перетонит, четыре часа делали операцию, едва спасли, но и до сих пор едва шевелится. Вслед за нею на операцию того же характера (закон наследственности) попал Андрей <...> Живём, пока живётся. М. С. рада, что выкарабкалась и на этот раз, более суток не могла проснуться от наркоза – сердчишко-то слабое. Это уже четвёртый раз в жизни она одолевает смерть – вот тебе и маленькая бабёнка! Словом, всё как у всех, что-нибудь да происходит...

29 октября 1973 года

Дорогой Витя!

Перед самым отъездом в Гагру написал я тебе письмо в Серафимович (не нашёл саратовского адреса), где поблагодарил тебя за рыбу, а главное – известил тебя, что вещь твоя в «Н. современнике» готовится к печати и из неё делается «журнальный вариант» – вещи эти иногда застают автора врасплох, кажется, конец свету, повеситься хочется, и я предупреждал тебя, готовил к «удару», ссылаясь на личный пример и на пример моих товарищей – писавших превосходные повести, как «Три мешка сорной пшеницы», и «Десять рублей» тоже правились, усекались и т. д. и т. п. Это я к тому, чтобы ты не ерепенился. Вот как за сорок перевалит, жить мало останется и терять будет нечего, тогда ерепенься, а пока печатайся, самоутверждайся, становись на ноги, и потом уж никто не сшибёт тебя с них.

Очень рад, что достали лекарство дочке, я неловко себя чувствовал, что ничем тебе помочь не мог <...>, но я и не умею ничего в этом смысле, и связей у меня нет никаких, хоть верь, хоть не верь. Фотка дочери хорошая и стих хороший, особенно только не делайте из неё вундеркинда – это страшно. Я видел вундеркиндов, которые били по мордам своих родителей, и не просто так, а от «гениальности»; ради бога, не внушайте ей ничего. Сейчас у однопородных родителей все чады разносторонне-гениальны, в результате вырастают разбросанные со множеством задатков и полным самомнением, которое ох как дорого им обходится в этом жестоком и беспощадном миру, не погубите ребёнка и себя.

Это я оттого так нравоучительно и подробно, что 8 октября пал мой друг-фронтовик на 52-м году жизни. У него было трое деток: два оболтуса сына и одна «гениальная» дочь. Одного из оболтусов так и не нашли, чтобы призвать на похороны отца – бичует или рыбалит в Мурманске. Другой из армии на 10 дён прибыл, первое, что сделал, – набрался до усрачки, а уж «гениальная» такие гнусности отवेशивала, что нам, «земным» людям, срамно и стыдно было за себя и за покойника, и ещё за что-то, чего я и понять не могу, не только объяснить.

Погода в Гагре такая же <...>, как и у нас, – слякоть, сыр, лёгкие мои угнетают меня, через силу работаю, заставляю себя работать. Народ здесь отвратительный, хамло высокомерное сплошь и дикое. Больше я сюда не поеду, уж лучше замёрзну у себя в России, авось

и на Дон выберусь. Евгений-то Иванович Носов-то рядом с тобой 2,5 месяца жил, каких-то мулек ловил (у него сестра в Волгограде), вот не знаешь, а то бы я уговорил его к тебе на рыбалку съездить – золотой это человек, а рыба-а-ак!!!

Ну, привет твоим женщинам. Не пей! Даже в праздник. Поздравляю, кстати, с оным и обнимаю всех.

Ваш В. Астафьев.

(без даты)

Дорогой Витя!

Посылаю тебе книгу. Она совершенно вся новая и хорошо составленная, она и самому мне по душе. Я уже месяц в селе после поездки в Сибирь и Таджикистан, работаю здесь, завершаю «Поклон». Написать-то я его написал и главы новые сдал в «Н.современник» (первый номер). А сейчас неторопливо (наконец-то!) дочищаю, вычитываю, правлю всю книгу. За двадцать лет много, много в ней накопилось мусора, кое-что «устарело», «отстало», надо дотачивать, но работа эта приятная, завершать такую книгу – большое облегчение души. Много я в неё вложил. Книга с последними главами уж не вызовет того благодушного бляенья овечьего, которое было так единодушно прежде. Год – потеря, ничего крупного не пишу. Буду делать мелочи и поеду весной в Крым лечить пневмонию, серьёзно лечить. Сегодня (а у нас с 10 октября зима) полез за камышами и провалился по пояс под тонкий лёд. <...> А я себе по случаю такому выходной сделал, вот пишу да запечатываю книги, а ноги ноют, старые кости сделались, вроде ни кожи, ни мяса на них нет, а всё оттого, что папа весёлый был и «водил» меня всё детство босиком, а потом вожди не знали, чем себя накормить, наградить и куда посадить, а вчерашние солдаты с «голым жопом» вкалывали, чтобы выжить, и попростыли, и надорвались.

Читал сегодня рукопись о Пушкине и Гоголе, на редакцию дали. Много писем Пушкина к женщинам в тексте. Сколько нежности, благородства, учтивости, веселья, милой пикировки! Недаром они, женщины, искали горячо от него вниманья, недаром Хитрово написала ему в порыве нежности: «Я люблю, когда Вас любят...» И я подумал: а с нами – что? И тут включил радио, Марков на пленуме выступает, и сразу как-то всё стало ясно и понятно...

Витя! Мне из Саратова прислали гонорар по сборнику «Родничок», тебе если не трудно, купи мне его или запиши кому в Саратове, ладно? А я, как выйдет детская моя книга (в будущем году), pošлю твоей Олёне. Чем живёшь? У нас природа совсем испакостилась. Два раза на охоте был, двух рябчиков добыл и всё, зазимки. Рыба не клюёт. Видимо, и нет её ни хрена. Уеду в Сибирь! Одиноко, сыро и студёно мне здесь. Обнимаю тебя!

Твой Виктор Петрович.

8 февраля 1973 года

Дорогой Витя!

Очень хорошо, что ты собрался с духом и доделал рассказ. Ты уж себя так и приучи к мысли, что главное в литературе не делать, а доделывать, дотягивать, так приучи, чтоб и раз, и два, и три напечатанную вещь всё ещё тянуло «доводить», а то у нас много развелось тех, кто с радостью и детской непосредственностью выдриснет черновик и эту жиденькую, больную дрисню поскорее людям на белой чистой пелёнке показывает. Из повести твоей может получиться очень славная штука, ты её не кидай.

P. S. Да, если рассказ завернут из «Современника» (а у нас это часто бывает), шли его тут же мне, я найду ему место.

А я всё продолжаю киснуть, к вечеру поднимается температура 37,3–37,4 – этакая гнусь, вроде мороси, и немеет левая рука от плеча до пальцев: резали тут в 54-м году меня «благодарные трудящиеся», но не дорезали, и вот от раны той идёт онемение, и кабы паралик не трахнул.

Надо ехать в Москву, а так не хочется. Всё надеюсь оклематься и на лёд попасть, там уж непременно всё выдует. Как я завидую тебе, твоему уединению, свободе и здоровью! Ты только дорожи всем этим, потом всё это пройдёт, увы, пользуйся с толком. Больше пиши, а когда будешь поближе к нашим местам – заедь в Вологду, посмотри ещё не вовсе приконченную Русь, но предварительно позвони 2–21–07, а то меня и дома может не быть. (Я всё-таки надеюсь с солнцем выстоять. Вон сегодня уж и день хороший, солнечный.) На письмо на твоё я ответил только на одно, где было фото. На фото ты похож на моего сродного братишку, который вкальвает в Красноярске бетонщиком и уже квартиру раздобыл, и молодая жена евонная, которой он добыл жильё, встреча с ребёнком, и тем самым помогает заканчивать мединститут, корить начинает: «Невежда, чумак. Учиться надо, а ты ленишься!» Этакая долговязая неблагодарная дура! А у меня, Витя, жена очень хороший человек. Мы поженились ещё в армии (после госпиталя я был в нестроевой части), и вот живём с сорок пятого. Всё было. Я – дурной был молодой, с вывихами и заскоками, а теперь вот нет дороже, родней и ближе человека, чем она. И ведь вынесла баба всё, чтоб дожить до полной необходимости друг дружке. Даё бог тебе хорошую бабу встретить – это много. Это почти всё в жизни.

Обнимаю тебя.

Виктор Петрович.

(без даты)

Дорогой Витя!

Всё, что ты пишешь о писателе, верно. Вот только в канаве ему валяться не следует. Есть там кому валяться, кроме нашего брата, уж и канав не везде хватает для российских «кирюшников», вконец распутившихся и разложившихся в условиях нашей однобокой и стран-

ной свободы, свободы для разгильдяев, болтунов, пустобрёхов и бездельников, а также для ворья всех мастей. Ультра! Ультрасовременный писатель Салтыков-Щедрин отчего за сотню лет до нас злословил: «Разбуди меня, Салтыкова, среди ночи и спроси, чем занимается сейчас Россия, и я, Салтыков, не задумываясь, отвечу: «Ворует!», и я от себя ещё добавлю: «Ещё и пьёт!»

Я тут до того доработался, что в полную немоту и протрацию впал – добивал четыре новые главы в «Последний поклон», нечаянно, неожиданно опять они объявились, выделились из «Царь-рыбы». Ребята из «Современника» предложили дать в «мой» юбилейный, пятый номер, а для этого надо было уже в январе всё сдать. Вот я и работал по 14 часов в сутки. Я и раньше так работал, но всем врал, что работаю по утрам. А тут у меня друг фронтовой внезапно умер, и к нам приехала его жена отдышаться. Курила сигарки, смотрела, смотрела, как я вкальваю, и на жену мою чуть ли не с кулаками: «Тебе что, – говорит, – моего горя мало? Ты что? Тоже одна хочешь остаться? Я ведь думала, и Саша, покойник, думал, что он правда со своей контуженной башкой по два часа работает утром. Погубит вот себя, тогда узнаешь!» А что может жена сделать? Остановить меня? Это невозможно. Лишь помогать. Она и помогала изо всех сил: печатала, перепечатывала, раздражение моё терпела и хлопотала о детях, да часть моей почты на себя взяла, хотя бы поздравительной, будь она неладна, ну и тоже дошла до ручки.

Я седьмого уехал в Москву, сдал рукопись. Ребята, дай бог им здоровья, выхлопотали мне путёвку в Дом творчества под Москвой. Я в нём как упал, так и спал беспробудно трое суток, а <...> завсегда-таи этих домов говорили, что приехал «классик русский» и пьёт беспробудно, никому не показываясь, и качали головами <...>

Потом была редактура, и я сразу уехал домой, ибо дома жена с приступом сердца лежала. Главы ушли в набор, и, если лит. не зарежет, будет что в «мой» праздник читателям моим подарить – главы сложные и большие. Жена отлежалась, я съездил на рыбалку, посидел на льду и немного очухался. Снова, ох, за станок, читаю рукописи со всех концов, большей частью бездарные, и отвечаю на письма.

Нового пока ничего писать не буду – нет сил. Весной или к весне ближе начну писать о покойном друге и критике Макарове давно вызревшую книжку, а пока шабаш.

Кино наше прикрыли. И это взяло так много из моих уже немногих сил. Надо бы хлопотать, отстаивать, а я уж чего-то и страшусь. Махнуть бы рукой, да режиссёр хочет повеситься, уж больно мужик-то честный и толковый.

Была и радость. Из Америки привёз книжку мой знакомый – том под названием «Сокровища русской и советской новеллистики», начинается том «Станционным зрителем» Александра Сергеевича и заканчивается главой «Роголя» Василия Белова. Есть в этой книге и мой рассказ «Ясным ли днём». Среди имён – титанов и богов нашей литературы – удостоилось быть пятерым ныне живущим: Шолохов, Антонов, Казаков и двое вологжан. Можно и погордиться!

Ведь впереди стоят – Пришвин, Лермонтов, Толстой, Чехов, Бунин, Тургенев и т. д. Конечно, ни во сне ни наяву я такое и придумать не мог. Вот и награда за труд и стойкость... Не зря живём! Не зря геморрой наживаем!

В Польше вышла книга «Синие сумерки», к осени выйдут «Затеси», и мы с женой поедem в Польшу по приглашению издательства. Мне там быть охота – я ведь ранен последний раз именно в Польше, а кровь зовёт на то место, где она впиталась в землю.

Говорили о тебе в «Современнике». Марченко каялся. «Правилку», который измордовал не одного только тебя, из редакции выперли и даже приняли трезвое решение: «без ведома автора не трогать ни единого слова...» Ну, это уж хватило, конечно, через ах, этакое быть не может, а всё же порядок потихоньку наводим. Трудно ведь подобрать штаты в новый журнал, проходимцев возле литературы вертится много.

Появилась у нас новая обложка. Как она тебе? Мне – не очень. Чего-то надо ещё поискать... Будет Марченко сам делать редактуру твоей повести, обещал согласовать всё с тобой, а пока (в ту пору, когда я был в Москве) рукопись твоя находилась у Жени Носова, и я видел письмо, где он предварительно написал, что вроде бы «ничего». Вот и все мои новости и дела. Скоро едет на каникулы сын. Уволилась с работы и едет поступать поближе к дому, хоть в Ярославль, дочь, дабы продолжать учение на заочном, без отрыва от работы <...>

Я читаю после писем и графоманов «Португальские письма» и... жду весны, тепла, чтобы чаще выбираться на рыбалку и в лес.

Будь здоров. Пусть дочка не болеет. <...>

Обнимаю.

Виктор Петрович.

(без даты)

Витя!

Будь оно всё неладно! – заболел я опять тут. Как ни берёгся – простыл. В доме, от форточки! Не климат мне тут – сыро. Надо уезжать, болею в середине каждой зимы. А куда? Кроме родины – Сибири – никуда не тянет. А там тоже сыро, из-за ГЭС этой проклятой весь климат перевернулся с ног на голову. Буду думать.

Я ведь полагал, что выслал тебе «Затеси», а может, и высылал, да книжка между Серафимовичем и Саратовом куда-то задевалась, а я на ней с окуном белозёрским заснят, так шлю тебе её на память, хорошо, что сохранилось несколько штук. А переводят её в Польше, где у меня уже вышли нынче «Синие сумерки».

Очень рад, что всё наконец-то складывается удачно с повестью, Марченко читал мне по телефону письмо Носова Жени о тебе: «Вот готовая повесть талантливого человека, расставьте абзацы (он не умеет, и хорошо, что не умеет, что «дикий», а то больно все «умелые» стали) и сдавайте в набор». Поставят твою повесть, очевидно, в августовский номер (молодёжный), и вполне может случиться,

что моих подшефных там окажется трое – Мишу Голубева из Перми я уж всего в синяки избил, так бил, бил и выбил всё же настоящую повестушку; вместе с Валеёй Тоболкиным из Тюмени должен ещё печататься и другой всякий вятский народ, а в октябре всесоюзное совещание молодых, глядишь, хоть на глаз и слух попадёте, а то ведь сейчас никому ни до кого дела нет...

Глядишь, в августе и мы с Женей у тебя на рыбалке побываем. Страшный он рыбак!

Приехал сын и заболел, отвалился все каникулы. Во жись!

Виктор Петрович.

9 марта 1977 года

Дорогой Витя!

Ты как напишешь, так уж распотешишь, всё же есть в вас, дончаках-висельниках, доля какой-то разухабистой удали, которая паче печали, и нобелевский лауреат здорово всё это сумел пропустить через себя. Вот если бы он воздержался писать или имел мужество не писать всё остальное, кроме «Тихого Дона», какой бы цельный остался в памяти людей художник и человек!

Я всё-таки добил «Последний поклон»! Пусть начерно, кое-где просто «на живую нитку» связал, но материал в куче и уже не в голове, а это освобождение от бремени. И гора с плеч.

Я уже разок съездил на рыбалку, привёз окушков, но рыбалил из пяти дней один – такой был снеговал, а сейчас похолодало, но всё равно едем завтра на Белое озеро – это 214 километров, и дорогой хоть от бумаг отдохнёшь, а они мне до тошноты обрыдли. Дома пока тоже всё в норме: Витёк, маленький, здоров, бабка крутится, дети смотрят, как она крутится, и ждут, когда она ещё пуще закрутится. Помогают мало – ленивы. Порой создаётся впечатление, что дитё не ихнее, а наше.

Весь март у меня будет в разъездах – 9–10 уеду в Москву, на «Мосфильм», смотрят пробы актёров, 15-го – в Петрозаводск выступать в университете, а с 31 марта у нас с Марьёй Семёновной путёвки в Ялту – надо мне погреть и подлечить лёгкие. Вернёмся уж к празднику. В Ялте я думаю неторопливо править новые главы – их четыре, а потом забрать их, уже переделанные, в Сибирь и там, на месте действия, «довести до ума» уже всю книгу, что-то уточнить, добавить, а что-то и убрать <...>

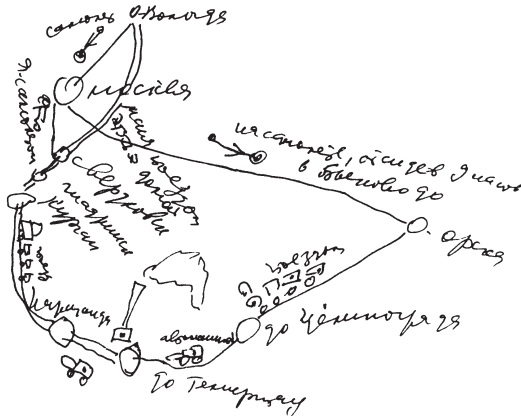
Как ты съездил в Саратов? Дали ль квартиру двухкомнатную? Уж помоги ты им в этом, коли остальное не задалось, а главное – работай. Потом всё тяжелее даётся, особенно после пятидесяти, а годы незаметно так подкрадываются, из-за спины надвигаются и валят людей.

Ну, обнимаю тебя. Поклон от наших, от Марии Семёновны – отдельный. Хорошо, что лодка твоя цела, помнишь её постоянный образ у Коли Рубцова: «Буду до ночной звезды лодку мастерить себе» – такая простая и такая вещая фраза, в которой поэзии бездна...

7 марта 1978 года

Дорогой Витя!

Наконец-то осуществилась моя мечта! Вместе с М. С. мы съездили по фронтовым моим друзьям, во как ехали:

Видал! В семи городах побывали. Навидались, наговорились. Я так словно в купели искупался, кислороду свежего хватил, потянуло работать и жить. И чувствовал себя хорошо. Погода всюду стояла славная, а вернулся в эту гнилую землю и сразу скис. У нас сыро, болят лёгкие, а стало быть, и голова. Дома у нас всё слава Богу. Маленький Витя растёт, радует нас.

Я в апреле поеду в Сибирь строить дом, так что, может, и соседями мы станем. А что захотел уехать – хорошо. Зачем тебе всю жизнь слушать перебранку бабушки с матерью да любоваться художествами отца? Ты и сам большой художник. Сибирь на тебя подействует благотворно. Там, особенно в глубинах Алтая, есть ещё что смотреть, ловить и есть.

А вторую рекомендацию проси у кого-нибудь. Женя, как секретарь правления, не имеет права никому давать рекомендации. Новостей особых нет. Читаю рукописи. Пишу письма, изредка делаю наброски «Затесей». Кино наше получилось, принято хорошо, но на экраны выйдет в октябре–ноябре – такая очередь в прокате.

Ну, желаю тебе успехов с Союзом и вообще во всём! Счастливого вступить в Союз и на сибирскую землю.

Наши все кланяются! Я обнимаю.

Виктор Петрович.

14 апреля 1979 года

Дорогой Виктор!

«На духа» – рассказ готовый, его можно печатать, а «Чуть-чуть» пока ещё тебе чуть-чуть не по плечу. А. Толстой, чтобы сделать самоубийцу-бабу, целый том написал, а ты – раз её – мимоходом и истре-

бил. Так не пойдёт! Всё докажи, покажи и заставь меня верить, что иного выхода нет, а тут даже и наоборот: баба, тобой схематично намеченная, по складу характера своего скорее другого в петлю затолкает. Рассказ неубедителен и приважен. В моём семинаре, на всесоюзном совещании было почти у каждого автора по 2–3 таких рассказа «про быт» и «несовместимость людей», и на всех на них всё та же печать меланхолии разведённых с бабами или с мужьями супругов, этаким усталым тоном, которому надлежит «замаскировать» неумение, а порой и нежелание толково и убедительно проработать «вечную» тему, ведь любовь и расходы были всегда и о них много написано, и хорошо. А в наше время тема эта стала расхожей, «рабочей», хотя уже в самой теме заложена ещё одна страшная тема: почему, отчего не может человек найти себе пару? И случается, как скотина с особью другого пола, лишь бы не жить без случки, а на дворе двадцатый век, такой «вумный» и прогрессивный. Отчего человек одичал в самом главном и обыденном, на чём и стоит жизнь? Ох, какие это сложные вопросы! А вы, «идущие за нами», пишете об этом мимоходом, со своей житейской колокольни, основываясь на опыте своего развода, часто единственного и на другие похожее. Наше преимущество состоит в том, что мы таких тем не трогали, хватало толку сообщить: силёнок не хватает.

Вот и всё. Завтра мы с М. С. едем в Польшу, вернёмся перед праздником. Я так много работал и до того устал, что волос на голове дымится от перенапряжения. С праздником наступающим.

Обнимаю. Виктор Петрович.

**Виктор
Астафьев**

ЯШКА-ЛОСЬ

Мать жеребёнка Яшки – вислогубая, справная кобыла Марианна. Какими путями достигло такое благозвучное имя далёкого уральского села, затерянного в лесах за Камским морем, и прилепилось к кривоногой пегой кобыле – большая загадка.

Сельское предание гласит, будто в ту пору, когда Марианна ещё была жеребёнком и никакого имени не имела, приезжала в село не то из Молдавии, не то с Камчатки свояченица бригадира, девица в тёмных очках и жёлтых штанах, и она-то нарекла кобылу именем, которое иначе, как с насмешкой, селянами не произносилось.

И вбила ли чего себе в голову Марианна, заимевши нездешнее имя, или, скорей всего, от природы была характерная и потому проклята всем населением заречной деревушки от мала до велика, но вела она себя так, как не подобает рядовой лошади.

Неделями, иногда месяцами мирно возила Марианна сани с вонючим силосом либо с дровами, но вдруг на неё находило, и тогда она являлась к конюшне с оглоблями, оставивши где-то в лесу возницу, сани и всё, что было в санях. Являлась и ждала, когда конюх, опасливо сторонясь, снимет с неё сбрую и поскорее загонит в отдельное стойло, потому как об эту пору Марианна норовила всех лошадей перелягать, взвизгивала по-пороссячи, крушила ногами заборки, кормушку и всё, что ей попадалось на глаза.

Бывало, когда Марианна не дурит и во благополучии находится, посадит конюх ребятишек на прогнутую уместительную спину Марианны штук до пяти, и она бережно снесёт их к долблёной, зеленью взявшейся колоде, что под стружкой ключа уже лет сто, а может, и больше мокнет.

Неторопливо тянет воду Марианна, сосёт её губами, а ребятишки подсвистывают протяжно, чтобы слаще пилось лошади. Попьёт, попьёт Марианна, голову поднимет, осмотрится, подумает и, ровно бы сама себе сказавши: «Да пропадите все вы пропадом!», брыкнет задом, ссыплет с себя ребятишек и ударится бежать неизвестно куда и зачем. Хвост у неё трубой, глаза огонь швыряют. Бежит она, бежит и в чей-нибудь двор ворвётся, выгонит корову, разметет животных и птиц, устроится в стайке, съест корм и стоит, вроде бы проблемы какие решает. И не выгонишь её с подворья. Надоест – сама выйдет и отчего-то не воротами двор покинет, а непременно махнёт через забор и отправится к конюшне, ещё издали голосом давая знать конюху: мол, иду я, иду!

Такая вот мама была у жеребёнка Яшки.

И с родным дитём Марианна обходилась по-своему. То всего заласкает, зубами ему нежно всю гриву переберёт, голову ему на спину положит и успокоенно дышит теплом. А то и к вымени не подпускает, не кормит его, визжит, как сварливая баба, отгоняя сына от себя.

Яшка – парень ласковый, ручной, таскается за Марианной, молока требует, внимания к себе и ласки материнской. Лезет с голодухи к другим лошадям жеребёнок-несмышлёныш, тычется в брюхо без разбору. А его лягают кобылы, люто скалятся табунный жеребец.

Совсем замордовали Яшку лошади, и стал он от табуна потихоньку отбиваться. Сначала поблизости бродил, а потом дальше и дальше в лес отклоняться начал.

И однажды Яшка не вернулся с пастьбы домой. Его искали по лесам, по речкам, все старые покосы обошли – нет Яшки, ушёл он из села и от тесной конюшни, покинул маму Марианну.

Волков в этой местности не водится, рыси есть, правда, и медведи есть. Но рысь с Яшкой не совладеет. Может, задрал голодный медведь Яшку либо в колдобину провалился он и пропал?

Марианна раскаялась в своём поведении, бегала вокруг деревни, звала Яшку, но он не откликался из лесов. Переключилась Марианна на других жеребят, воспитывать их начала, кормить молоком и ласкать зубами, из-за чего дралась с кобылами.

Летом, когда пошли грибы, ягоды и по речке стали бродить рыбаки за хариусами, в заболоченных местах обнаружили они следы лоси-

хи и лосёнка, но только след лосёнка больше напоминал лошадиные копытца.

Как-то приехал в село лесник с дальнего кордона и сказал, что есть в его обходе осиротелая лосиха: во время грозы и ветровала придавило у неё лосёнка лиственницей, и долго металась мать по округе, искала дитёнка. Она-то, скорей всего, и приголубила Яшку.

Кто поверил этому, кто посмеялся, посчитавши такое предположение досужей небылицей. Ближе к осени пошли лоси на водяную траву и держались у речки. Чаше и чаще стали попадаться широкие следы лосихи и рядом – уже глубокие, чётко пропечатанные следы лошадиных копыт.

Увидели Яшку деревенские ребяташки, бравшие у речки черёмуху. Он вышел из пихтача на поляну со старой комолой лосихой и остановился чуть в отдалении, изумлённо глядя на людей. Лосиха потрясла головой и выпрямила уши. Яшка, с гривой и хвостом до земли, переступал сильными, пружинистыми ногами, готовый прыгнуть в сторону и исчезнуть в пихтаче. Он уже окреп и напоминал подростка с налившимся телом и мускулами, но ещё вовсе не сложившегося.

– Яшка! Яшка! – позвали ягодники.

Угадали они его по светлой проточине, стекающей со лба до храпа из-под спутанной чёлки, да по жёлтой, былинно отросшей гриве и хвосту. Взгляд у Яшки чужой, мускулы комьями перекатываются под кожей, натянут он весь, напружинен.

– Яшка! Яшка!

Протягивая ломтик хлеба, несмело двинулись ребята к Яшке.

Яшка поставил зайчиком уши, заслышав своё имя, но, когда люди стали подходить ближе, вытянул по-змеиному шею, прижал уши, захрапел и грозно кинул землю копытами.

Лосиха загородила Яшку, отёрла его в пихтач и увела за собой.

В глуби леса, на травянистой гриве, Яшка остановился, задрал голову к вершинам лиственниц и пустил по горам протяжный крик. Был его голос высок, переливчат и свободен, как у птицы.

Преследовали Яшку колхозники долго, видели издали не раз, но он не подпускал людей к себе, и поймать его не могли.

Осень пришла, начались свадьбы у сохатых, и лосиха покинула Яшку, ушла на угрюмый призыв быка, стоявшего в густых зарослях ольховника, запутанного бражно пахнущим хмелем. Яшка по следу вынюхал лосиху и сунулся в спутанный хмель. Но долговязый бык с налитыми кровью глазами так шугнул непрошеного гостя, так за ним гнался и ревел, что мчался Яшка вёрст пять без передышки, треща валежником, ломая кусты и тонкие деревца.

Потерял и вторую мать Яшка.

Подули холодные ветры. Облетел лист. На траву стал падать белый иней. Болотца и речку в затишьях ночами прихватывало ледком. Обеспokoились птицы, в стаи сбились и с протяжными криками двинулись в дальний путь. Шерсть на Яшке сделалась густа и длинна, даже ноги до самых копыт взялись мохнатым подпушком. Так вот у бороной птицы к снегу и холодам обрастают лапы – сама природа утепляет жителей своих, и Яшку она тоже утеплит. Несколько раз ещё

Яшка находил старую лосиху в поределой тайге. Но она не узнавала его и не подпускала к себе. Одинокó сделалось Яшке в притихшем, сиротски раздетом лесу, потянуло его к живой душе, в тепло потянуло, и он начал спускаться с гор вниз по речке и однажды оказался у загородки, обнюхал её – жерди пахли назёмом, конской и коровьей шерстью, а из-за поскотины наносило дымом.

Яшка двинулся вдоль загороди, часто вскидывал голову, прислушивался. Больше и больше попадалось в траве конских, коровьих и козьих следов. Трава была выедена, выбита копытами и загажена лепёшками. Яшка брезгливо фыркал.

У запахнутых ворот поскотины он нерешительно остановился, втянул дрожливыми ноздрями воздух и среди многих запахов выделил один – запах сухой, приморенной травы. Он пошёл на этот запах, будто по протянутой нитке, и среди поляны увидел тёмный, засыпанный палыми листьями зарод.

Яшка подошёл к зароду, начал торопливо теревить из него сухой клевер и жадно хрумкать. За поляной, по скатистым берегам над речкою темнели зароды, много зародов, и над ними столбился дым, слышались там людские голоса, стук топора, собачий лай и много другого, нетаёжного шума было там. Он тревожил Яшку и о чём-то ему напоминал.

Яшка натоптал объеди и стал спать возле смётанного клевера, а днём отходил в лес.

Здесь его снова увидели ребятишки, молча оцепили. Он стоял в кругу притихших ребятишек, длиннохвостый, мохнатый, с узкой диковатой мордой, и, чуть слышно похрапывая, по-звериному обнажал зубы. Орбели ребятишки, отступили, и Яшка хватил в лес, умчался, треща валежником.

Но голод выгнал его снова к селу, и снова пришли ребятишки, стали протягивать ему клочья сена, хлеб. Привыкая к людям, Яшка уже не скалился, не храпел, но и еду из рук не брал.

Один раз, выйдя из-за поскотины, Яшка остановился – в ноздри его ударил вонючий запах. Долго кружился Яшка, не решаясь подходить близко к сену. На сенной объеди кто-то лежал, храпя, что-то наговаривая и ругаясь. Далёкий проблеск памяти мелькнул: табун лошадей разбродно тащится за человеком, который, шатаясь, идёт по полю. Он то падает, то долго поднимается – сначала на четвереньки, а потом уж как полагается человеку. Но сражает его усталость, и он валится окончательно, а лошади, рассыпавшись, пасутся вокруг пластом лежащего человека, и среди них жеребчишка ходит, любопытно вытягивает шею, слушает, как всхрапывает и ругается поверженный человек.

Яшка подошёл к зароду. По запаху, по разорванной на груди рубахе, по лохматому волосу на голове узнал его – это был ругливый, шумный человек, но лошади почему-то любили его. Никто не любил, а лошади любили. Может быть, потому, что с раннего возраста привыкали к нему, пьяному, с людьми грубому. И с ними, с лошадьми, он обходился не лучше, ругал их, но кормил и разговаривал так, будто все они должны были его понимать.

Человек проснулся, сел и потряс головой. Яшка отскочил сажени на три, боком встал, повернул голову:

– Ты где шляешься? – спросил человек. – Ты что об себе понимаешь, иуда? Значит, я за тебя отвечаю, а ты, значит, вольничаете?

Яшка запрядал ушами, переступил, и это не понравилось человеку.

– Пляшешь, пала, танцуешь? А робить кто будет?!

Тут человек вскочил с земли и с кулаками бросился на Яшку. Яшка отбежал, остановился. Человек грозил ему кулаком, ругался, а потом сказал:

– Сам придёшь, пала, сам! Голодуха тебя, бродягу, домой пригонит!

И ушёл, хромая на обе ноги, разговаривая сам с собою. Вместе с ним уплыл и запах, тяжёлый, болотный.

А назавтра исчез с поля зарод – увезли его по велению бригадира.

Одонья зарода хватило ненадолго, да и снег уже выпал к этой поре, завалил траву, приморозило заросли в речке.

Вскорости мороз ударил, взнялась первая метель.

Яшка пришёл в деревню. Сам пришёл. Остановился среди улицы, протяжно заржал.

– Лови его, змея! – закричал бригадир.

Прибежали люди. Яшка шарахнулся от них, но его поймали арканом, и Яшка чуть было не задавился, ошалев от страха, криков и петли, больно сдавившей горло.

Бригадир схватил за удавку, ослабил её и, когда Яшка отдышался, водворили его в тёмную и душную конюшню, пнув напоследок в пах. Яшка кричал, метался в стойле и ничего не ел. Тогда бригадир ещё раз громко заругался и подпустил к нему Марианну. Сын с матерью долго бились в тесном стойле, но потом привыкли друг к другу, обнюхались и ели из одной кормушки овёс и сено.

С Марианной и на улицу выпустили Яшку. Он ударился в лес бежать, но в первом же овраге ухнул по брюхо в снег, забился там бешено, а потом, обессиленный, осел в сугроб и запришлёпывал плачущими губами.

– А-а, морда беспачпортная! В лес тебе, в ле-ес! Я те покажу ле-ес! – закричал бригадир и погнал Марианну.

Та деловито спустилась в овраг и, где лягаясь, где боком подталкивая, выдворила блудного сына на дорогу.

Гриву и хвост Яшке подстригли, длинную шерсть прочесали скребком и попробовали объезжать. Многих наездников поскидывал с себя Яшка, не раз в бега пускался, но бескормная зима, снега глубокие загоняли его обратно в село.

А когда взгромоздился в седло бригадир, Яшка присмирел, не решился сбросить человека с худыми ногами. Он позволил надеть на себя узду, хотя и кровенил железные удила, пробуя их перегрызть.

– Вот так вот! – самодовольно сказал бригадир. – Я ведмедя топором зарубил по пьянке, тигру немецкую пэтээрром угробил, и ты у меня ещё сено возить будешь!

Однако в санях и телеге так и не стал ходить Яшка. Он побил почти весь колхозный гужевогой инвентарь, и на него рукой махнул даже бригадир.

Верховой лошастью сделался Яшка. Называли его теперь на селе Яшкой-лосем, любили за красоту, но побаивались жеребца, потому как дикий его характер обнаруживал себя. В колхозном табуне он сделался вожакom, и даже сама Марианна относилась к нему с почтением.

Ездил на Яшке чаще всего главный заречный начальник – колхозный бригадир. Отправится он смотреть дальние поля либо нарезать покосы, и мчится Яшка как полевой ветер, стремительно, без рывков, но вдруг застопорит, остановится разом, и летит тогда ласточкой через голову жеребца выпивший и сонный бригадир. А Яшка втянет воздух с прихрапом, вслушается в тайгу, заржёт длинно, переливчато – и голос его летит по горам, повторяясь в распадах, закатится в таёжную даль, замрёт где-то высоко-высоко.

Кого, Яшка, зовёшь? Кого кличешь? Старую лосиху? Но она бродит по тайге со своим уже дитём, ушастым сереньким лосёнком. Или тайгу пытаешь: примет ли она тебя снова? Не примет, Яшка, не примет. У тайги свои законы. В тайге живут вольные птицы, вольные звери. Они сами себе добывают корм, сами себя пасут и охраняют. Им нет дела до тебя, пищу и тепло от людей принимающего.

Позвякивают удила, стучат кованые копыта о коренья. Мчится жеребец с седоком на спине, и лопочут листья над его головой, таёжный папоротный запах тревожит его нюх, урманной прелью мутит и хмелит ему голову, ветер шевелит жёлтую гриву и гонит, и гонит Яшку в потаённую темень красноселья.

Всё отрадней и громче фыркает Яшка, выбрасывая из ноздрей столбчатый дух конюшни. Все громче стучат его копыта. Всё звонче ветер в ушах. Всё стремительней его бег. Ликует сердце Яшки, и кажется ему – никогда уж он не остановится, а всё будет лететь и лететь по бескрайней тайге, вдыхая её животворный дух, и всё в нём будет петь, радуясь раздолью, свободе и живому миру.

Так вот и жил диковатый Яшка своей лошадиной жизнью и дожил до тянучей весны, о которой, как о плохом лете, говорят: «Два лета по зиме, одно само по себе». Та весна была сама по себе. Она взялась вымещать за осень, в которую до Дня Конституции ходили по Камскому морю порожние пароходы меж зябких, мокрым снегом покрытых берегов.

Уже в конце февраля на припёках прострелились почки на вербах и белым крапом мохнатых шишечек осыпало солнечные опушки леса. В марте дыхнуло сырым ветром с юга, быстро съело нетолстый слой снега на льду моря и погнало по нему волну так, что издали море казалось уже полым. Вода быстро проела щели во льду и ушла под него. Проплешистый голый лёд начал нехотя пропадать и истачиваться. Но крутыми мартовскими утренниками он делался стеклянным, и тогда катались по нему на коньках ребятишки, развернув полы пальтишек, как паруса, и гоняли ошалевшие от простора пьяные мотоциклисты, падая и увечась.

– Рано началась весна – на позднее наведёт! – говорили селяне.

Так оно и вышло.

Не раз ещё покрывало лёд на море метелями и снова стогняло снега тёплым ветром. Солнца было мало, и дожди не шли. Худой лёд

угрюмо, пустынно темнел от берега до берега, не давая никакого хода никому.

Отрезанные от кирпичного завода неезжалым и даже для пеших не пригодным льдом, бедовали люди праздники без вина. Брагу и самогонку они прикончили еще в Пасху, а к Первомаю ничего не осталось.

Селяне уныло ходили толпой по вытяявшему берегу, играли на гармошках грустные песни и кляли небесную канцелярию, которая так надругалась над ними, лишив их выпивки.

Бригадир достал с полатей старый, ещё с войны привезённый бинокль с одним выбитым стеклом и глядел на другую сторону Камского моря, где бойко дымил трубою кирпичный завод. Были там магазины, клуб, и люди вели на той стороне праздник с размахом, без тоски и забот.

Надо заметить, что бригадир пил каждый день, начиная с сорок второго года, с тех самых пор, как отпущен был из госпиталя по ранению. Ноги у него были обе перебиты, и он, как Чингисхан, почти не слезал с коня, разве что ночью, поспать...

К нему к такому привыкли не только лошади, но и бабы из заречной бригады и теперь пугались его трезвого, потому как сделался он мрачен, молчалив, не крыл их привычно, не орал сиплым, сгоревшим от денатурата голосом. Он и не замечал празднично одетых баб, не занимался никакими делами, а всё смотрел в бинокль, и руки у него дрожали, а в глазах с красными прожилками стояла голодная печаль. И большое недомогание угадывалось во всём его большом теле и лице, побритом по случаю праздника.

Хватило бригадира лишь на половину праздника.

Второго мая он рано утром заседлал Яшку и погнал его на лёд. Жена бригадира, ребятишки его и вся бригада облепили коня. Схватили бабы Яшку кто за узду, кто за гриву – не давали ему хода. Яшка, напугавшись криков, плача, многолюдства, голо чернеющего источенного льда с промоинами у берегов, храпел, пытался. А бригадир, осатанелый от трезвости, лупил кнутом Яшку, и жену, и детей, да и отбился от народа – раскидал его и бросил Яшку вперёд.

Яшка встал на дыбы, всхрапывая, плясал у промоины на камешнике, выкатив ошалело глаза. Но вдруг сжался пружиной, хакнул ноздрями, рысиным прыжком перемахнул промоину и, вытянувшись шеей, как птица в полёте, понёс бригадира. Он не шёл, а слепо летел по горбам выгнувшейся рыжей зимней дороге, порванной в изгибах верховой водою, касаясь её копытами так, будто жглась дорога.

Возле дороги стояли вешки. Иные из них уже вытяяли, упали, и там, где были стерженьки деревьев и веток, проело дыры во льду. С говором и хрипом катилась вода в лунки, закруживая воронками мокрый назём, щепу и сажу, налетевшую на лёд из трубы кирпичного завода.

Не шарахался Яшка от живых, вертящих пену и сор воронок, от зевасто открытых щелей с обточенным водою губастым льдом, а перемахивал их, весь вытянувшись, весь распластавшись в полёте. Или бег увлёк жеребца, или поверил он в опору, но ослабился, понёс

седока ровным намётом, скорее, скорее к другому берегу, до которого было версты три, а может, и четыре.

Он не прошёл и половину дороги. Лёд мягко, беззвучно, как болотина, просел под ним. Таёжный инстинкт сработал в Яшке раньше, чем он испугался. Яшка рванулся, выбросил себя из провала, поймался передними копытами за кромку полыньи, закипевшей под ним зашевелившейся водою и обломками льда. Бригадир скатился через голову Яшки на лёд, пополз от него, вытягивая жеребца за повод.

Яшка задирает голову, тянулся на поводу, звенел удилами, но лёд, как чёрствый хлеб, ломался под ним ломтями. Бригадир, лежа в мокроте, всё тянул и звал сиплым, осевшим голосом:

– Яшка, ну! Яшка, ну! Осилься! Осилься! Ну, ну, ну!

Яшка крушил копытами лёд, рвался на призывный голос человека, выбрасывал затяжелевшее от мокроты тело своё наверх. Он, будто руками, хватался копытами за лёд, скрёб его подковами, храпел, и что-то охало в нём от напряжения и борьбы. По-кошачьи изогнувшись, он выполз из полыньи до половины. Ещё одно усилие – и выбрался бы Яшка из полыньи, но в это время свернулось и упало ему под брюхо седло, брякнув по льду стремянами. Яшку сдёргивало в воду. Скрежетали, цеплялись яростные копыта за кромку полыньи, резало льдом шерсть, кожу на ногах, рвало сухожилия. Лёд свинцово прогнулся и осел под Яшкой. Он ухнул в холодное кипящее крошево с головою. Его накрыло всего, лишь жёлтая грива всплыла, и рвало её, пугало резучими комьями льда.

Над Камским морем, над Яшкой, бултыхающимся в полынье, над бригадиром, который размотал и сбросил ременный повод с кулака, чтобы и его не стащило в ледяной провал, вертелся и пел жаворонок. Метались далеко люди в цветастых платках, и зеленовато-серым туманом качался косогор за исполосованным вешними ручьями глинистым яром.

Яшка ещё раз, последним уже усилием, выбил себя из воды, взметнулся пробкою и закашлял, выбрасывая ноздрями воду и кровь. Бригадир уже не звал его, не кликал. Он отползал от Яшки всё дальше и дальше и, безбожный, давно не только молитвы, но и всё человеческое утративший, повторял сведёнными страхом губами:

– С-споди, помилу... с-споди, помилу...

Яшка увидел мерцающий вдали берег с затаившимся снегом в логах, темнеющий лес по горам, услышал жаворонка и заплакал слезами, а заплакав, крикнул вдруг пронзительно и высоко. И услышал издали, с берега:

– Я-ашенька-а-а!

Вода тянула его вглубь, вбирала в себя, подкатывала к горлу, сдавливала дых и пошла в губы, подёрнутые красной пеной, в оскаленный рот, хлестанула в ноздри и вымыла из них бурый клуб крови.

Тяжко упала узкая голова жеребца, разом, будто перержавевшая, сломилась его шея. Вот и круп залило, и спину сдавило водой, комья разбитого льда выкатывались наверх, и крутило их в полынье.

В глазах Яшка унёс далеко синеющий окоём леса, качающегося по горам, голый берег с пробуждающейся травой и рассечённое обла-

ко, в которое ввинтился жаворонок, – всё ушло к солнцу и расплавилось в нём.

Ещё какое-то время желтела мокрая грива на ноздрястой пластушине льда, ещё кружило воду и мусор в полынье – это в последних судорогах бился жеребец Яшка, погружаясь вглубь.

Сползла, стянувшись со льдины и жёлтая грива. Мелькнула ярким платом и исчезла, оставив на льду клочья обрезанных волос.

Наверх мячиками выкатились и лопнули пузыри, взбурлило раз другой, и всё успокоилось, стихло, и заторошенная полынья сомкнулась над Яшкой.

Всё так же бился, трепетал жаворонок в небе, светило ярко солнце, рокотали и мчались из логов снеговые ручьи и курился дымком лес на горах. А на берегу с визгом, плачем, с мужицкими матюками били бабы бригадира. Мокрый, драный, он катался по земле, выливая воду из сапог, и взывал как о милости:

– Убейте меня! Убейте меня!

Жена не дала забить его насмерть, отобрала мужа, которому уж и не рада была и намаливала ему смерти. Но вот как дошло до неё, до смерти-то, она устрашилась, ползала на коленях по земле, молила освирепевших баб, заклинала их и успевала вырывать из рук дрекольё, которое поувесистей.

Она спрятала избитого мужа на сеновале и носила ему туда еду, покудова село не успокоилось.

Через неделю сошёл-таки лёд с Камского моря, осел, затонул, растворился. Началась весенняя страда, и бригадир, снова пьяный, на другой уже лошади ездил по полям заречным императором, крыл сверху всех по делу и без дела и, если ему напоминали о Яшке, скорее скрывался с глаз долой, грозясь и стегая лошадь.

А Яшку вынесло верстах в пяти ниже села на песчаный обмысок. Над ним закружились вороны, стали расклёвывать его. Обмысок, на который вынесло Яшку, был возле пионерлагеря, и когда готовили его к сезону, то закопали Яшку в песок, а вскорости гидростанция начала копить воду, сработанную за зиму, и обмысок покрыло вместе с Яшкой водою, и он навсегда исчез от людей.

Бригадира отдали под суд, но на вызовы в суд он не являлся: то был пьян, то занят, и так вот проволынил лето.

Осенью вышла амнистия, и дело о погублении коня Яшки-лося было закрыто.

Мы продолжаем нашу рубрику беседой с саратовским писателем, автором значительного числа прозаических книг, членом Союза писателей СССР и России, десятилетия руководившим литературной студией «Молодые голоса», многие выходцы из которой стали авторами, редакторами и членами редколлегии нашего журнала, – Иваном Михайловичем Корниловым.

«ПИСАТЕЛЬ ТЫ ИЛИ НЕТ, ПОКАЖЕТ ТОЛЬКО ВРЕМЯ...»

(Беседа с саратовским писателем
Иваном Михайловичем Корниловым)

– Иван Михайлович, каково ваше отношение к современной литературной ситуации в городе и в стране? Что вас устраивает, а что, по вашему мнению, стоило бы изменить?

– Не думаю, что могу как-то повлиять на литературную ситуацию. Это не в моих силах, да и вообще невозможно. Ведь писатели лишь отражают время, тот или иной исторический период или процесс. А колёса истории, подобно тяжёлому асфальтовому катку, никого не спрашивая и ни к кому не прислушиваясь, прут себе да прут напролом и как бы диктуют своё: подлаживайся, человек, под меня, учитывай те или иные мои повороты или выкрутасы...

Чутким ли сердцем, обострённым ли слухом, называемым интуицией, истинный писатель в меру отпущенного ему дара вписывает своих героев в это историческое полотно, а читатели или критики рассудят потом, смог ли автор стать выразителем своего времени. Одному произведению удаётся сразу, что называется, в тот же день, при-

тись читателю по вкусу, истинная оценка другому будет дана лишь потом, спустя десятилетия, а то и века...

– Иван Михайлович, вы автор более десятка книг, причём у некоторых из них огромные тиражи. Вот сборник повестей и рассказов «В бесконечном ожидании» (издательство «Современник», Москва) – сто тысяч экземпляров! Такой же тираж и у книги «Догорал месяц август». Ваши повести и рассказы публиковались в толстых литературных журналах: «Юность», «Молодая гвардия», «Наш современник» и других. Тем не менее в Саратове ваше имя не на слуху. Чем это можно объяснить?

– Думаю, тем, прежде всего, что я не придавал никакого значения так называемому «пиару». Никогда. Рассуждал примерно так: исподволь, неторопливо делай себе своё дело, а всё остальное приложится само.

Однако наступило иное время: более динамичное, более дерзкое и даже... крикливое, что ли. Стоит какому-нибудь любителю словесного творчества издать за свой счёт не бог весть какой опус, и он уже гордо именует себя писателем. Мне кажется, это, по крайней мере, нескромным. Писатель ты или нет, покажет только время. Самым урожайным в русской словесности оказался, как известно, XIX век, а истинных-то писателей и там единицы: Александр Пушкин, Николай Гоголь, Лев Толстой, Фёдор Достоевский. Век двадцатый – и того скромнее. А нынче выдал «на-гора» одну-две книжицы, и нате вам – уже писатель!

– Ну, про XIX век я бы с вами поспорила, настоящих писателей в нём значительно больше. Если бы, допустим, Мельников-Печерский, или Лесков, или Полонский, или Баратынский жили и творили в каком-нибудь небольшом европейском государстве, их наверняка бы объявили национальными писателями, гениями и т.п. А мы просто не ценим того литературного богатства, которое есть у нас. Попросту не знаем о нём... Как вы думаете, с чем связано нежелание современного человека читать?

– Да, действительно, людей, читающих книги, становится всё меньше и меньше. И тому есть веские причины. Во-первых, наличие в каждом доме Интернета и телевидения. Десятки каналов, сотни захватывающих сериалов отвлекают человека от книг, ведь чтение художественной литературы предполагает углубление в себя, сопереживание автору и героям. Читая толковый роман или повесть, попутно ты непременно работаешь над собой. Сериал же можно смотреть, не задумываясь ни о чём серьёзном...

И второе, может быть, главное: а не отвращают ли читателя от книг сами современные авторы? Особенно писательницы-дамы. Шутка ли: у каждой «известной писательницы» – великое множество книг. Однажды из телепередачи узнал, что Дарья Донцова – автор ста десяти романов! Может, это неправда, может, я ослышался?.. А сколько романов у Татьяны Устиновой, Александры Марининой и десятка других столичных авторов?

– Вы считаете, что провинциальные авторы пишут лучше, просто не сумели «пробиться»?

– В Саратове на моих глазах «вызревали» примерно такие же рекордсменки. Долгое время я руководил литературной студией «Молодые голоса». Помнится, одна из наших студийек, открыв в себе божий дар, отважилась издать сборник своих рассказов. Составляла она свою книгу три-четыре года.

А потом молодого автора, что называется, прорвало. В течение одного года наша землячка издала в Москве и Петербурге одиннадцать (!) романов и собрание сочинений в восьми томах! Итак, девятнадцать романов всего-навсего за один год.

Один из них я, помнится, закончил читать глубокой ночью, а утром на свежую голову взял эту книгу в руки, и... случилось невероятное: сюжет ещё помнился, и хотя книга называлась «Визиты к одинокому мужчине», ни одной из тех самых «визитёрш» я почему-то так и не смог представить... Пока читал, кое-кто из героинь, вроде бы, мелькал перед глазами, а стоило отложить книгу – и всё куда-то исчезло...

Беседа с автором получилась занятной. На мой вопрос – «Примерно сколько лет ушло на создание «Визитов» – женщина весело рассмеялась и упрекнула меня, что я безнадежно отстал от жизни: её роман был написан за двадцать четыре дня! Так автор уложился в сроки, оговоренные при заключении контракта с издательством...

Считаю нелишним здесь заметить, что «Тихий Дон» Михаила Александровича Шолохова создавался в течение четырнадцати лет, а иные страницы «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого его жена, великая труженица Софья Андреевна, переписывала от руки до девятнадцати раз! Зато образы Наташи Ростовской и Пьера Безухова, Аксиньи Астаховой и Григория Мелехова остаются в памяти читателя годы и годы.

А вот ещё один занятный случай, связанный всё с той же так называемой дамской прозой. Женщина едва ли не клятвенно заверяла своих сослуживцев, что по выходе на пенсию она выдаст «на-гора» ни много ни мало восемь романов! Характеры героев и героинь она уже продумала, заготовки сюжетов ею набросаны, но сосредоточиться пока что не даёт эта постылая нынешняя служба... И вот наша писательница вышла на пенсию. И спустя время все восемь «запланированных» романов на компьютере набраны, а пять из них уже изданы. Одно из этих сочинений дама упростила меня прочесть.

«Роман» оказался убийственно слабым. А разговор об этой книге с безоглядно уверенной в своей гениальности романисткой помнится мне по сей день. Ваш сын, говорю, состоит в высоком звании офицера, внучка-студентка пишет лирические стихи. Представляете, что по прочтении вашей книги подумают они о своей матери и бабушке?..

В ответ – искреннее удивление, а потом и откровенная насмешка над моей «отсталостью»: нынче-де такие романы издаются «возами». Дама знала, о чём говорила: до выхода на пенсию она – исключительно в качестве «учебных пособий» – перечитала горы книг. И наших, и зарубежных. Кстати, эти романы покупал для неё в столичных магазинах не кто иной, как сын-офицер.

Даже и не знаешь, что тут возразить...

От проводницы скорого поезда недавно услышал:

– Как же надоели мне эти пассажиры-читаки! Выходят из вагона, а ты потом таскай их макулатуру на мусорку!

Макулатура... Мусорка... Не приговор ли это наскоро «сделанной» нынешней беллетристике? Затронувший сердечные струны роман или повесть ни в вагоне, ни в самолёте человек не оставит; как нечто для себя очень ценное он принесёт книгу своим близким и посоветует им прочесть её.

– Но неужели в современности нет талантливых писателей, которые и были бы известны и книги которых издавались бы достойными тиражами?

– Такие авторы, безусловно, есть. Правда, не так-то много их, как хотелось бы. Когда я прочёл повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», то мысленно воскликнул: «Вот она, молодая талантливая поросль! Наконец-то!» Увы, этот автор, похоже, оказался «писателем одной книги». Буду рад, если я ошибаюсь. Раскрученного прессой Захара Прилепина моя душа не принимает: герои его книг не смущаются материться.

– Действительно, серьёзный недостаток... А вообще-то Захар Прилепин – один из лучших писателей современности. Его произведения – и прозу, и статьи – с удовольствием публикуют толстые литературные журналы независимо от избранного ими направления. Только недавно читала в «Нашем современнике» статью «Почему я не либерал?» и в «Суре» – «Великолепный Мариенгоф. К 95-летию русского имажинизма». А уж эти журналы, поверьте мне, не пропустят на свои страницы никакой нецензурины.

– Я говорю о своём впечатлении о новой литературе в целом. Грязное сквернословие, как и бесстыдный разврат, подобно всеразрушающим волнам цунами разлились по городам и весям всей матушки России. Они рвутся уже и с подмостков столичных театров, прописались на телеэкране. А тут ещё и некоторые продвинутые поэты и прозаики не стыдятся писать об этом на страницах своих книг.

Так и хочется пристыдить некоторых: да пощадите вы человека, он же так слаб, он всего-навсего малая песчинка Вселенной!

*Гремит на ясном небе гром,
И хлынул в мир разврат, как воды.
И мнится, воздух стал грехом...*

Эти слова из глубины своей души исторг современник великого Пушкина Фёдор Глинка. Без малого два века назад!

Трудно, даже невозможно вообразить, каким растерянным выглядел бы этот поэт, окажись он на любой институтской или школьной дискотеке, не говоря уж об уличной и рыночной толчее...

Предвижу резонный ваш вопрос: неужели такая безнадёга и никакого просвета... в современной русской словесности? Нынче, на мой взгляд, в хорошей форме поэтический «цех». Николай Зиновьев из Краснодарского края, Сергей Воронов из Санкт-Петербурга, наши

саратовцы Валерий Кремер и Алексей Солодов радуют своего читателя прекрасными стихами. И таких поэтов немало.

Прозаики? Мне порой представляется диковинное: где-нибудь в Брянске, мало кому ведомых Бежецке, Хвалынске или Озинках неторопливо, без всякой спешки строка к строке пишется Великая Книга, и, когда она увидит свет, изумлённый читатель ахнет: а не новый ли это Шолохов? Или Бунин, Лесков или кто-то из других классиков?

– Ну, я как-то не сторонник того, чтобы искать «вторых» и «третьих» Шолоховых, Буниных, Есениных и т.п. Главное, чтобы каждый оставался самим собой... Кстати, вы уже говорили, что длительное время руководили литературной студией. Чуть ли не два десятка выходцев из неё стали членами СП России – это ведь тоже достижение. А некоторые из них и просто хорошие писатели, думаю, и время это тоже подтвердит.

– Знаю, что большинство бывших моих студийцев живёт в Саратове и в меру своих сил каждый трудится во славу нашего края. Некоторые из них даже стали лауреатами литературных премий – к примеру, имени нашего земляка Михаила Алексеева. Хотя меня самого литературные конкурсы и всевозможные титулы, гранты и премии не интересуют. Когда дело доходит до них, художественные достоинства сочинений зачастую отходят куда-то на дальние-дальние планы.

– А что же, по-вашему, остаётся на переднем плане?

– Я более сорока лет в союзах писателей – сначала СССР, а потом и России. За это время в саратовской писательской организации раз десять поменялось руководство. Были и литературно одарённые, и с административной жилкой деятели. Но вот что занятно – почти каждый, кого выдвигали мы в «литературные начальники», оказывался подверженным одной и той же житейской слабинке: в его ближайшем окружении почему-то всегда оказывались творцы с елейно-сладкими улыбками, заискивающими взглядами и очень удачными в честь своего шефа тостами. Им-то, как правило, те самые премии и доставались. Кстати, и до сих пор достаются.

– Что-то этот передний план какой-то «неправильный» получается. Вот ведь задавала я вам вопрос о литературной ситуации в городе, стоит ли что-то менять, а вас всё, вроде бы, устраивает.

– Я считаю, что главное в жизни – это творчество.

– Расскажите, как вы пришли к этому выводу и с какого момента началась ваша творческая биография.

– Всё началось с того, как из корреспондентов «Комсомольской правды» я шагнул... в дворники. Лучше всяких слов этот факт подтверждает сухая запись в моей трудовой книжке: «Освобождён от работы в редакции». И сразу же под этой строкой новая: «Принят на работу дворником детского сада № 163». И хотя тираж «Комсомолки» в то время был под двадцать миллионов и я получал возможность быть услышанным огромной аудиторией, мой уход из газеты не был ни опрометчивым порывом, ни блажью. К тому времени я подготовил первую в своей жизни рукопись. И глубоко уважаемый мною писатель Григорий Иванович Коновалов рекомендовал её издать отдельной книгой. А мне посоветовал немедленно «завязать» с жур-

налистикой. «Отклики газеты на моментальные события дня отвлекают писателя от собственных замыслов, мешают ему сосредоточиться», – сказал он.

Найти работу в советское время было несложно, но я пытался отыскать такое место, где оставалось бы время и для уединения, а главное, для того, чтобы писать прозу. Всё решил случай. Однажды на воротах детского сада – недалеко от моего дома – вижу объявление: требуется дворник. Хорошенько всё взвесив, решил: подходит. И сразу же определил для себя примерный срок самопроверки: три года. За это время можно понять, способен ли ты, кроме работы в газете, на что-то более серьёзное?..

С заведующей детским садом разговор получился непростым. Я заверил, что порядок на территории гарантирую образцовый, но и своё условие выставил: на службу выходить буду не с утра, а где-то к шести-семи вечера... Битая нелёгким житейским опытом, дама рискнула. До меня-то в их учреждении с метлой да поливальными шлангами «шустрили» в основном выпивохи...

И всё получилось. За три года в свой адрес не имел ни единого нарекания. И за письменным столом вкалывал, никаких себе поблажек. Домочадцам пришлось несладко. Их вынужден был жёстко предупредить: «Потерпите. Представьте, что я устроился на завод, ухожу к восьми утра, возвращаюсь поздно». В научной библиотеке СГУ удалось чуть ли не «забронировать» себе заветный уголок. Спасибо работницам библиотеки: они оказались людьми с пониманием. Если по той или иной причине я задерживался, на «моём» столе они оставляли кругляш картона: «Место занято».

– И каким же оказался итог самопроверки на литературную состоятельность?

– Итогом моих усилий стал второй по счёту сборник повестей и рассказов. Столичное издательство «Молодая гвардия» выпустило эту книгу баснословным по нынешним временам тиражом – 65 тысяч экземпляров. Но главное для меня всё-таки другое: оказывается, я что-то могу, и не только в журналистике.

Кстати, с тех самых пор на встречах со студентами я не считаю зазорным предложить им простенькое, на собственном опыте проверенное правило: если кто-то из вас почувствовал, что с выбором будущей профессии ошибся, а на горизонте появилось нечто более привлекательное, ни минуты не раздумывая, оставьте свой нынешний вуз и уходите! Жизнь – мимолётна, и тратить её на унылую подёнщину – преступление против собственной души.

– В предисловии к одной из ваших книг сказано, что вы были матросом на грузопассажирском теплоходе... А это вдруг зачем? Случаем не для «писательской» биографии?

– Хотите верьте, хотите нет, но в матросах я оказался по причине... жуткой, всеопустошающей усталости. Человеку крестьянского происхождения, из заволжских степняков, мне искренне казалось, что «вусмерть» вымотаться можно, к примеру, изготавливая из глины и соломы саманный кирпич; здорово устаёшь, когда под знойным солнцем целый день мотыжишь «безразмерный» огород картошки

или железной лопатой роешь канаву для прогона лиманной воды всё к тому же огороду... Но разве можно умориться от сидения за столом всего лишь с авторучкой или за пишущей машинкой?.. Оказалось, ещё как! Упорная, практически «от темна до темна» работа над книгой довела меня до жуткого переутомления. Когда в рукописи была поставлена последняя точка и на издание книги заключён с издательством договор (контракт по-нынешнему), я почувствовал полнейшее душевное опустошение. Даже интерес к жизни притупился. Вечерами словно бы по инерции я всё ещё поливал цветы и убирал мусор с территории детского сада, но совершенно не знал, куда девать такие длинные летние дни. На письменный стол смотрел уже с отвращением; ставшую вторым домом «научку» обходил за версту; ни русских классиков, ни модных в те годы зарубежных писателей Фолкнера, Маркеса или Хемингуэя брать в руки не хотелось. С окраины без всякой цели я шёл в центр города и, ни на что путное не способный, бродил где-то в районе Липок и стадиона «Динамо», а оттуда иной раз спускался на берег Волги.

И однажды на речном вокзале мне, что называется, крупно повезло. У причала привальная для тех лет картина: борт к борту стояло четыре или пять белых красавцев – трех- и четырёхпалубных теплоходов, на которых от Москвы, Нижнего Новгорода и прочих северных городов путешествовали до солнечной Астрахани празднующие туристы. С одного из теплоходов как раз выгружали какую-то поклажу. Парни в тельняшках с гиканьем и подначками таскали с корабля огромные тюки, а на берегу выкладывали из них высокие бурты. Нельзя было не залюбоваться такой азартной и спорной полуигрой-полуработой!

Решение созрело мгновенно: а почему бы не «пошустрить» с такими вот мешками и мне самому?..

Капитаны первого и второго теплоходов отказали: у них штаты укомплектованы. А третий, выслушав просьбу, упёрся в меня пронзительным взглядом и задал всего один вопрос: «Пьёшь?» И сам же себе ответил: «Да нет, не похоже». И сразу же в двух словах обрисовал все «прелести» матросской службы: выходных нет, в сутки работаешь две вахты по четыре часа, зарплата 72 рубля с копейками плюс бесплатное трёхразовое питание. «Отправляемся через три часа. Если решился, за паспортом сгонять успеешь?» За эти три часа я успел много: соседа по подъезду уговорил подменить меня на прежней работе, отдал ему ключи от подсобки, где хранились моя роба и поливальные шланги, а заведующую уверил, что мой «подменщик» – человек из надёжных надёжный.

Так я оказался на грузопассажирском теплоходе «Анадырь», приписанном к Камскому речному пароходству; наш корабль курсировал от Перми до Астрахани и обратно. Пассажирами нашего судна были в основном труженики с волжских и камских берегов, а грузовые трюмы забивались неподъёмными рулонами типографской бумаги (это в Краснокамске под Пермью), громоздкими тракторными шинами (в г. Волжском Волгоградской области), а в родном Саратове с прибрежных мельниц по крутым лестницам мы таскали мешки пшеничной

муки, чтоб потом выгрузить их где-нибудь в Елабуге, Чайковском, Сарапуле. Это, так сказать, плановый, или «государственный» груз, от которого никуда не деться. Больше всего любили матросы погрузку и разгрузку скарба у прижимистых «частников»: мешки с арбузами (весом до 120 килограммов), свёклой либо картошкой. Эти грузы были такими желанными потому, что чистогаң, без всяких там касс и бухгалтерий, пополнял твой карман..

Словом, волею случая я очутился в дотоле неведомом мне мире, и этот мир был прекрасен! Два раза в сутки с красной повязкой на рукаве я заступал на вахту и делал всё, что положено делать вахтенному матросу: драил шваброй палубные полы и чистил от пыли шлюпки, на остановках с борта своего теплохода бросал причальные канаты дежурному по вокзалу, а когда требовалось, подставлял спину под разгрузку мешков с поклажей... По ходу дела перезнакомился со всей командой корабля – от матросов, поваров до боцмана Яшки и капитана теплохода Бориса Нечаева, а постоянно меняющийся по берегам Волги и Камы пейзажи радовали глаз и грели душу. Словом, где-то через месяц-другой я почувствовал, что от той самой «застольной» – с авторучкой в руках – усталости и следа не осталось. Наоборот, ко мне вернулся прилив того самого азарта, когда именно за письменным столом как бы сама собой «одна строка рождает другую», и это доставляет тебе полное удовлетворение: очередной день прожит не напрасно!

– **Что бы вы как руководитель литературной студии с солидным стажем пожелали начинающим авторам?**

– Вопрос ваш кажется таким простеньким. Но только на первый взгляд. А на поверку он глубок и сложен. И ответ напрашивается далеко не однозначный.

Во-первых, молодому автору (имею в виду прежде всего прозаиков) необходимо поверить в свою звезду, а поверив в неё, следует как можно скорее порвать с суетой сует. В некоторых случаях требуется отказаться от привычного комфорта или поменять службу. В дворники уходить не советую никому: близкие знакомые будут над вами смеяться. Надо мной смеялись.

Во-вторых, придётся оградить себя от всевозможных соблазнов. В условиях нынешнего, насквозь пронизанного информацией времени это непросто. Но при большом желании возможно. Александр Солженицын, к примеру, никогда не держал дома телевизора: мешает делу. Так же, как глубоко уважаемый мною журналист «Комсомольской правды» Василий Песков. Валентин Пикуль при завершении очередного романа не выходил из дома неделями и не общался ни с кем. И подобных примеров, когда крупный художник, перечеркнув все условности, «уходит в себя», можно привести немало.

Словом, поверившему в свои силы начинающему автору я пожелал бы не так уж и много: не щадя сил своих вкалывать. Да, вкалывать! Только и всего.

Беседовала Елизавета МАРТЫНОВА

**Анна
МОРКОВИНА**

«И ЗДЕСЬ КОНЧАЕТСЯ ИСКУССТВО, И ДЫШАТ ПОЧВА И СУДЬБА...»

Загрековы. Судьба саратовской семьи

Наверное, там, наверху, всё предопределено. Наши любовь и дружба, минуты славы, годы забвения – и долгая память потомков.

Взять хотя бы семью Загрековых, жившую в Саратове сто лет назад. Сейчас, говоря о ней знакомым, понимаю: они мало что помнят об их удивительной судьбе. А зря... Ведь семья-то была замечательная, талантливая. И мне хотелось бы напомнить о двух братьях и сестре, очень любивших друг друга, выбравших каждый свою судьбу. Именно о них пишет Ольга Леонидовна Медведко в книге «Николай Загреков. Жизнь и творчество», таким образом способствуя сохранению памяти не только о замечательном саратовском художнике, но и о времени, о нашем городе, о его замечательных людях.

Загрековы происходили из дворян. Александр Николаевич в конце XIX века был известным в Саратове юристом. Его жена Мария Петровна – приятная светская дама и любящая мать трёх детей – Николая, Натальи и Бориса. Усадьбу Загрековых и Титовых можно увидеть на старинных фотографиях, сделанных под Татищевом. А вот дом, где жила эта дружная семья в Саратове, на углу Констан-

-
- Анна Юрьевна Морковина родилась в 1968 году. Окончила филологический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. В настоящее время – аспирантка 3-го курса Московского государственного университета культуры и искусств. С 2002 года – заведующая Пушкинским сектором Областной библиотеки для детей и юношества им. А.С. Пушкина. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Волга–XXI век», в альманахах «Озарение», «Библиотека Русского Stil-я», сборниках научно-практических конференций. Автор книги стихов «Занятия не по расписанию».

тиновской и Ильинской, сохранился лишь в воспоминаниях современников (на этом месте находится теперь корпус Института механизации сельского хозяйства). Зато буквально через квартал расположен дом № 30/32 на улице Советской (с бюстами Пушкина и Мицкевича на фасаде), в котором провела долгие годы Наталья Александровна Загрекова, первый в нашем городе заслуженный учитель России.

Меня всегда интересовала загадочная природа таланта, его истоки. Александр Загреков в свободное время водил детей в Радищевский музей, показывал изумительные шедевры «Волжской Третьяковки». Ему, видимо, и самому нравились полотна передвижников, саксонский фарфор, особая атмосфера, окружавшая произведения искусства... И почтенному юристу удалось увлечь искусством старшего сына, который уже с детства часами мог рисовать – сначала карандашами, потом красками, воссоздавая свой внутренний мир...

Внучатая племянница художника, москвичка Ольга Леонидовна Медведко, уже издала в 2004 году книгу о Николае Загрекове на русском и английском языках. В настоящее время готовится её обновлённое и дополненное переиздание. В нём есть замечательные воспоминания, переданные автору бабушкой, сестрой художника Натальей Александровной:

«Помню Волгу, большую и широкую. Далёкий-далёкий другой берег, куда хотелось перебраться: там наверняка ждёт что-то интересное и важное. Но к реке одним ходить нам запрещено. На берегу всегда толпились большие сильные мужики, это грузчики. Они таскали мешки, ящики – всё, что взваливали им на плечи. Они собирались в кружок и о чём-то громко спорили и кричали. Иногда в ожидании работы пели протяжные, заунывные песни. Мы очень любили ходить с отцом на обрывистый берег реки и наблюдать за проплывающими по Волге пароходами. Степной, пахнувший травами ветер дул нам в лицо, и мы, дети, широко расставив руки, кружились и представляли себя птицами, которые могут улететь далеко-далеко... Иногда по воскресным дням отец надевал праздничный чёрный костюм, Колю одевали в матроску, а мне мама завязывала на голове большой муаровый бант, и мы отправлялись в центр города смотреть картины в музее. Держась за руки отца, мы переходили из зала в зал и смотрели на красивых женщин и серьёзных мужчин на портретах, на пейзажи с лесными далями, зелёными полянами и тихими маленькими речками. Картин было очень много. Нам хотелось посмотреть все и с каждой жалко расстаться. Однажды, когда мы возвращались домой, отец свернул на боковую улицу и, указывая на красивый жёлтый особняк, сказал: «Здесь, Коленька, ты скоро будешь учиться рисовать». Коля задавал после этого один и тот же вопрос: «А долго ещё ждать?»

В 1914 году Николай Загреков поступает в Боголюбовское художественное училище, на курс к Ф. М. Корнееву, учится у А. Е. Карева, а затем у А. И. Савинова.

Как ни странно, мои знакомые, давно работающие в художественных музеях Саратова, даже не слышали фамилию этого замечательного художника. Но ещё в одном музее – Боголюбовского училища,

где собрано огромное количество раритетов, мы можем увидеть фотографию Николая Загрекова. На одном из стендов со старыми фотографиями есть снимок: руководитель училища П. Н. Боев, окружённый студентами, и в центре, рядом с педагогом, Николай: тот же прямой, пытливый, чуть насмешливый взгляд, ироничный прищур...

Проучившись здесь четыре года, Николай уезжает в Москву, чтобы там продолжить образование во ВХУТЕМАСе. Он снова работает кистью и красками, а также изучает архитектуру. Считается, что наибольшее влияние на Загрекова оказал его педагог И. И. Машков. А вернувшись, Николай делает предложение своей однокурснице по «Боголюбовке» Гертруде Галлер, происходившей из поволжских немцев. Чуть позже родственники Гертруды пригласили молодую пару в Германию, в Берлин. Конечно, предложение было принято с восторгом! Совершенствоваться в мастерстве за границей, в одном из старинных государств Европы!.. Загрековы переехали, и Николай снова увлечённо, целеустремлённо продолжал писать свои полотна – людей различных профессий, женские портреты, натюрморты...

Среди полотен Н. Загрекова тех лет – портреты современников, пейзажи. Ряд картин изображает сцены мирного труда. На других тренируются и выступают спортсмены – легкоатлеты, футболисты. В 2014 году в Сочи во время Олимпийских игр экспонировалось несколько загрековских «спортивных» работ, привезённых из Берлина.

Подозревал ли Николай Загреков, что грядёт катастрофа, что Вторая мировая унесёт столько жизней, сломает столько судеб? Скорее всего, художник с присущей ему интуицией догадывался о многом, но продолжал заниматься любимым делом, стараясь быть выше обстоятельств.

Многие до сих пор ломают голову: почему в надвигающейся фашистской войне русский художник в Германии уцелел, как он смог противостоять суровым событиям сороковых годов? В то время Николай Александрович уже преподавал в академии живописи и воспитывал своих учеников.

Но ухудшается политическая обстановка и в мире, и в Советском Союзе. А над саратовцами из семьи Загрековых в это время сгущались тучи. Ведь фашистская Германия стала врагом Советского Союза. И любящие друг друга Николай и Наталья с Борисом оказались «на разных берегах». В 1936 году Николай Александрович получил известие об аресте брата Бориса и смерти матери, после чего прекратил переписку со своими родными в СССР, испытывая страх за их жизнь.

Младший брат художника, Борис, тоже был влюблён в искусство – цирковое. Ведь цирк братьев Никитиных манил детей не меньше, чем Радищевский музей. Там были красивые наездницы, весёлые клоуны, фокусники и жонглёры. Каждый блистал подобно звезде. Борис выбрал опасную, рискованную специальность – воздушный эквилибрист. Часто болея в школьные годы, он внял советам врача заняться спортом – и полюбил велосипед. Борис выступал в цирке в номере «Семафор» со знаменитыми сёстрами Кох. Завоёвывал внимание зрителей и аплодисменты под самым куполом цирка. Что тво-

рилось с публикой, когда Борис с напарником показывал свой коронный номер «Венецианские братья»: езда по канату на велосипеде на головокружительной высоте, партнёр в это время зубами держался за канат, свисающий на несколько метров!

В начале 2014 года открылся Музей Саратовского цирка, и его хранительница О. В. Жогло показала мне сохранившуюся с двадцатых годов программку циркового представления, где помимо номера с забавным названием «Шефская Кармен» и прочих значится номер Братьев Венециус – «Римские гладиаторы». Видимо, именно в образе бесстрашного гладиатора Борис Загреков и остался на фотографии в семейном архиве.

Борис Александрович был арестован за переписку с братом, жившим в Германии. Он попал в один из сталинских лагерей. Выжил, вернулся. Однако подорванное здоровье не позволило больше работать в цирке, заниматься эквилибристикой.

Женат он был лишь один раз – на своей коллеге, актрисе цирка, которая трагически погибла во время выполнения одного из рискованных номеров под куполом цирка. К сожалению, встретить другую любовь ему не пришлось. По воспоминаниям, после возвращения к мирной жизни Борис Александрович *«нашёл в себе силы начать работать в совершенно другой области. Он любил мастерить, и его вполне заслуженно называли мастером на все руки. Со всей округи ему несли чинить кто велосипед, кто электросамовар, кто старинные часы. В 1960-х годах Борис стал мастером по металлу и делал потрясающие изделия из пластмассы и металла (например, маленькую модель петербургского Исаакиевского собора). Всю свою небольшую пенсию Борис Александрович тратил на приобретение музыкальных пластинок – обожал русские романсы, классику, цыганские песни. Семьи у Бориса не было. Он умер в 1988 году в Саратове»*.

Сестре Николая и Бориса, Наталье Александровне, повезло больше. Она вышла замуж за талантливого врача Якова Ивановича Калининкова, участника Первой мировой войны. Позже он практиковал, а затем до 80 лет консультировал как акушер-гинеколог. О. Л. Медведко с гордостью упоминает в одной из статей о дедушке: *«Если собрать всех спасённых им женщин и детей и поселить их в одном месте, то получился бы целый город»*.

Сама же Наталья Александровна, мама двоих детей – Николая и Елены – проработала в школе 30 лет и более 10 лет – в Саратовском Дворце пионеров. Наталья Александровна была награждена орденом Трудового Красного Знамени, ей присвоили звание заслуженного учителя РФ.

Дворец пионеров называется теперь иначе – Дворец творчества юных, да разве в этом суть? В нём тоже вспоминают ветеранов, собирают материалы для музея. И о Наталье Александровне помнят, хотя, к сожалению, тех, кто знал её лично, остаётся всё меньше и меньше.

Николай Александрович Загреков с первой женой, Гертрудой, расстался. Детей у него не было, хотя в брак вступал ещё дважды – с Анной-Марией Хан и Розой Дулер. А вот живопись не бросил. Напротив, Загреков становится видным представителем направ-

ления «Новая вещественность» (die Neue Sachlichkeit). Наиболее значимые работы этого периода: «Портрет Ирины Рахманиновой» (1923), «Натюрморт» (1926), «Двойной портрет» (1927), «Спортсменка» (1928), «Испанка» (1928), «Девушка с рейшиной» (1929), «Портрет фрау фон Штрюк» (1929), «Герта» нападает. С мячом – Ганне» (1930), «Крестьянин с косой» (1920-е), «Ритм труда» (1927) и другие.

С середины 1930-х Загреков применяет на практике и другие знания, полученные в студенчестве. Он начинает заниматься архитектурной деятельностью. Наиболее известным сооружением, сохранившимся донныне, стал собственный дом художника в Берлине в районе Шпандау.

С 1934 по 1944 годы Загреков работает директором художественной Школы живописи на пленэре Фрейлихт в Берлине. С 1938 по 1944 год он входил в группу художников «Inselgruppe» («Островная группа»), которая не могла во время нацистского режима вести свободную творческую жизнь.

С приходом в Берлин Советской армии в доме художника в районе Шпандау расположилась советская комендатура; Загреков получает заказ на создание 12 портретов маршалов, в том числе Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского. После войны он много трудился над восстановлением разрушенных зданий в Берлине, проектировал новые. После разделения Берлина район Шпандау с его жителями отошёл к западному сектору, а в 1952 году художник получил немецкое гражданство. Тогда же Загреков на долгие годы становится заместителем председателя Союза берлинских художников и его почётным членом.

К концу своей долгой жизни Николай Александрович Загреков подошёл с немалыми достижениями. Профессор, обладатель звания VIP за вклад в искусство Германии (1973), академик Итальянской академии искусств (1979), обладатель высшей награды ФРГ – почётного креста за заслуги перед страной (1979). Награждён золотой Евро-медалью за вклад в области искусства и охраны культуры (1980), лауреат премии «Золотая пальмовая ветвь Европы» (1986).

В 1991 году в Берлине прошла последняя прижизненная выставка художника. Загреков скончался 13 июля 1992 года в Берлине на 95-м году жизни. Похоронен на кладбище «In den Kisseln» в берлинском районе Шпандау.

Дом-музей Н. А. Загрекова в Берлине всегда принимает гостей. Там побывали внучатые племянники художника, члены «Общества друзей Загрекова», постоянно приходят и приезжают поклонники творчества художника.

А вот на родине, в том числе и в Саратове, имя Загрекова далеко не всем известно. Хотя уже в середине 2000-х годов состоялись его персональные выставки в Русском музее и Третьяковской галерее. Возможно, когда-нибудь и в Саратове появится памятная доска, посвящённая Николаю Загрекову или его родным, и тогда начнётся возвращение имени художника.

Гульсара
ТУКТАРОВА

ТОНКАЯ МАТЕРИЯ

ВЕРБЛЮЖЬЕ

Степь укроет всегда конокрада.
Звонкой дробью удача летит.
По песчинкам бесценного клада
Бьют подковы счастливых копыт.

В узел сложный затянуты тропы,
Змеи – знаки магических рун,
Тонкий месяц в рогах антилопы
Тонет в гребне желтеющих дюн.

У подножья барханного стока
Слышу запахи давних морей...
Так янтарная память Востока
Бредит ярью татарских кровей.

Я – добыча пустыни вовеки,
Дочь и мать отгоревшей земли,
Даже самые тёплые реки
Сушь мою напоить не смогли.

Верблюжонок, дитя каравана,
Тонконогий срывается в путь...
Сладкоглазый, за дымкой обмана,
Верю, встретимся мы... где-нибудь.

-
- Гульсара Туктарова родилась в с. Лапас Астраханской области. Стихи пишет с 2004 года. Публиковалась в альманахах «Чувства без границ» (г. Москва, 2009, 2010 гг.), «Нетерпеливые строки» (г. Саратов, 2011, 2012 гг.), в журнале «Легенс» (г. Санкт-Петербург, 2011 г.), в местных СМИ, член поэтических клубов «Диалог» (г. Саратов), «Вдохновение» (р.п. Татищево). Лауреат районных и областных литературных конкурсов. Создатель и руководитель литературного клуба «Возрождение» (ЗАТО Светлый).

...И НОВАЯ СТРОКА

Брожу одна по выжженной аллее...
Ковром пестреет павшая листва.
Я плакать вслед не буду – не умею
Бросать на ветер мёртвые слова.

Предатели вокруг... Они слетают...
Или слетаются... Не нужно больше драм!
Пусть осень эту пьесу доиграет,
Сжигая всё ненужное, как хлам.

Забудется и растворится имя,
Как тот угасший в небе серый клин,
И новый день нас сделает иными,
Дождём смывая лишнее, как грим.

Брожу одна... Врачует осень раны,
Кленовый лист – как братская рука...
Мне умирать, похоже, слишком рано,
...Пробел... Абзац.. И новая строка...

УХОДИТ ДЕНЬ

Уходит день, как в сон уходим мы,
Без памяти в пространстве пропадая,
И свет последний, словно имя, тает
На краешке у беспощадной тьмы.

Там чьи-то души проплывут в тиши
Со светом летним и теплом в обнимку,
И по реке заблещут серебрянкой
Дрожащих звёзд холодные лучи.

А мне сидеть у тёмного костра,
Забывшись за игрой воображенья, –
Ведь ночью пропадают наши тени,
А жизнь без них, бессонная, пуста.

Завтра будет лучше, чем вчера!..
А сейчас обычное сегодня –
Осень пышным жаром отцвела,
Золото червонное не в моде.

Не по мне изменчивость побед,
Все равны – герои, не герои.
Засыпает побелевший свет
Все следы подлунною золою.

Вечностью гранитною дыша,
Будет жизнь без усталости кружиться...
Тонкая материя – душа –
Может с телом просто не ужиться.

Повторяю пройденный урок
По слогам прилежной ученицей:
То, что будет, знает только Бог,
А вчера – закрытая страница.

**Оксана
МУХИНА**

СТОЛЬКО ЖИЗНИ В УМИРАЮЩЕЙ ЛИСТВЕ...

ПОСЛЕДНИЙ СОН

Я дотронуться боюсь.
Я спугну. Ты растворишься.
От надежды – только хруст.
Что-то колкое по мышцам.

Я укутаюсь во сне
В шаль печали. Мне уютно.
И не тает больше снег
На щеках ежеминутно.

А ты отпусти мою руку.
Позволь мне спокойно уснуть.
Позволь мне помочь нам, друг мой,
Завтра свободно вздохнуть.

А ты забывай, мой милый,
Как сердце стучит моё.
А ты забывай, как было,
Когда мы были вдвоём.

Весна – уважительная причина.
Пользуясь случаем, я схожу с ума...

Столько жизни в умирающей листве...

Наши глаза теряют тысячи слезинок,
из которых можно получить самое мёртвое море.

Я подвязала улыбочку до ушей,
но она развязалась...

Вы видите во мне только то,
что я позволяю вам видеть.

Когда я тебя вижу – я вдыхаю так резко,
будто только что вынырнула из-под воды.
Это и значит, что ты – мой воздух.

Только в школе делают «работу над ошибками»,
в жизни обычно делают новые ошибки,
и прежних уже не видно.

Рано или поздно мы все становимся слабыми.
Но лучше поздно.
Очень поздно ночью,
когда никто не видит этого.

Я надеюсь, что надеяться – не безнадежно.

НО СВЕТИТ МНЕ ПОГАСШАЯ ЗВЕЗДА...

Стихи участников
литературного объединения «Лира»
(Красноармейск)

**Зинаида
СИЛКИНА**

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Свет фонаря мерцает за окном,
Осенний вечер в сумраке кружится,
А я листаю старенький альбом,
И почему-то в эту ночь не спится.

Вдруг память встрепенулась, обожгла:
Твоя улыбка... длинные ресницы...
Где ты теперь? Ведь я тебя ждала!..
А ветер листья гонит, как страницы.

Читаю надпись в скромном уголке,
С такой любовью, нежными словами,
Что будешь вечно помнить обо мне...
Свою судьбу мы создавали сами.

И вновь вокзал... Ритмичный стук колёс,
А поезд набирает обороты...
Тебя зову, не сдерживая слёз.
Остался ты на чёрно-белом фото.

...И Стрыйский парк, и лебеди в пруду,
И слоники на стареньком комодe –
Всё это, знаю, в сердце сберегу...
День угасает. Осень на исходе.

**Елена
ПАСОЧНИКОВА**

РЕАЛЬНОСТЬ

Открытость – истина души,
Вчерашний сон уже не в руку.
И мы по-прежнему спешим,
Отдав реальность на поруки.
И каждый день уже не в счёт, –
Всё в круговерти бесконечно.
Живёт душа... Душа живёт...
Но жаль, что эта жизнь не вечна!
А за закатом вновь рассвет,
И звёзды падают нам в руки,
И снова «да», и снова «нет»,
И вновь реальность на поруки.

**Осман
МАГОМЕДОВ**

Живу в краю давно забытых снов,
Осколками чужих воспоминаний,
Фрагментами невысказанных слов,
Кусочками неданных обещаний.

Мелодия неспетая звучит,
Срываясь с уст немого человека,
Поток забытый среди гор журчит,
Разрушенных ещё в начале века.

Но светит мне погасшая звезда –
Маяк среди бушующего моря.
Я точно знаю: горе не беда
И стоит жить, с судьбой коварной споря.

Галина
ШЕСТОПАЛОВА

Отблеск божественности

**Истинный рыцарь духа. Статьи о жизни и творчестве В.Г. Белинского.
Сост. И.Р. Монахова. Научн. ред. и автор вступит. статьи Ю.В. Манн.
М.: Прогресс-Традиция, 2013.— 560 с. Тираж — 2000 экз.**

В.Г. Белинский глубоко современен. Эта мысль утверждается новым сборником статей, новыми подходами, которые пролагаются наукой к его наследию. Утверждается не для того, чтобы дать обоснование всем предыдущим трудам, посвящённым критику, но для наших сегодняшних дней и ещё для будущего. Критика корифея остаётся востребованной, она обладает аксиологической системой знаний, которые способствуют эволюционному развитию идей и теоретической мысли современного литературоведения и литературной критики.

Литературная идеология XXI века представлена в сборнике статьями тех мыслителей, талантливых учёных-филологов, которые в жизни, очевидно, не однажды чувствовали себя учениками В.Г. Белинского, так как они воплощают ту великую миссию, которую теоретически выразил критик в своих трудах, и обогащают её идеями нового времени.

Авторская группа объединила лучших литераторов, создателей монографий и учебников, научных трудов и литературной эссеистики, достойно представляющих современную филологическую науку, воодушевлённых идеями прогресса и любви к человечеству. С этими деятелями связан расцвет литературоведения.

Это доктора филологических наук, профессора Ю.В. Манн, В.А. Недзвецкий, А.С. Курилов, В.И. Стрельцов, А.А. Демченко, И.П. Щеблыкин, Л.М. Крупчанов, Ю.Г. Карпенко, В.Н. Аношкина-Касаткина, литературовед И.Р. Монахова и другие. Имена И.Л. Волгина, Н.Н. Скатова, Л.А. Аннинского, В.И. Гусева хорошо знакомы читателям не только по вузовской работе, но и по большой научной и общественно-просветительской деятельности, которую они ведут на страницах литературной периодики и в телевизионных

программах, в литературных обществах и на международных симпозиумах.

Интерес редколлегии сборника к демонстрации эволюционного развития идей прошлого и настоящего подчёркивается структурой издания. Книга открывается статьёй знаменитого теоретика литературы Ю.В. Манна «Поэзия критической мысли». Далее следуют три части, обозначенные традиционно римской цифрой.

Часть первая включает пять свидетельств писателей XX века о В.Г. Белинском: современников критика (И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.В. Дружинина) и последователей — Д.С. Мережковского (воинствующего аристократа) и демократа В.Г. Короленко. В этой части личность и наследие В.Г. Белинского представлены в историко-культурном изучении всеми хорошо известными писателями прошлого, чьи труды о критике стали хрестоматийными, и в сборнике они хрестоматийно преподнесены. Наличие такой «исторической» части в сборнике придаёт всему изданию не только литературное, но и культурно-историческое значение, так как когорта предшественников вступает во взаимодействие с современным филологическим активом, подчёркивая значение творческих содружеств.

Озабоченность героя комедии А.С. Грибоедова:

*Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший...—*

уступает место радости за непрерывность восхождения к высотам духа «истинного рыцаря», неустанно и преданно служившего литературе.

Часть вторая могла бы быть названа «Уроки В.Г. Белинского». Её авторская группа преимущественно представлена профессорами университетов Рос-

сии, замечательными педагогами-ораторами, которые, испытывая огромную любовь к художественному слову, умеют правильно оценить труд всех, кто причастен к его созданию. В становлении литературной эстетики слову В.Г. Белинского принадлежит важнейшая миссия. Оно стало мощным двигателем интеллектуальных писательских стремлений, объединяющихся в русле натуральной школы.

Статьи, вошедшие во вторую часть, отличаются замечательным научным единодушием, что ярко подчёркивает мысль о существовании хорошо сформировавшегося направления в нашем современном литературоведении. Многотемность статей позволяет выделить магистрали, которые соответствуют комплексу вопросов, предусмотренных общеобразовательной системой. По степени воздействия на умы современников и на формирование мировоззрения творческие одарённых людей В.Г. Белинский рассматривается как мыслитель-педагог, идеи которого способны воодушевлять современную педагогическую науку. Теоретические воззрения В.Г. Белинского развивали эстетику восприятия художественных явлений, интуицию постижения истинных красот человеческого духа, ввели в концепции типологические структуры реализма.

Ряд статей посвящён изучению сфер художественной литературы. Обсуждаются вопросы творческих связей критика и взаимодействия со славянофилами, а также с В.Н. Майковым, с К.Д. Кавелиным. Уточняются факты биографии. Впервые, может быть, после празднования 200-летия со дня рождения В.Г. Белинского в 2011 году определена тема, связанная с постижением категорий духовности в жизненной эгиде критика. Одни темы хорошо вписываются в общеисторический контекст, а другие отличаются новизной, но ценность всех их совершенно очевидна.

Все статьи, вошедшие во вторую часть сборника, могут быть предложены для конспектирования студентам, они входят не только в вузовские аудитории, но и в классы колледжей и лицеев. Учёные щедро делятся своим опытом изучения критики Белинского.

Профессор Пензенского государственного университета И.П. Щерблякин в статье «Педагогические идеи В.Г. Белинского» отражает широкий научный взгляд на просветительскую сущность деятельности В.Г. Белинского, для постижения истинности таланта разработавшего свою методологию, в состав критериев которой включается критерий нравственности, «русского духа» (народности), «отблеска божественности».

И.П. Щерблякин приводит цитату из статьи «Сочинения Александра Пушкина»: «Есть много родов образования и развития, и каждое из них важно само по себе, но всех их выше должно стоять образование нравственное. Одно образование делает вас человеком учёным, другое – светским, третье – административным, военным, политическим и т.д., но нравственное образование делает вас просто человеком, то есть существом, отражающим на себе отблеск божественности и потому высоко стоящим над миром животным» (с. 311).

Панорамность педагогических воззрений критика убедительно и творчески выражена в этой сентенции. Профессор Литературного института В.И. Гусев справедливо говорит полемизирующим о достоинствах критика скептикам: «Белинский сам отстоит себя» (с. 527). Белинский убедительно показывает, что самостояние личности связано с нравственными устоями, а его индивидуальный опыт учит испытывать доверие к самообразованию.

Статья И.П. Щерблякиной разъясняет чиновникам от просвещения, сколь ценны знания, добытые самостоятельным трудом. Личность Белинского для современных поколений определяет ценность выбора пути на основании призвания и таланта, самостоятельного труда.

В статье «Уроки Белинского» А.С. Курилова, литературоведа из ИМЛИ РАН, определяется цель служения «общественным интересам» на литературном поприще, выявленная В.Г. Белинским. «Это – главная цель и современной нашей литературы, и главный урок деятельности Белинского-критика» (с. 210).

Принципиальной важностью отличается статья В.И. Стрельцова «В.Г. Белинский – теоретик литературы». Профессор тонко подмечает особенности интеллектуального климата: «На протяжении XIX–XX веков имя В.Г. Белинского (1811–1848) было своеобразным барометром самосознания российского общества: интерес к его литературно-критическому наследию то возрастал, то падал соответственно колебаниям этого самосознания» (с. 256).

Мнение учёного заслуживает одобрения, так как высокая интеллектуальность не отрицает свободной творческой воли публициста-труженика, который стремился делать всё от него зависящее для того, чтобы можно было сказать: «У нас есть литература».

В.И. Стрельцов подчёркивает: «К основополагающим категориям теории Белинского следует отнести такое понятие, как «народность», присущую, по его мнению, литературе, отражающей жизнь того или иного государства» (с. 262).

Проблемы теории литературы в творчестве В. Г. Белинского претерпевают становление и развитие, он является первооткрывателем закономерностей, лежащих в основе реализма. Литературная критика в трудах Белинского становится наукой, взаимодействующей с теорией литературы, обосновывающей её диалектизм.

Со статьёй В. И. Стрельцова перекликается статья Ю. В. Манна «Литература в движении эпох».

В. А. Недзвецкий в статье «В. Г. Белинский о литературе риторической и художественной» рассказывает, как критик выдвинул критерий художественности по отношению к широкому кругу литературных явлений современной ему поры. Значение эстетики В. Г. Белинского профессор связывает с созданием им «своеобразного кодекса художественности» (с. 180).

В. Н. Аношкина-Касаткина в статье «В. Г. Белинский о лирической поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова» тонко подмечает: «В. Г. Белинский входил в литературную жизнь как критик-лирик» (с. 211). Это верно. Однако лиризм В. Г. Белинского не часто обращает на себя внимание в литературоведении. Интерес к точным приметам, к невыявленным чертам, к глубинам поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в оценках Белинского обращает на себя внимание в статье профессора, открывающей путь к познанию тайн магического искусства поэзии.

Существенные разъяснения отношения В. Г. Белинского к направлению «искусство для искусства» содержатся в статье А. А. Демченко «В. Г. Белинский, В. Н. Майков и К. Д. Кавелин в 40-е годы XIX века».

Часть третья могла бы быть озаглавлена: «Литература в движении эпох», так как именно взгляд на радения критика из нового тысячелетия, 200 лет спустя, отмечен раздумьями о миссии В. Г. Белинского на всех этапах эволюционного движения.

Блистательные статьи профессоров и публицистов, активно формирующих поток общественного сознания, поднимают проблемы личности критика, его мемуариала, постоянного буйства мнений, в сущности свидетельствующих о востребованности классика, его идей, забот. Индивидуальность каждого автора ярко выражена в его статье.

Обзор И. Л. Волгина «Неистовство Виссариона. Белинский в историко-литературной традиции» состоит из отдельных очерков, каждый из которых имеет свой заголовок. Сами заголовки внутри статьи выглядят занимательно, создают интригу: «С глазами, вперенными в туман...», «В одном гробе», «Монах или Робеспьер?», «...Ругал мне Христа по-матернью...», «Зачем он

государство отрицал?», «Бой с силуэтом», «Иностранец с книгой в руках...» и другие. Замечательное мастерство литературной эссеистики отличает все труды И. Л. Волгина. Пишет он непосредственно, оптимистично, задорно, с народными анекдотами и преданиями, дабы не утонуть в омутах литературной стремнины, столкнувшейся идеи представителей разных обществ и группировок XX столетия.

В противоположность литературным экзерсисам, будоражащим наши профессиональные чувства, статья Н. Н. Скотова написана торжественно и умиротворённо, спокойно, так как нельзя беспокоиться по поводу того, стал ли Чембар Белинским или остался как был. Жизнь примиряет страсти. Бессмертие Белинского не в имени Чембара, – родину свою он прославил, – а в его литературном наследии. Доведётся побывать в Чембаре – несомненно, взгляд Н. Н. Скотова расположит к неторопливости созерцания мира, взрастившего классика литературной критики.

Л. А. Аннинский в эссе «Белинский синдром» передаёт юношескую взволнованность восприятия произведений критика: «Он меня пленил, околдовал, покорило в пору, когда я не только не знал, кто он, но и самого имени этого не знал» (с. 510). Думается, что пьянящий восторг, очарование под впечатлениями образной и энергичной речи Белинского пережили многие литераторы.

Однако, как убедительно показывает И. Л. Волгин в историческом экскурсе в белинсковедение XX столетия, противоположные суждения и столкновения мнений формировали поверхность «взбалтавленного моря» науки о литературе. Сам Белинский словом и делом своих трудов участвует в полемике о его достоинствах и недостатках, и, как свидетельствует профессор В. И. Гусев в статье «Был особенно любим»: «Белинский сам отстоит себя» (с. 527).

Завершается сборник статьёй литературного критика, публициста, заместителя главного редактора журнала «Наш современник» А. И. Казинцева, который правильно оценил стремление В. Г. Белинского выявлять способность к миссионерству его родного народа: «Великий критик был полон веры в то, что русский народ способен и призван дать человечеству и прекрасные создания искусства, и великую, поистине всемирную идею» (с. 550). Пророчества Белинского, на которые ссылается критик: «Истинная эпоха русского искусства наступит!..», «Мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль...» – оправдались. Во многом с благослове-

ния критика реализм развивался и совершенствовался творчеством А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, А.Н. Островского; это направление поддержали Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.Г. Короленко, А.П. Чехов. Оно новыми талантами расцвело в XX веке: М.А. Булгаков, М.А. Шолохов, А.И. Солженицын и многие-многие другие оправдали стремления В.Г. Белинского видеть прекрасной, высокохудожественной, идейно-значительной русскую литературу.

Составитель сборника И.Р. Монахова вошла в авторскую группу с двумя статьями, в которых заключается духовное обоснование полемики с Н.В. Гоголем по поводу книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Это значительные статьи, поддерживающие в современном литературоведении яркое направление, связанное с постижением духовно-нравственного облика литературных явлений и самих литераторов. Статьи И.Р. Монаховой привносят этот элемент современности, реставрирующей свои духовные устои и исправляющей ошибки прошлого. Как составитель И.Р. Монахова себя отлично зарекомендовала: она привлекла к изданию научный актив лучших литераторов, педагогов, учёных, большинство из которых известны выдающимися теоретическими трудами, интеллектуальной эссеистикой, солидными и значительными монографиями.

При первом (визуальном) знакомстве книга производит отличное впечатление:

на тёмно-зелёном фоне обложки, которая своим цветом символизирует вечную жизнь, в верхнем левом углу расположен медальон с портретом В.Г. Белинского, в парадной одежде, в профиль. Выразительное и знакомое каждому школьнику лицо корифея, безапелляционно мыслящего человека. В центре – основной заголовок: «Истинный рыцарь духа», ниже по центру подзаголовок: «Статьи о жизни и творчестве В.Г. Белинского». Далее по центру в виде «фартука» дан рукописный лист, автограф, с активной авторской правкой.

В оформлении обложки лист рукописи символизирует авторское самобытное начало. Уже при чтении заголовка бросаются в глаза особенности почерка: стремительный, быстрый, настоящая скоропись; нарочитая порывистость исправлений свидетельствует о натуре, стремящейся к лучшему. Динамика автохарактеристики, которой является почерк, располагает к деятелю. На обороте обложки фотография бывшего «ректорского дома» во дворе старого здания Московского университета, в котором в середине 1830-х годов жил В.Г. Белинский.

Остаётся только добавить, что научный редактор сборника Ю.В. Манн и составитель И.Р. Монахова подготовили содержательное, значительное издание, которое особенно необходимо молодому поколению, а поэтому оно является не только отличной книгой для чтения, но и прекрасным фондом для изучения литературы.

Олег
ФЕНЧУК

«Молитесь лучше, господа, за нашу Русь...»

Из печати вышел третий выпуск альманаха «Поход». Издание представляет собой духовно-мировоззренческий и литературно-публицистический альманах. Прежде всего, хотелось бы отметить, что публикации, помещённые в журнале, отличаются цельностью взгляда на отечественную историю. Авторы альманаха принимают прошлое России без оговорок и условий. Ими в работе движет одно чувство, оно же их и объединяет – любовь к Родине.

Принимаясь писать отзыв, понял: без пафосных слов не смогу обойтись, но, может, и не стоит этого стесняться, когда речь идёт о духовности, о святых для русского человека понятиях. И, слава Богу, что во взрывоопасной атмосфере раскола нации в нашей стране есть люди, понимающие важность консолидации здоровых сил общества с целью возрождения единого русского народа. Именно таких людей собрал в свой круг альманах «Поход».

«В России сложилась странная ситуация, когда область культурной деятельности отнесена к сфере «обслуживания населения», формируется упрощённое понимание культуры как формы досуга, индустрии развлечений, человек постепенно перестаёт чувствовать себя творцом, создателем культурных ценностей и становится рядовым, безликим членом «общества потребления». Осознание этой и многих других проблем, возникших в российском обществе, убедило участников культурно-просветительской инициативы «Поход» создать общественное движение. Полагаю, что это объединение своей активной позицией поспособствует позитивным изменениям в сфере культуры, соберёт вокруг себя по-настоящему неравнодушных к судьбе России граждан – не только для слова, но и для дела.

Сегодня мало кого из думающих людей в нашей стране не волнует судьба Родины. Что же происходит? Это гибель империи или смутное время? Закат «Третьего

Рима» или очередной кризис Великой Державы? Случайно ли это явление или происходящее – закономерный итог исторического развития? На эти и многие другие вопросы пытается дать ответ альманах «Поход». Материалы, помещённые в издании, представляют разноцветную палитру жизни, оживлённую в драматических тонах историю российской государственности: с преодоления Смуты – восшествия на престол династии Романовых и до наших дней – нового смутного времени. Становление и развитие России, как известно, проходило в непростых условиях войн и переворотов, и «истерзанную постоянными революциями и «реформами» многострадальную землю» часто заливали потоки русской крови, но народ сумел сохранить, несмотря ни на что, свой национальный дух, душевную простоту и настоящую любовь к родной земле. Потому, наверное, «характерные черты русского человека среди других народов – отзывчивость, терпимость ко всем, интерес к иным культурам, объединяющая миссия».

Собранные в альманахе произведения представляют различные взгляды на события, которые разворачивались в нашем государстве на протяжении трёхсот лет, но в одном едины авторы эссе, статей, рассказов и стихотворений: всё, что ни происходило здесь, – это наша история, это наша страна! Даже литературные работы погибших и репрессированных писателей пронизаны искренней любовью к Родине, любовью людей, не только слепо восхищающихся её красотой, но и видящих пороки и язвы и не скрывающих это.

Известный афоризм гласит: «мы то, что мы едим», и в плане физическом это верно, а в духовном? В духовном плане мы то, наверное, что мы читаем. Но что могут предложить литература, издательства и масс-медиа современникам? Размышляя над судьбой нынешней литературы, писатель и публицист Л. А. Сычёва ста-

вит не только вопросы культурно-исторического характера, но и поднимает проблемы философского плана: «Излишкам человечества» можно, конечно, дать воду и пищу, но никак не потребление иных благ наравне с богатыми – на это ресурсов планеты не хватит. Значит, избыточным умам нужно дать виртуальную пищу – потусторонние миры примут в свои пределы заблудшие массы, направят их энергию в пространство фэнтези, туда, где нет богатых и бедных, но есть информация, цифра и виртуальное удовольствие. Там есть свои «цивилизации», «нации» и войны, там можно стать властелином мира... Психотерапия на дому – дешево и сердито. Виртуальное «царство божие» можно построить уже сегодня и на земле, то есть в подсознании». К сожалению, культура до сих пор удел избранных.

Верная постановка вопросов, ясный взгляд на проблему позволяют делать справедливые выводы: «А что же литература? По большому счёту, писатели (в их традиционном, русско-советском понимании – властители дум, духовные вожди и «совести нации») чужды на этом празднике жизни. В советское время литература соперничала с религией и даже частично заменяла её. Писатели создавали новые смыслы, проговаривали идеи, вели за собой, были полководцами в идеологических битвах. Сегодня художественное слово становится лишь одним из сегментов информационного воздействия на человека, по правде говоря, не очень крупным и маловлиятельным».

Автор статьи приходит к неутешительному выводу: литература находится в упадке, она на грани вырождения: «Точно так же, как нам не приходится ждать новых географических открытий на планете Земля, так и мир души человеческой во всём его многообразии детально исследован и описан художественной литературой, как в типическом проявлении характеров, так и в «вывихах» сознания, поведения и пр. <...> Географы и писатели сделали свою работу – больше они не нужны». Тем не менее Лидия Сычёва выражает надежду на возрождение подлинного назначения литературы, утверждая что «будущее художественного слова есть будущее самого человека – потеряв его, он потеряет себя».

О роли поэта в современной России рассуждает литературный критик и публицист В.Д. Лютый. Предназначение современного русского поэта автор видит в сглаживании противоречий между русской жизнью и русской цивилизацией, которые, находясь в диалектическом единстве, на современном этапе развития общества вошли в столкновение друг с другом. Пусть это

общая тенденция развития всех европейских наций, но ведь у России всегда был свой путь! Однако в современных условиях мы движемся по дороге самоуничтожения своего национально-культурного кода едва ли не быстрее других стран. Видимо, это и заставляет участников альманаха освещать подобные темы.

В чём же причины сегодняшних проблем и «болезней» Российской государственности и русского человека? Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, авторы альманаха обращаются к самым трагическим и, пожалуй, ключевым моментам российской истории. Не оставлена без внимания тема гражданской войны. Как верно подметил Олег Мраморнов по поводу судьбы белого движения: «Это ведь требует обстоятельного духовно-мировоззренческого и исторического объяснения. А не догматического оправдания несчастного белого движения, которое всё ещё поддерживается в общественном сознании». Действительно, тема эта остаётся до сих пор до конца не раскрытой. Несмотря на массу книг и кинофильмов о белой гвардии, истинные причины её поражения остаются неназванными.

Авторы, представляющие альманах, размышляют и над другими спорными историческими вопросами. Это роль Сталина и роль Советского народа во Второй мировой войне, причины революции и гражданской войны в России, успехи и неудачи самодержавия и советского руководства. Иногда можно услышать фразу: «Сталин украл у нас Победу», а не сами ли мы отказываемся от героизма и мужества наших предков, выстоявших в тяжелейших условиях и завоевавших мир на планете, в угоду чьим-то ангажированным взглядам? Почему-то никто не посылает голову пеплом и не издаёт истерических воплей по поводу позорного поражения Франции, выжидания Англией и США, куда качнётся чаша весов в жесточайших боях Советской армии с фашистской ордой? Не раскаиваются за кровавые диктаторов Муссолини, Франко, Антонеску и иже с ними европейские народы? Всё дело в том, что это наша с вами история и наше же дело принимать её такой, какова она есть! Именно об этом говорят авторы публикаций, составляющих альманах.

Давайте задумаемся: Советский Союз сумел разгромить самую мощную в мире армию, которая поставила на колени всю Европу, вобрав в себя весь экономический и военный потенциал покорённых стран (это боеприпасы и техника, сырьё и продовольствие, производимые в Чехии и Франции и т.д.). Но достойно ли нынешнее молодое поколение славных дел пра-

щуров, способно ли сострадать? Ведь прошлое – это не только счастье и радость побед, но и горечь поражений, боль утрат. Способно ли современное поколение понять и принять трагические страницы нашей истории во всём их ужасе и величии? Испытывает ли современная Россия гордость за свою державу?

История не имеет сослагательно-го наклонения, и потому наш долг – помнить прошлое таким, каким оно было, и не повторять ошибок ушедших поколений. Филолог и мыслитель Вадим Кожинев однажды справедливо заметил, что «любое предвидение будущего страны возможно только при опоре на достаточно полное и глубокое знание и понимание её предшествующей истории; попытки заглянуть в грядущее России, исходящие лишь из её современного, сегодняшнего состояния – это, как говорится, гадание на кофейной гуще». К этому стоит прислушаться.

Авторов альманаха тревожат умаление роли Советского Союза и подвига советского солдата в Великой Отечественной войне, попытки некоторых сил в российском обществе и за его пределами пересмотреть итоги Второй мировой войны, фальсифицировать её историю. Предводитель движения «Поход» О. А. Крюков связывает эту проблему со становлением либеральной демократии в России: «Для отрицания советского периода истории понадобились фальсификация истории Великой Отечественной войны и вычёркивание её из XX века. Иначе не была бы создана новая революционная «теория» потребительского общества. Это и есть, как уже отмечено, главная причина искажения истории войны». Автор уверенно доказывает свою мысль, приводя весомые аргументы – высказывания историков, документальные факты. Например, цитируя доктора исторических наук Н. А. Нарочницкую: «Однако вряд ли в Европе посмели бы глумиться над нашей Победой, если бы этого не начали делать российские либералы».

Р. А. Балакшин справедливо считает, что «до сего дня не смолкают речи о возвращении нас в семью «цивилизованных» народов. Может быть, для начала надо ответить на вопрос, кого называть цивилизованной страной – императорскую Россию или Англию с Францией, Советский Союз или Германию со всей Европой». Автор упоминает о том, что «англичане и французы разграбили могилы адмиралов – Нахимова, Корнилова, Истомина, гробкопатели надругались над останками героев. Французы разграбили церковь Всех Святых, на образе архангела Михаила остались следы картечи... Поживи-

лись просвещённые европейцы немало. Не в пример солдатам Российской армии в 1814 году. Не могли русские солдаты кинуться грабить Лувр или Тюильри – закуска не та. Примеров мародёрского поведения в российской, да и советской военной истории нет».

Не оставлены без внимания в издании конкретные факты и ключевые события Великой Отечественной войны. Так, историк И. Н. Маркин оценивает роль сражения под Воронежем в судьбе Сталинградской битвы. Он приходит к выводу о том, что бои в столице Черноземья необходимо расценивать как самостоятельную военную операцию, не менее важную, чем контрнаступление под Сталинградом. Подтверждая основополагающую роль Сталинградского сражения в переломе хода войны, автор указывает на роль Воронежа как стратегического центра, сдерживавшего возможности противника на сталинградском и казачьем направлениях, давшего возможность дальнейшего продвижения советских войск на Курск. Как известно, именно Сталинградская и Курская битвы стали ключевыми в истории Второй мировой войны. Автор восстанавливает хронологию боевых действий, представляет многочисленные факты героизма защитников Воронежа – города, так и не занятого фашистами полностью.

Действительно, военная тематика преобладает в этом выпуске альманаха. Названия материалов говорят сами за себя: «Идёт война народная...», «Земля, обогрёрная кровью...», «Сталинградские дни» О. Н. Трубочёва», «Совинформбюро не сообщало...» Однако и проблемы сегодняшнего дня не оставлены без внимания. Особое место занимает в издании поэзия. Произведения Николая Зиновьева и Александра Чуманова наполнены подлинным гуманизмом, пронизаны тоской по прошлому, пониманием жизни как испытания, полным приятием мира, во вселенской гармонии и человеческом несовершенстве. Их стихотворения привлекают внимание своей внешней простотой и внутренней ёмкостью.

Центральным произведением альманаха, на наш взгляд, является поэтическая миниатюра одного из лучших современных поэтов России Николая Зиновьева – «Давно по миру слух ползёт». Оно как нельзя лучше передаёт ту главную мысль, которая объединяет вокруг себя участников «Похода». Судите сами:

*Давно по миру слух ползёт,
В умах родившись не убогих:
Россия скоро упадёт.
Не веселитесь наперёд!
Коль упадёт – придавит многих.*

*А может статься, что и всех.
Что, кроме мокрого следа,
Тогда останется от мира?
Молитесь лучше, господа,
За нашу Русь, а то — беда.
Так мне пророчествует лира.*

Невнимательный или предвзятый читатель может подумать, что поэт грозит всему миру. Однако, в моём понимании, автор говорит о том, что Россия — это пуповина нашей планеты. Ни один народ не связан так с землёй и не близок к ней, как русский. Это вызвано тем, что крестьянин, трудяся, сотни лет поливал своим потом, а воин, защищая от бесчисленных врагов, обогрел своей кровью русскую землю. Эта «почвенная» связь закреплена в русской речи в устойчивых оборотах: «мать-земля», «родная земля», «отчая земля». Тесное отождествление понятий родины и земли, по мнению многих исследователей, присутствует только в русском языке. Потому-то, как считает поэт, если упадёт Россия — лопнет пуповина и планете Земля придёт конец. Наверное, не зря именно лира поэта предупреждает об опасности, так как она не может хранить молчание:

*Я мог бы дать обет молчания
На годы многие вперёд,
Не будь на грани одичания
Мой обездоленный народ.*

*Когда же столько судеб смолото
И столько жизней сметено,
Тогда молчание — не золото,
Сродни предательству оно.*

В связи с этим стихотворением на память приходит знаменитая ремарка А. С. Пушкина из трагедии «Борис Годунов»: «Народ безмолвствует». Каждая новая эпоха по-своему трактует её смысл, видит в ней определённый подтекст. В наши дни эту фразу необходимо воспринимать без подтекста, напрямую. Однако есть отдельные люди, не желающие молчать. Не мог молчать и ушедший из жизни в 2008 году поэт Александр Чуманов. Его поэтическая лира была обращена к разным сторонам человеческой жизни. С горькой иронией и осознанием невозможности изменить реальность поэт написал следующие пронзительные строки:

*Даже, допустим, наука генетика
Стопроцентно однажды меня убедит,
что из этого чахлого, дикого шкетика
в перспективе получится лютой бандит,
всё равно, как обычно, проделаю это я,
сознавая прекрасно, что в корне не прав:*

*усажу на колени, утешу конфетой,
вытру сопли и слёзы, в платок поплевав,
волосёнки легонько приглажу лохматые...
И прижмётся, угревшись,
ко мне существо...*

*Потому что действительность эта проклятая
и наука генетика против него,
и бессильны методики всей педагогики,
и железная логика тут — невпопад...
Он зарежет меня через столько-то
годи́ков,
и я буду, конечно же, сам виноват.*

В этих словах не вызывающая сомнений готовность самопожертвования ради будущего, основанная на чувстве стоического человеколюбия, и автор не задаётся вопросом: оправдана ли такая жертва? Как не вспомнить здесь памятник в Трептов-парке: Советский воин со спасённой немецкой девочкой на руках...

Альманах будет интересен широкому кругу читателей. Широта тем и глубина освещения вопросов, поставленных в материалах издания, привлекут внимание людей разного возраста и кругозора. Так, в альманахе представлены публикации о казачестве, в одной из них рассматривается вопрос о его становлении, в другой — о разрушении Запорожской Сечи. Пётр Ткаченко рассуждает о роли Екатерины II и Петра I в разорении Запорожья, а также о духовных символах запорожского и кубанского казачества. Публикация привлекает внимание использованием новых материалов из истории святынь Запорожской Сечи и кубанского казачества. Автор в увлекательной форме рассказывает о поиске книг библиотеки Межигорского монастыря: «Дело в том, что мой товарищ, передавший мне книги, живёт в Крымске. И когда в ночь с 6 на 7 июля 2012 года там произошло страшное наводнение, он сообщил мне, что весь его архив — поплыл... Таким образом, не передай он мне книги девять лет назад, они тоже бы пропали в этом бедствии... Так через поступки отдельных людей мы различаем, хоть и запоздало и не всегда ясно, — Божественное присутствие».

Материалы альманаха трогают своей искренностью и прямотой. Помимо указанных, можно отметить публикации Ольги Жуковой, Марианны Роговской-Соколовой, Юрия Сухарева, заметки Ивана Иловайского, Натальи Масленниковой, Евгения Артюхова, Сергея Попова. Авторы публикаций не оставят равнодушным ни одного из читателей: кого-то заинтересуют серьёзным и вдумчивым рассказом, кого-то заставят спорить, кого-то пересмотреть свои взгляды, но всех увлекут стремлением приблизиться к истине.

**Фрид
РАШИТОВ**

«ТАТАРСКИЙ ПРОРОК» ИЗ САРАТОВА

История Саратовского края богата именами выдающихся людей. Автор «Путешествия из Петербурга в Москву» – Александр Радищев, редактор журнала «Современник» – Николай Чернышевский, писатель Константин Федин, художник Виктор Борисов-Мусатов, государственный деятель Пётр Столыпин, великий учёный Николай Вавилов, лётчик-ас Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза Николай Скоморохов, первый космонавт Земли Юрий Гагарин. У каждого была своя судьба, отразившая эпоху со своим общественным и государственным строем, со своими заботами, ценностями и проклятыми вопросами, взлётами и падениями. Саратовским сообществом историков-краеведов проделана огромная работа по изучению биографий многих наших земляков и их бесценного жизненного опыта.

Определённое место в саратовском историческом краеведении занимает татарская тема. В XIX–начале XX в. эта тема касалась в основном средневековых татар. Общим было понимание, что древнейшее население края представляли татары. Хазарский каганат (VIII–X вв.), половецкие (кипчакские) орды (XI–XII вв.), Золотая Орда

-
- Фрид Аймиевич Рашитов родился в 1937 году в Ульяновской области. В 1960 году с отличием окончил Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского по специальности «История». Работал учителем в сельской школе, в редакции районной газеты, учился в аспирантуре Саратовского университета. Преподавал в университете им. Н.Г. Чернышевского и Саратовском институте (филиале) Российского государственного торгово-экономического университета. Доктор исторических наук, профессор, крупный учёный-исследователь истории революции 1917 года и истории татарского народа. Автор книг «Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции» (1972), «Революция 1917 года: борьба партий, выбор народа» (2006), «История татарского народа» (2001), «О прошлом и настоящем татарского народа» (2003), «Сары тау» по-татарски» (2009) и других. Заслуженный работник высшей школы РФ (2003). Почётный член Академии наук Республики Татарстан (2008). Живёт в Саратове.

(сер. XIII–XV вв.) – таковы важнейшие вехи пребывания тюрко-татарских племён в Нижнем Поволжье. Особое значение для консолидации татарского этноса имел период существования Золотой Орды. Как писал А. А. Гераклитов, «...именно на территории Поволжья сложилось ядро татарской державы, в наших пределах находилась столица Золотой Орды, в нашей земле лежат кости тех ханов, перед которыми склонялись во прахе русские князья».¹

Древности золотоордынского города Укека (Увека), основание Саратова и значение топонима – таковы вопросы, привлекавшие наибольшее внимание местных любителей старины. Ещё в 40-е годы XIX века бывший преподаватель Саратовской духовной семинарии Г. С. Саблуков (у него учился, кстати, Н. Г. Чернышевский) написал большую статью, посвящённую Укеку. В конце 1880-х гг., когда Саратов готовился отметить свой 300-летний юбилей, члены СУАК провели специальное исследование по этимологии названия города. В качестве эксперта был привлечён ахун Санкт-Петербурга Атаулла Баязитов. Тогда и был сделан вывод, что слово «Саратов» – татарское, в переводе означает «жёлтая гора».

Постепенно взоры саратовских историков стали обращаться к более поздним периодам истории татар. Так, член СУАК А. А. Голомбиевский в своей статье, посвящённой колонизации Саратовского края, уделил значительное внимание участию в данном процессе служилых татар и татарских мурз.² Были и другие факты обращения к татарской теме.

Однако татарская история долгое время оставалась фактически безымянной, т. е. без персонажей. Это объяснялось, очевидно, тем, что почти всё татарское население Саратовской губернии проживало в сельской местности в северных уездах, в отдалении от губернского центра. Татарская деревня представляла собой обособленный, в значительной мере закрытый сельский мир со своими внутренними обычаями и правилами, со своим внутренним управлением. Татарское население в городах росло медленными темпами, было слабо консолидированным. Мусульманская мечеть как центр консолидации и институционализации появилась в Саратове в 1839 году. Имамом был назначен мурза из деревни Пенделка Кузнецкого уезда Зайнетдин Биккулович Енгальчев. Он положил начало династии саратовских имамов. В конце XIX века его сменил сын Мухамеджан Зайнетдинович, 1850 года рождения. С 1907 года отцу, удостоенному звания ахуна Саратовской губернии, стал помогать старший сын Зыяутдин, выпускник одного из казанских медресе. Молодой имам-хатып Саратовской соборной мечети принимал активное участие в общественной и культурной жизни Саратова: в 1908 году был принят в члены СУАК, преподавал в русско-татарском училище (открыто в 1907 году), являлся одним из организаторов и руководителей Саратовского мусульман-

¹ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. – Саратов, 1923. – С. 14.

² См.: Голомбиевский А. А. Материалы для истории колонизации Саратовской губернии // Труды СУАК. – Т. 3. – Вып. 2 – Саратов, 1890.

ского общества (1913 год). История семьи духовных лиц Енгалычевых ждёт своего исследователя.

Как видим, к началу XX века саратовская мусульманская община набрала определённую силу и стала участвовать в общественной жизни. По Всеобщей переписи населения 1897 года, мусульманское население губернского города составило 1711 человек.³ Этим населением в абсолютном своём большинстве были татары. В последующие годы численность татарского населения росла быстрыми темпами, превысив к 1913 году 3 тысячи человек. Из общей массы чернорабочих, домашней прислуги, мелких ремесленников и торговцев вышли крупные предприниматели, купцы, люди умственных и свободных профессий. Так, в 1907 году выпускник Казанской татарской учительской школы Бурганутдин Сулейманович Юскаев стал преподавателем открывшегося в Саратове русско-татарского училища. В 1912 году в штат преподавателей вновь открывшейся Саратовской консерватории был принят талантливый музыкант-флейтист, выпускник Московской консерватории Мансур Исламович Султанов.⁴ В числе первых студенток консерватории были две татарские девушки: певица Фатыма Мухтарова и инструменталистка Фатыма Таканаева.

Именно в это время широкую известность не только в Саратове, но и в России приобрело имя саратовского купца 2-й гильдии, попечителя местной соборной мечети Миргалетдина Аминовича Курамшина (1854–1912 гг.). Он, очевидно, был самым богатым татарским предпринимателем в Саратове. И с ним же связана громкая сенсация: в 1902 году он объявил своему духовнику, упомянутому ахуну Мухамеджану Енгалычеву, что в сновидениях получил Святое Откровение и на него возложена миссия передать это Всемирному Духовному Собору. Несмотря на то, что его претензии стать новым мессией, или «пророком», встретили решительный отпор, М. А. Курамшин в последующие годы своей жизни, вплоть до смерти в конце декабря 1912 года, отдавал все свои силы реализации идеи создания Всемирного Духовного Собора, пропаганде своего учения.

Правда, «звезда» М. А. Курамшина закатилась так же быстро, как и зажглась, в самом начале XX века. Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война, революция 1917 года и гражданская война, вступление страны в эпоху социалистической модернизации заслонили эту фигуру. Имя «татарского пророка» оказалось прочно и, казалось бы, навсегда забытым.

К счастью, этого не случилось. В постсоветской России, переживающей своеобразный религиозный «Ренессанс», духовные искания людей XIX–начала XX века вновь оказались востребованными, стали предметом изучения. Применительно к русской общественной мысли речь идёт о творчестве В. С. Соловьёва, Л. Н. Толстого, Н. А. Бердяева и других. В современной татарской историографии довольно значительное место занимает учение мусульманского сектанта из Казани

³ См.: Рашитов Ф. А. О прошлом и настоящем татарского народа. – Саратов, 2003. – С. 100.

⁴ См. о нём: Балашов Е. А. Первая флейта Поволжья / Из истории Саратовской консерватории. – Саратов, 2004. – С. 23–26.

Багаутдина Ваисова (1804–1893 гг.) и его последователей – ваисовское движение.⁵ Несомненно, своё место в ряду религиозных реформаторов начала XX века должен занять саратовский купец Миргалетдин Курамшин.

Миргалетдин Аминович Курамшин проделал характерный для многих выходцев из татарского крестьянства жизненный путь, связанный с переходом из традиционного сельского мира в городской, с приобретением нового сословного положения и нового образа жизни. Для того чтобы лучше разобраться в этих коллизиях, следует хотя бы вкратце ознакомиться с правовым и социально-экономическим положением татарского крестьянства Саратовской губернии в XVIII–XIX вв.

Татарское население стало складываться здесь примерно с 70–80 гг. XVII века, когда началось освоение пустующих земель на самой северной окраине будущей губернии. Для защиты вновь построенных городов от набегов беспокойных южных соседей были построены засечные черты: сначала от Симбирска к Карсуну, далее на Саранск; затем – от Сызрани на Канадей и далее на Пензу. В строительстве городов активное участие принимали служилые татары и мурзы из Казани, Алатыря, Симбирска, Темникова и других северных уездов. В награду за службу они наделялись поместьями. Новые помещики старались селиться компактно, вместе со своими соплеменниками и единоверцами. Так, в конце XVII века на засечной черте Сызрань–Пенза, на реках Сура, Уза, Кадада и других появились татарские деревни Чирклей, Канадей, Елюзань, Индерка, Пенделка, Усть-Уза и другие. Здесь образовался Узинский стан Пензенского уезда, в который входило 13 деревень.

Расселение служилых татар на территории края активизировалось в первое десятилетие XVIII века. В течение короткого времени, примерно с 1702-го по 1717 гг., несколько сотен служилых татар получили десятки тысяч «порозжей» земли к югу и юго-востоку от Сызрани, на реках Терешка, Избалык, Кулатка. Ими были основаны деревни Верхняя, Средняя и Новая Терешки, Атлаш, Кулатка, Мостяк, Мосеевка и др. Начала складываться хвалынско-кулаткинская этнотерриториальная группа татарской нации. После образования Саратовского наместничества (1780 год) названные деревни – общим числом около 20 – вошли в состав Хвалынского уезда.

Для правительства Петра I, занятого созданием регулярной армии, служилые татары и мурзы были интересны не как военно-служилое сословие, а как податное население. Содержание армии, строительство флота, война со Швецией требовали огромных денежных сумм. В рамках проводимой налоговой реформы сначала на ясашных татарских крестьян (1719 год), затем и на служилых (1722 год) была возложена подушная подать. В 1724 году бывшие служилые тата-

⁵ См.: Давлетшин К. Кто такие ваисовцы? // Наука и религия, 1981. – № 6; Ваисовцы / Отечественная история: Энциклопедия. – М., 1994; Кемпер М., Усманова Д. Ваисовское движение в зеркале собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – эхо веков, 2001. – № 3/4; Валеев Р. К. Прерванная молитва. – Казань, 2007 (на татарском языке).

ры были отнесены к разряду государственных крестьян. В последующие годы они были окончательно уравнены в обязанностях с бывшими ясашниками: с 1737 года на них возложили рекрутскую повинность; часть из них приписали к Адмиралтейству и стали привлекать к заготовкам корабельного леса в северных губерниях («лашманство»). И, наконец, бывшие служилые татары потеряли имевшиеся у них ранее торговые привилегии.⁶ Единственное, что выгодно отличало бывших служилых татар от бывших ясашных крестьян, – это поместное, четвертное владение землёй. Вначале они владели большими поместьями – по 100 и более десятин земли. Однако по мере роста населения и разделов семей обеспеченность землёй уменьшалась, и к концу XVIII века её стало уже не хватать. Возникали острые конфликты между соседними селениями, в вышестоящие инстанции пошли многочисленные жалобы и прошения. Постепенно поместное, четвертное владение уступало место общинно-душевому владению землёй. В 1798 году в Российской империи было проведено Генеральное межевание земель. Государственным крестьянам – татарам Саратовской губернии было отмежевано по 15 десятин на ревизскую душу. В последующие десятилетия XIX века среднедушевой надел неуклонно уменьшался: в 1885 году в Хвалынском уезде на один двор татарского крестьянина приходилось в среднем 15 десятин земли.⁷

В социальном положении и повседневной жизни татарских крестьян в первой половине XIX века существенных изменений не произошло. Основным занятием было хлебопашество. Отсталая система полеводства, примитивная техника обработки почвы, полная зависимость от капризов погоды определяли низкую рентабельность земледелия. На долю крестьян всё чаще выпадали неурожайные, голодные годы. По имеющимся данным, с 1832 по 1861 год в Саратовской губернии урожайными были всего семь лет.

Проведённая в 1837–1841 гг. министром государственных имуществ П. Д. Киселёвым реформа управления государственными крестьянами ненамного улучшила их положение. Ничего существенного из того, что обещала реформа – дополнительное наделение крестьян землёй из госрезерва, открытие медицинских и ветеринарных пунктов, школ – обнаружить в документах, касающихся кулаткинских татар, не удалось. Первый и единственный на всю округу фельдшерский пункт был открыт в Старой Кулатке лишь в самом конце XIX века.

Исключительно тяжёлой для татарских государственных крестьян являлась рекрутская повинность. Служба в царской армии продолжалась 25 лет, с 1833 года – 20 лет. Наборы производились по условиям Рекрутского устава 1810 года на основе семейных рекрутских очередей по пятисотенным, а затем по одготысячным участкам. Сдача в рекруты сопровождалась денежными расходами сельского общества на содержание и обслуживание призванных. По мате-

⁶ См.: Рашитов Ф. А. Мостяк (1713–2013). Страницы истории татарского села. – Саратов, 2013. – С. 19–20.

⁷ Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Том V. Хвалынский уезд. – Саратов, 1886. – С. 5.

риалам Хвалынского уездного рекрутского присутствия, в 1847 году общество вносило в казначейство в среднем 10 рублей на обмундирование, 1,5–2 рубля на провиант и 1 рубль на жалование – в сумме 12–13 рублей на одного рекрута.⁸ Вместе с административно-канцелярскими расходами «цена» рекрута достигала 20 рублей. Рекрутские наборы проводились регулярно, с интервалом в два года. Среди рекрутов 1845 года оказался и отец нашего героя – Мухамедамин (Амин – сокращённо) Курамшин, 1818 года рождения.

В семье бедных крестьян из деревни Старая Кулатка Мухамедамина и Наялы Курамшиных 3 апреля 1854 года появился на свет сын Миргалетдин. Старая Кулатка была одним из крупнейших татарских поселений Хвалынского уезда: 500 дворов, 3300 человек в 1860 году.⁹ В деревне располагалось волостное правление, работало 7 мечетей.

Тяжёлое, полуголодное детство выпало на долю Миряя, как его называли родные и друзья. Из-за отсутствия зимней одежды мальчик не мог даже посещать мектеб при мечети. Жили в ожидании возвращения главы семейства из армии. И вот Мухамедамин вернулся домой. Радости домочадцев не было предела. Жизнь стала налаживаться. Однако повывавший мир отставной солдат не собирался жить в деревне. Он подыскал себе работу в полиции околоточным надзирателем в губернском городе Саратове. Вскоре перевёз семью к себе. Миряю в это время было примерно 10 лет. Тогда дети простых людей рано начинали трудиться, зарабатывать себе на жизнь. Не стал исключением и Миргалетдин. Отец отдал его в ученики и помощники знакомому татарину, занимавшемуся мелкой разносной торговлей.

Следует напомнить, что в 1860–1880-е гг. в Саратове бурно развивались промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья (зерно, подсолнечник, табак, горчица и др.) и торговля. Главными центрами последней были базары: Пеший, Верхний, Сенной, Митрофановский. На центральных улицах города – Московской, Никольской, Немецкой, Александровской – открывались прекрасно оборудованные магазины. В 1872 году было занято торговлей 859 саратовцев, среди них купцов 1-й гильдии – 30, второй гильдии – 399.¹⁰ Заметное место занимала и мелкорозничная разносная торговля.

Миряй Курамшин быстро постиг несложную науку торговли и вскоре встал на ноги, завёл своё дело. Известно, что уже к 18 годам Миргалетдин имел на Волге несколько собственных лодок, которые в летние месяцы сдавал в аренду для гуляний и для перевозки отдыхающих на острова. Открыл также свою лавку на Верхнем рынке.

Юность Миргалетдина Курамшина пришлось на пореформенные годы не только экономического, но и идейно-политического подъёма в стране. И он не остался в стороне от этих процессов. Путём самообразования постиг азы арабской грамоты, научился читать Коран,

⁸ См.: Госархив Саратовской области. – Ф.103. – Оп. 1. – Д.12. – Лл.112, 166.

⁹ См.: Списки населенных мест Российской империи... XXXVIII. – Саратовская губерния. – С-Пб., 1862. – С. 99.

¹⁰ См.: История Саратовского края: С древнейших времён до 1917 г.: учебное пособие. – Саратов, 2000. – С. 163.

стал истинно верующим мусульманином. Одновременно овладел не только разговорной русской речью, но и русской грамотой. Живой, любознательный, Миргалетдин сближается с русской учащейся молодёжью, более того, испытывает, очевидно, идейное влияние со стороны участников «хождения в народ». В середине 1870-х гг. в Саратове и губернии находились многие видные народники: П. И. Войнаральский, Ф. Е. Гераклитов, Г. В. Плеханов, В. Н. Фигнер, А. Н. Гартман и др. Известно, что в мае 1874 года в губернском городе полиция арестовала 25 человек – участников нелегальных кружков.¹¹

Был ли он знаком с кем-нибудь из революционеров, насколько серьёзно увлекался их идеями – неизвестно. В реальной жизни он продолжал заниматься предпринимательской деятельностью, наращивал свой капитал. Стал крупнейшим купцом-мануфактурщиком в Саратове. По оценкам, в начале XX века купец 2-й гильдии Н. М. Курамшин имел состояние в 1,5–2 миллиона рублей. Для того времени это была очень большая сумма.

Много времени и сил отнимали семейные заботы. В 1876 году Миргалетдин Аминович женился, вскоре родилась дочь Айша. Эта сторона его жизни требует отдельного разговора. Здесь ограничимся лишь констатацией факта, что первая жена с малолетней дочкой и вторая жена и 3-летняя дочь от неё скоропостижно умерли. Третья жена, Алимья Рахматулловна, на которой он женился в 1884 году, подарила ему 10 детей.

Однако кроме бизнеса и семьи у М. А. Курамшина было серьёзное увлечение религиозно-философскими вопросами. Он тщательно изучает Коран, общается с видными мусульманскими богословами. Попутно знакомится с христианской религией. В этот период жизни у него проявляется интерес к мистицизму. В начале 1900-х гг. миллионер-мистик начинает видеть «пророческие» сны, за разъяснением которых он сначала обращается к саратовскому ахуну Мухамеджану Енгалычеву, а затем к иногородним духовным авторитетам, в числе которых был пользовавшийся всероссийской известностью ишан из г. Троицка Оренбургской губернии Зайнулла Расулев. Но все они отказались признать его «миссию» и даже подняли вопрос о необходимости лечения «пророка».

В чём видел свою миссию М. А. Курамшин? Важнейшей и ближайшей своей целью он считал созыв Всемирного Духовного Собора. На Соборе он намеревался обнародовать содержание якобы полученных им в сновидениях Святых Откровений. О созыве Всемирного Духовного Собора ходатайствовал перед правительствами России и Турции.

В апреле–мае 1902 года совершил поездку в Константинополь, рассчитывая встретиться с турецким султаном Абдулхамидом Вторым. Однако султан его не принял, а турецкое правительство отделалось туманными обещаниями «изучить», «разобраться» и т. п. В декабре того же, 1902 года М. А. Курамшин послал из Саратова доклад мини-

¹¹ См.: История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 г.: учебное пособие. – Саратов, 2000. – С. 170–176.

стру внутренних дел Российской империи, прося его довести сведения о «тайном учении» до Николая Второго. 11 октября 1903 года он лично в Москве представил воззвание и доклад о созыве Всемирного Духовного Собора московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. Месяц спустя после этого от заявителя в Москве было взято дознание, результатом которого, очевидно, явилось настоятельное пожелание отказаться от «миссии».

Для М. А. Курамшина наступило тяжёлое время вынужденного молчания и мучительных переживаний. Впоследствии он с горечью вспоминал: «Я не стану подробно описывать все те натянутые отношения, какие создались между мною и окружающей меня средой. Несмотря на мою открытую нравственную жизнь, несмотря на мою постоянную помощь бедным, несмотря на замкнутость моей тайны, которую я тщательно скрывал даже от своего семейства, меня чуждались, на меня смотрели как на какое-то чудовище, потому только, что я писал, по их мнению, что-то неладное».¹²

Революция 1905–1907 гг. стала для саратовского купца-мистика, как и для многих думающих, совестливых людей, тем глотком свежего воздуха, в котором он нуждался, и стала мотивацией возобновления духовно-общественной деятельности. Судя по всему, он относился сочувственно к идеям и целям революции, хотя и не был её убеждённым сторонником и тем более участником. Современная русская литература, считал М. А. Курамшин, «в самых разнообразных формах отражает упорную борьбу между бюрократическим самодержавием и стремлением народа сбросить с себя вековые цепи политического бесправия и угнетения».¹³

Обладатель «тайного учения», не получив поддержки «бюрократического самодержавия», решил обратиться напрямую к общественности, к народу, воспользовавшись предоставленными Манифестом 17 октября свободой слова и свободой печати. С 1906 года в Саратове, в типографии Б. Л. Рабиновича, стали выходить книги М. А. Курамшина, издаваемые им, естественно, на собственные средства. Первой «ласточкой» стала книга «Всемирный Духовный Собор на семидесяти семи седмицах». В том же, 1906 году вышла ещё одна книга – «Духовные вопросы», под псевдонимом «Духовный Михаил».¹⁴ В последующие годы было издано ещё восемь книг «татарского пророка». Последняя книга – «Исповедь разума» – в 1912 году, незадолго до его смерти. Её он послал в Государственную Думу Российской империи, японскому императору и Учёному исламскому обществу в Бейруте.¹⁵

Публикаторская деятельность принесла М. А. Курамшину широкую известность. В 1909 году сразу две газеты – московская «Русское

¹² Курамшин М. А. Святая наука Заветов с природно-числовыми тайнами к засвидетельствованию во Всемирном Духовном Соборе. – Саратов, 1910. – С. 118–119.

¹³ Курамшин М. А. Пророческая азбука на символах художественной истины. – Саратов, 1910. – С. 7.

¹⁴ Курамшин считал, что у него четыре духовных имени. Третье из них, Михаил, обозначает «я есть в истинном Завете» (см: «Наука заветов...»). С. 33).

¹⁵ См.: Саратовский листок, 1914. – № 101. – С. 5.

слово» и местная «Саратовский вестник» – посвятили ему статьи. Он стал получать сочувственные письма из Москвы и других городов. В 1908 году в Саратове вышла книга А. Байгушева «Татарский пророк», в которой Миргалетдин Аминович был выведен под вымышленной фамилией – Тагиев.

Отмечу также, что известный поэт и прозаик, уроженец Саратова Пётр Орешин, друг Есенина, посвятил М. А. Курамшину несколько десятков страниц своей автобиографической повести «Злая жизнь» (1930 год). Оказывается, его отец служил приказчиком в мануфактурной лавке купца Курамшина в новом Гостином дворе.¹⁶

В своих книгах М. А. Курамшин постоянно подчёркивал, что познать его учение под названием «Форкан» можно только под его личным руководством. Раскрыть полное содержание «учения» он намеревался, как указывалось выше, перед Всемирным Духовным Собором. Тем не менее опубликованные сочинения содержали, очевидно, и те сокровенные мысли, которые «пророк» хотел сообщить человечеству.

В чём же состояло «учение» Курамшина? Он был убеждён, что основная идея всех «Заветных учений» – Моисея, Иисуса и Мухаммеда – «одна и та же, и переходит она в силу предопределения, преемственно от одного пророка к другому, от одного Завета к следующему».¹⁷ Все они наставляли человечество на путь Истины, т. е. духовного устройства.

«Каким же образом, – спрашивал М. А. Курамшин, – человечество должно уяснить себе, для чего оно призвано в жизнь, каков тот божественный идеал, каковы те вышеуказанные божественные принципы, руководствоваться которыми должно человечество для духовного своего устройства?» И отвечал он на свой вопрос следующим образом: «Для этого Всевышний Создатель дал миру величайших пророков-миротворцев, которые, в силу Святого Откровения, выступали на протяжении веков со своими учениями Божественной правды, справедливости и всеобщего братства».¹⁸

В критике официальных церковных властей М. А. Курамшин не шёл так же далеко, как это делали, например, Владимир Соловьёв или Лев Толстой. Он хотел сотрудничать с ними, надеялся на их поддержку. Неслучайно обращался с письмами в Святейший Синод РПЦ, в различные мусульманские духовные центры в Стамбуле, Бейруте и других местах. Однако нигде понимания и поддержки не нашёл. И это понятно, так как он своим учением подрывал обрядовые устои существующих церквей. «Обряды приносили только зло, – говорил Курамшин. – Род людской разделился на тысячи сект и религий с разными церковными уставами. Один народ хулит другого и поносит словами: гяур, жид, бусурман, язычник. Тёмные люди проливают кровь из-за религиозной разницы, между тем никогда миротворцы –

¹⁶ См.: Орешин Л. В. Повести и рассказы. – М., 1960. – С. 217–238, 370.

¹⁷ Курамшин М. А. Пророческая азбука на символах художественной истины. – Саратов, 1910. – С. 5

¹⁸ См.: Там же. – С. 4

Моисей, Магомет – не делали обрядового зла бессмертным словом».¹⁹ Оставаясь правоверным мусульманином, «татарский пророк» перестал ходить в мечеть и осудил такое распространённое среди мусульман явление, как многожёнство. Он утверждал, что Магомет не оставлял людям закона о многожёнстве.

Свою миссию Миргалетдин Курамшин видел в том, чтобы создать новый, единый для всех народов Духовный Закон. Озарить разум и чувство светом Истины и вывести человечество из тьмы на путь духовного просветления, считал он, «...можно лишь путём объединения всех Заветных учений в одно учение, которое, подобно фокусу, собирающему все лучи света в один центр, сосредоточит в своём объёме основу Заветных идей и, объединив их в одно целое, явит миру освобождённую Истину».²⁰

Следует отметить, догматическая составляющая сокровенной Истины была разработана Курамшиным весьма слабо. Главное внимание он уделял тем сторонам своего учения, которые касались современного общества. Совершенно очевидно, что он осуждал господствующие в этом обществе ложь, несправедливость, рознь, вражду, насилие. Искал пути избавления общества от этих болезней, пути установления на земле равенства, справедливости, всеобщего братства. По сути, это была идея социального реформаторства. Только эту идею М. А. Курамшин облакал в религиозную форму. Он искал идею всеобщего братства и равенства в религии, обнаруживал её во всех «Заветных учениях», призывал реализовывать её на практике.

Признание связи религии с жизнью людей на Земле, а также понимание хода человеческой истории как прогрессивного развития «законным усвоенным своим порядком» составляют сильную сторону учения «татарского пророка». Названный порядок хотя и определялся Духовным Законом, тем не менее последний должен сообразоваться со временем, «...с условиями духовного народного быта и с различными обстоятельствами его духовной жизни».²¹ Задача разработки актуального канонического Закона возлагалась, как уже указывалось, на Всемирный Духовный Собор. «Разработанный таким порядком канонический закон, – писал Курамшин в одной из своих последних книг, – издаваемый лицами, посланными на Собор от разных народностей, отличающихся своим духовным бытом, является обязательным в течение сорока лет, и Собор является ответственным перед народом за этот сорокалетний период».²²

Ещё одной примечательной чертой учения саратовского купца является стремление примирить религию и науку. Антагонизм между религией и наукой, считал он, «приводит человечество к... печальным последствиям».²³ Ответственность за этот антагонизм М. Курамшин

¹⁹ Саратовский листок, 1914. – 101. – С. 5.

²⁰ Курамшин М. А. Пророческая азбука на символах художественной истины. – Саратов, 1910. – С. 6.

²¹ Курамшин М. А. Основная тайна пророческой азбуки. – Саратов, 1911. – С. 3.

²² См.: Там же. – С. 93.

²³ Курамшин М. А. Святая наука заветов с природно-числовыми тайнами к засвидетельствованию во Всемирном Духовном Соборе. – Саратов, 1910. – С. 3.

возлагал как на современную науку, совершенно пренебрегающую учением Святых Заветов, так и на религию, стремящуюся «уничтожить науку и принять на себя руководящую роль в истории человечества». Этот антагонизм порождал неустанную и упорную борьбу за преобладание. «До XX века в этой борьбе победительницей оказывалась религия; с наступлением же XX столетия наука быстро начинает вытеснять религию из всех областей жизни». Но пусть помнят люди науки, управляющие жизнью народных масс, что невнимательность и халатность к вопросам чисто духовным могут привести к тяжёлым последствиям. Истинное призвание науки, по мысли Курамшина, – «не разрушать, а созидать; протянуть братскую руку помощи представителям религии, чтобы совместной работой рассеять тот мрак, в котором блуждает бедное и истрадавшееся человечество».²⁴

В споре науки и религии М. А. Курамшин явное предпочтение отдавал первой. Это, естественно, подрывало основы его учения о ниспосланном ему в сновидениях Святом Откровении. Но он, очевидно, был готов пойти даже на то, что доверенное ему Сокровенное знание будет подвергнуто тщательному анализу и критике со стороны науки. Он шёл явно в направлении признания принципа: «практика – критерий истины».

Таковы штрихи к портрету саратовского купца Миргалетдина Аминовича Курамшина. Даже краткий анализ его биографии и учения показывает, что это была крупная, незаурядная личность. Выходец из семьи татарского крестьянина-бедняка, не получивший даже начального конфессионального образования, он, благодаря исключительно своим выдающимся личностным качествам, сумел, начав фактически с нуля, в течение короткого времени поставить своё дело, накопить солидный капитал и первым среди саратовских татар стать гильдейским купцом. В течение ряда лет он являлся главным попечителем Саратовской соборной мечети и конфессиональной школы – мектеба – при ней.

Но если бы М. А. Курамшин был просто богатым торговцем и меценатом, то вряд ли его личность заслуживала столь пристального внимания. Он интересен для нас главным образом своими духовными, философскими исканиями, связанными с определением путей обновления религии, с выработкой новой универсальной духовной Идеи, способной объединить людей разных сословий, рас и вероисповеданий, объединить всё человечество. В этом огромном по масштабам и сложном деле им были проявлены прежде всего исключительные смелость и мужество.

Вот какую характеристику Тагиеву-Курамшину дал один из персонажей повести А. Байгушева: «Теперь религия у людей, или, точнее, существующие религиозные представления как бы отходят на второй план, не удовлетворяют современного человека. Начинается новое время искания новых форм выражения религиозной мысли, нового

²⁴ См.: Там же. – С. 8.

идеала, время шатания... И вот находится человек, который имеет смелость вступить в борьбу с установившимися представлениями, заявляет, что идеал один, истина одна, а всё дело заключается в устаревшей форме, которая должна быть изменена человечеством в зависимости от его развития».²⁵

Миргалетдин Курамшин не только имел смелость вступить в борьбу с искажениями божественной Истины, но и предложил своё достаточно стройное положительное учение, которое, как он считал, отражает суть всех предшествующих Заветных учений и вместе с тем допускает проверку последних данными науки и социальной практики. Несмотря на свои наивный мистицизм и утопичность предлагаемых способов реализации, учение нового «пророка» было связано с переживаемым временем, с потребностями общественного развития на рубеже XIX–XX вв. Персонажи упомянутой повести А. Байгушева пытались разгадать это явление: «Что это?.. Сумасшествие на религиозной почве?.. Сектанство в мусульманстве?.. Дух времени?..» Ответ был один: «Последнее, пожалуй, вернее всего. Идея всеобщего братства и равенства – по существу религиозная идея и всегда выставлялась как знамя...»²⁶

В этой связи становится ясным, что М. А. Курамшин не был ни первым, ни единственным претендентом на звание реформатора религии и глашатая новой Духовной Истины. Эти поиски велись как в христианстве, так и в мусульманстве. Поэтому его учение не было полностью оригинальным и самостоятельным. Тем не менее можно утверждать, что для татарского общественного сознания и духовного мира оно было новаторским и уникальным явлением.

Кроме того, вызывают удивление высокий уровень историко-философской культуры автора названных книг, логика изложения в них материала, прекрасное владение литературным слогом. Закрадывается даже некоторое сомнение: неужели эти книги мог написать человек, не получивший в юности систематического хотя бы общего образования, не говоря уже о специальном высшем или среднем? На этот вопрос возможен один из вариантов ответа: или М. А. Курамшин путём самообразования за счёт своих выдающихся интеллектуальных способностей поднялся до этих высот, или тексты его книг написаны или очень хорошо отредактированы другим человеком. Впрочем, возможно то или иное сочетание обоих вариантов. Однако у нас нет пока материала для удовлетворительного решения данного вопроса.

Но, как бы то ни было, мы познакомились действительно с незаурядным человеком, с его учением о всеобщем братстве и равенстве. Уверен: саратовский купец, религиозный реформатор Миргалетдин Аминович Курамшин должен занять своё место среди персонажей региональной истории.

²⁵ Байгушев А. Татарский пророк. Очерки мусульманского раскола. – Саратов, 1908. – С. 122.

²⁶ См.: Там же. – С. 29.

Борис Загреков. (см. стр. 161)

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа».
Директор – Марина Елгаева.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Работы художника Николая Загрекова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 24 апреля 2014 года.

Дата выхода в свет 30 апреля 2014 года.

Журнал отпечатан в типографии ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа».

Адрес типографии: 410031, г. Саратов, ул. Волжская, 28.

Заказ № ГЗ/2404/01.

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Волжская, 28, к. 6.3.

Тел. (факс): (845-2) 23-24-81.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Электронная версия журнала: www.saratov-media.ru/add2/php

Сайт: www.saratov-media.ru

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 1020 экз.

© ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа», 2014.

© «Волга–XXI век», 2014.